

Михаил ПОГАРСКИЙ

В

р о м а н - с т и х

КРАСНОГОРСК

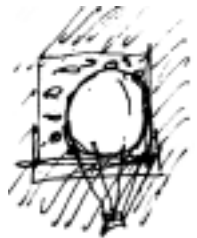
1993-1998

*«В» на всех языках значит вращение одной точки
кругом другой или по целому кругу, или по части его,
дуге, вверх и назад.*

(Велемир Хлебников. Художники мира!)

Мне Вэ кажется в виде круга и точки в нём: ⊙

(Велемир Хлебников. Художники мира!)

В А Р И А Н Т Ы

Ы

Б

О

Р

А

ВЛЕЧЕНИЕ	ВЕТРА?
ВНУК	ВОРА?
ВТОРАЯ	ВЕРА?
ВОССОЗДАНИЕ	ВАВИЛОНА?
ВОСПОМИНАНИЯ	ВОЗДУХА?
ВОСХОЖДЕНИЕ	ВОВНУТРЬ?
ВЛИЯНИЕ	ВОГЛЕА?
ВАКХАНАЛИЯ	ВАКУУМА?
ВОРКУЮЩИЙ	ВАЛЬС?
ВАСИЛЬКОВАЯ	ВАЛЮТА?
ВЫХОД	ВБОК?
В А Н Ь К А - В С Т А Н Ь К А ?	
ВИРУС	ВЕЛЕСА?
ВЫМПЕЛ	ВСТРЕЧИ?
ВОСТОЧНЫЙ	ВОПРОС?
В Д Р У Г - В Е К Т О Р ?	
ВЕКСЕЛЬ	ВЕЧНОСТИ?
ВОЗВРАЩЕНИЕ	ВЕРХА?
ВАГОННАЯ	ВЕСНА?
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ	ВЗЛОМЩИК?
ВИРТУАЛЬНЫЙ	ВИКИНГ?
ВИНИТЕЛЬНЫЙ	ВИРАЖ?
ВИНОГРАДНАЯ	ВИОЛА?
ВКУС	ВОЛИ?
ВОЗДВИЖЕНИЕ	ВОСТОРГА?
ВРЕМЯ	ВЕСОВ?
ВОЗРАЖЕНИЕ	ВОЛНЫ?
ВОРОТА	ВЫИГРЫША?
ВЫСОТНЫЙ	ВСАДНИК?

Был он в улёте,
А его искали.
Пропал, говорили, человек.
Пропал.
А он и так
Всё время был пропащим.

(Владимир Эсинский.
22-й стих из цикла: «Тропа поэта».)

Я целый год провёл
В своих скитаньях.
А когда вернулся —
В концертный зал Чайковского
Пошёл.
Там кресла белые
И музыку играют.

(Владимир Эсинский.
10-й стих из цикла: «Путь»)

Чего их, деньги-то, искать?
Ограбил банк — и дело в шляпе!
А после скажешь — гонорары
За несложённые стихи...

(Владимир Эсинский.
15-й стих из цикла: «Тропа поэта»)

СОДЕРЖАНИЕ

и л и

ВЫБОР ВАРИАНТОВ

Эпиграфы	2
Варианты выбора	3
Эпиграфы	4
Содержание или выбор вариантов	5
Рекомендации. Выбор вина. Восприятие ветра	9
Пролог. Вёрсты вёрстки	10
Часть первая. ВАГОН	
Эпиграф	11
1. ВИРУС ВЕЛЕСА	12
<i>Падёжи коньяка. О языке. О язычестве. О похмельной жажде. Впервые о душе. Об организме и душе. О незнании. О Божественном компьютере. О про- воднике. О ночи. Кривые песни. Как обрести совершенство.</i>	
2. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС	14
<i>Потрясающее распрямление. Принцесса на обочине. Ответственность за сон. Рассвет. Коньяк на полустанке. Попытка стихотворения. Степь или тундра? Существует ли Восток? Таинственная салфетка. Солнце в арке. Дождь. Озяб- шая Венера.</i>	
3. ВОРКУЮЩИЙ ВАЛЬС	16
<i>Микроб пробуждений. Двойные близнецы. Танец на салфетке. Пивная. Про- винциальная ночь. Отстрел голубей. Завтрак на площади. Платон. Охота за людьми. Пепельница-фонтан. Подмена действительности.</i>	
4. ВДРУГ-ВЕКТОР	20
<i>Пробуждение принцессы. Сумасшествие. Храбрый клоп. Мы едем к океану.</i>	
5. ВАКХАНАЛИЯ ВАКУУМА	21
<i>Три расписания. Сновидческий Владивосток. Блаженные нищие памятью. Неяс- ность жизни. Возвращение на Землю. Воспоминание о сигаре.</i>	
6. ВОСПОМИНАНИЯ ВОЗДУХА	22
<i>Достоевский. Вирджиния и махорка. Шутки жизни. Беспорядочность по- этов. Рассказ Дверкина. Законная реальность. Сон, навеянный полётом сне- жинки вокруг зрачка. Песня о Великом потопе. Талые слёзы изображения. Воз- душная память. Самогон и командорские часы. Экспертиза стоп-крана. Слеза лунного демона Воглеа. Колыбельная.</i>	
7. ВАГОННАЯ ВЕСНА	24
<i>Капельки памяти и слёзы солнца. Пьяница-цветочек. Покер. Салочки. Искусство. Смысл жизни. Короли и дельфины.</i>	
8. ВОССОЗДАНИЕ ВАВИЛОНА	26
<i>Мелодия движения. Слова о словах. Вавилонское столпотворение. Неспешное движение в золотистых струях. Тяжёлое отрезвление. Чемодан. Мрак и праздник. Дерзкое ограбление.</i>	
9. ВЫХОД ВБЛОК	28
<i>Утопленник. Горизонт событий. Пределы тайны. Обитель гениев. Воплощение пророчеств. Буквальная ответственность. Подфартило. Ум-дурость-муд- рость. Жёлтый мерседес. Добрый Дверкин. Ревизоры. Боязнь электричества. Музыка Шнитке. Жало под сердцем. Товарный поезд.</i>	

Часть вторая. ВОЛЯ

Эпиграф	32
1. ВИНИТЕЛЬНЫЙ ВИРАЖ	32
<i>Несостоявшийся лётчик. Состоявшийся физик. Нахлебник Судьбы. Начало кри- вой. Сумасшедший дед. Бытие по модулю минус три. Безумное заветование. Ти- шина в душе. Заоблачный фильм. Поэт.</i>	
2. ВКУС ВОЛИ	35
<i>Слёзы неба. Окончание степи. Переспевшая малина. Мокрый сон. Бронзовый молоточек. Куртизанка. Мастерская художника. Соитие у подоконника. Душа и тело поэта. Пробуждение. Оплодотворение зари.</i>	
3. ВОЗРАЖЕНИЕ ВОЛНЫ	36
<i>Шум крыльев. Полночная пьеса. Сумерки. Запах воды. Стодолларовый костёр. Раки. Воспоминание о подкаменных рыбах. Соль.</i>	
4. ВИРТУАЛЬНЫЙ ВИКИНГ	37
<i>Стены темноты. Заблуждение в среднем. Город из огня. Строка и страсть. Поглощение натюрморта. Стихотворный миньет. Плач филина.</i>	
5. ВЫСОТНЫЙ ВСАДНИК	38
<i>Полоса заблуждения. Погружение в туман. Наблюдение реки. Тоска по зрите- лю. Игра для одного. Вхождение в воды. Явление ястреба. Беседа с когтем и его хозяином. Приобщение к говну. Магия имени. Острова души. Тайна полё- та. Жизненно важные вопросы. Хвала бесполезному. Суп поэта. Отрицание мистики. Приручение и одичание. Попытка называния.</i>	
6. ВЕСОМЫЙ ВКЛАД	40
<i>Отражения на воде. Волнения ястреба. Птичий кардинал. Дорога к небу. Золотистая вечность. Слёзы. Животные и женщины. Укупорка кладов. Углы.</i>	
7. ВЕТХАЯ ВИЛЛА	42
<i>Обретение дома. Называние реки. Переход через безумие. Запах кабарги. Вода и луна. Хижины и звёзды. Порог жилища. Островок цивилизации. Вереница Богов-Романистов. Поздний ужин. Вечерние занятия.</i>	
8. ВЛИЯНИЕ ВОГЛЕА	44
<i>Мост от Христа до Будды. Поле абсурда. Рукопись. Встреча с хозяином. Энер- гия текста. Хор лунных лиц. Япония в ночи. Исповедь сомнамбулы. Испытание высотой. Преступление и наказание. Наступление и предсказание. Город из пустоты. Полярные овчарки и небесные пастбища. Прекрасная незнакомка. Колыбельная птичьей земли. Сон незнакомки. Вмешательство ястреба.</i>	
9. ВЛИЯНИЕ ВОГЛЕА	48
<i>Границы неба. Камера для проявления жизни. Пыль библиотеки. Единство мира. Братья по лунному свету. Одиночество Бога. Гимны к ночи.</i>	
10. ВИДЕНИЕ ВЕРХА	52
<i>Дождь на озере. Шалаи на острове. Безглазольная песня. Зайчики на ресницах. Неизвестные стихи. Утро. Соломенная собака. Антракт по собственному желанию. Грусть Бога. Квант сознания. Растворение в потоке мечты.</i>	
11. ВИНИТЕЛЬНЫЙ ВИРАЖ	53
<i>Два лучших занятия на свете. Похмелье духа. Преданность ястреба. Голографический образ любви. Лекция о грибах.</i>	
12. ВАКХАНАЛИЯ ВАКУУМА	54
<i>Стойка на голове. Мир, переломленный песчинкой. Песочная молитва. Легкокрылый вальс. Суть песка. Великий Ноль. Утешение мновением.</i>	
13. VIS VITALIS	56
<i>Сон на песке. Ночь. Хвост Земли и космические струны. Роса пробуждения. Путь от реки до дома. Дрова и вода. Табак и чай. Рукопись в рукописи. Пропе- ведь жизни. Реальность авторства. Метапоззия ветерка. Дополнительные миры. Божественная кинокамера. Копия и оригинал. Основание жизни. Сти- хотворные соки. Равновесие Пива и Мира. Ущербный Бог. Неспешность.</i>	

14. ВЕЩИЕ ВЕЩИ	60
<i>Белая тишина. Гроза в ночи. Молитва молнии. Летаящая смерть. Тайна навсегда. Тумановые контуры рассвета. Вещий сон. Синяя плоскость. Встреча с Богом. Дополнительность образа и подобия.</i>	
15. ВЕЛИКИЙ ВАЛУН	63
<i>Похвала глупости. Воздаяние замыслом. Утренние стихи. Дополнительность Тела и Духа. Жизнь как постоянная Планка. Дополнительность человека и общества. Великая Глыба.</i>	
16. VANITAS VANITATUM	65
<i>Приключения Феодора. Зимняя любовь и снежное счастье. Дочь лунного безумия. Пять лет тюрьмы и тридцать праздности. Место мирового покоя.</i>	
17. VIVE VALEQUE	66
<i>Устрицы. Цикорий. Основа поэзии. Ипостаси человека. Королевство кривых зеркал. По ту сторону добра и зла. Ход и Покой. Демон и Бог. Жизнь и Смерть. Жизнь!</i>	
18. ВРЕМЯ ВЕСОВ	68
<i>Глоток необитаемого ветра. Разоблачение облачного блюза. Восстановление домашнего тепла. Рыболовецкие заботы. Ястреб встаёт на крыло. Звёздные дожди. Строительство плота. Начало листопада. Первые заморозки. Прощальный взмах осеннего крыла.</i>	

Часть третья. ВОДА

Эпиграф	70
1. ВЕРЕСЕНЬ. ВОДА.	70
<i>Ковчег. Прощальные стихи. Грехи на песке. Сдвиг пространства.</i>	
2. ВОДОВОРОТЫ ВЫБОРА	71
<i>На реке. Непогоды. Сумерки года. Сумерки души. Кружение над миром. Морсящий дождь желаний. Плата за преддверие свободы.</i>	
3. ВНЕ ВРЕМЕНИ	72
<i>Хляби небесные. Квадрат квадратов. Чернота чернот. Лабиринт сновидений. Тающие созвездия. Во чреве времени. Космическая тишина. Осеннее признание в любви.</i>	
4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОДОРΟΣЛЕЙ	73
<i>Зелёный тупик. Мостик для мышей и белок или завод? Способы форсирования водных преград.</i>	
5. ВЕТВИ ВИНоторговли	74
<i>Четвёртая запруда. Встреча с рыболовом. Красное и белое. Мокша.</i>	
6. VANELLUS VANELLUS	75
<i>(VIVA VOX)</i> <i>Осень в заводи. Лунный хмель. Беседа с чибисом. Небесные плотогоны. Чьи-вы? Осенняя ниша счастья. Интонация жизни.</i>	
7. ВОКРУГ ВОДОРΟΣЛЕЙ	77
<i>Поверх причин и целей. Поворот. Водный трактор. Застолье на палубе. Нильская культура. Как положено.</i>	
8. Внутренняя внешность	79
<i>Тревога за счастье. Вечерний коктейль. Сумеречное блаженство. Поломанный палец. Концентрическая тьма. Круги Луллия. Расшифровка странствия. Голос у керосиновой лампы. Рассказ о смертельном огурце. Рассказ о трактористе-подводнике. Предпочтительность жизни.</i>	
9. ВВЕДЕНИЕ В ВОДЫ	81
<i>Охота на рыб. Подводный ягуар. На грани тьмы и света. На грани воды и воздуха. На грани ухи и смерти. Тепло костра и самогона. Непривязанность мыслей. Мелодии дыма и ветра. Охотники на заиндевевшей траве. Пробуждающиеся стихи.</i>	
10. VIVIPARUS VIVIPARUS	82
<i>Устье большой реки. Огни бакенов и самоходных барж. Северный ветер. Дымы провинциального городка. Место рождения. Пристань. Первый снег.</i>	

Часть четвёртая. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Эпиграф	84
1. ВЫГИБАНИЕ ВРЕМЕНИ	84
<i>Запах детства. Встреча с городом. Пересечение гиперпространств. Запылённая бесконечность.</i>	
2. ВЛЮБЛЁННЫЙ ВИНОДЕЛ	85
<i>Буфетной выдержки коньяк. Влюблённый винодел и дегустатор. Янтарный тост за возвращение.</i>	
3. ВОЛНЕНИЕ ВРЕМЕНИ	86
<i>Ноябрьское утро. Девиации курса времени. Любовь. Осень. Вечерняя грусть. Мгновенья-медузы. Переполах пространства. Исчезновение мадеры. Созвездия. Коллапсы. Утраченная мысль. Поиски и находки. Огоньки блуждающих мгновений.</i>	
4. ВСТРЕЧА	90
<i>Девочка с нижнего этажа. Двадцать лет бесплодных блужданий. Коврига хлеба да капля молока.</i>	
5. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА	90
<i>Тишина. Непогода. Старые бумаги. Тайные чернила.</i>	
6. ВСЕОБЩАЯ ВАТЕРЛИНИЯ	90
<i>Разговор у границы земли и неба. Игра в классики на квадратах воздуха. Право на город. Влияние катастроф. Несколько слов о кофейне.</i>	
7. ВЫБОР ВЫБОРА	91
<i>Хаос в утренней кофейне. Демонстрация счастья. Прологомены романа.</i>	
8. ВОСЛЕД ВАНОСКИ	92
<i>Зима. Суп на плите. Газеты. Голоса друзей.</i>	
9. ВДУВАНИЕ И ВЫРАВНИВАНИЕ	94
<i>Зимний вечер. Надежда на Бога. Номера. Объявление в журнале «Мурзилка».</i>	
КОММЕНТАРИИ, ИЛИ ВЕКСЕЛЬ ВЕЧНОСТИ	95
КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ, ИЛИ ВЕКСЕЛЬ ВЕКСЕЛЯ	145
КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ КОММЕНТАРИЕВ, ИЛИ ВАЖНЫЕ ВТОРОСТЕПЕННОСТИ	157
КОММЕНТАРИИ К ВАЖНЫМ ВТОРОСТЕПЕННОСТЯМ, ИЛИ ВТОРАЯ ВЕЧНОСТЬ	160
КОММЕНТАРИИ К ВТОРОЙ ВЕЧНОСТИ, ИЛИ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ВАЖНОСТИ	161
КОММЕНТАРИИ К ВТОРОСТЕПЕННЫМ ВАЖНОСТЯМ, ИЛИ ВЕКТОРЫ ВЫСОТЫ	162
КОММЕНТАРИИ К ВЕКТОРАМ ВЫСОТЫ, ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗВРАТА	163
ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕМ КОММЕНТАРИЯМ	164
ПРИЛОЖЕНИЕ N 1 (88 ВЕРЛИБРОВ)	165
ПРИЛОЖЕНИЕ N 2 (ВЕЩЕСТВО ВРЕМЕНИ)	173
ПРИЛОЖЕНИЕ N 3 (ВЕХИ ВАЯТЕЛЯ)	183

В ы б о р и н а В о с п р и я т и е е т р а

Рекомендуется медленное ритмичное чтение, к которому подойдет крепленое десертное вино или ледяное шампанское; водку и другие крепкие напитки принимать при пересечении территории романа крайне нежелательно.

Категорически неприемлемы чтения по диагонали и прочие приёмы по ускорению восприятия. Но и с чтением вслух должно быть предельно осторожным, ибо весь роман построен на интонации, и вот её-то (интонацию) очень легко поломать при неуклюжем смаковании или излишней патетике.

Наиболее оптимальная сила звука — это внутренний шёпот.

ВЁРСТЫ ВЁРСТКИ

(диалог с законным отражением)

— Да что вы! Зачем же так много?

—.....

— Ну полноте, что мне успех?

Я завтра пускаюсь в дорогу

И там забываю о всех.

Вагонная сладость побега

И музыка рельсовых нот...

И вновь умываюсь я снегом,

Как прежний бродяга и мот.

И вновь на дрожащей плацкарте

Черкаю стихи в полутьме.

И строки ложатся по карте

В дорожной своей кутерьме.

Одна зародилась под Тулой,

А кончилась где-то в Орле...

И сколько же ветров вдохнуло

Верстание в пыльном стекле?!

Потом полились, как в запое,

Верста заполнялась строфой...

И только под утро в Джанкое,

Я вышел хмельной и пустой.

Прозрачное крымское небо

Звенело в избывшей груди...

И завтрак из пива и хлеба...

И тысяча лет впереди...

— Да что вы! Зачем же так много?

—.....

— Ну полноте, что мне успех?

Я завтра пускаюсь в дорогу

И там забываю о всех...

1995г. Москва-Джанкой

ч а с т ь

I

ВАГОН

Хотелось, ни о чём не думая, уехать в сон на этом старом окутанном клубами дыма паровозе. Я стоял на его подножке и никак не мог решиться на последний шаг. Не отпускало неведомо откуда возникшее начало стихотворения (оценка ещё не уснувшего наблюдателя): «Уехать в сон на старом паровозе...»

И я завис на тонкой грани грёз.....: либо всё-таки отключить контроль над сознанием и полностью отдаться во власть этой столь сладостно-манящей поездки, либо возвратиться в мир своих полуночных реалий и дописать зарождающиеся стихи? Проблема выбора! Чем не сюжет для небольшого текста?

Из двух возможностей предпочтенья отдаётся третьей.

1. Вирус Велеса.

Падежи коньяка. О языке. О язычестве. О похмельной жажде. Впервые о дедушке. Об организме и душе. О незнании. О Божественном компьютере. О проводнике. О ночи. Кривые песни. Как обрести совершенство.

Он всё не мог понять, отчего ему так плохо? Коньяка или коньяку? Возможно, и коньяку, но тогда какой падеж? И если у этого чёртова слова есть два родительных падежа, о которых знают немногие, то на них ведь отпущен ещё и один губительный (правда, не падеж, а падёж), о котором известно лишь избранным, до конца упавшим, но сохранившим эти точки над «ё».

А может статься, что это был вовсе и не кОньяк, а кАньяк!? И это, разумеется, уже совсем, совсем другое. Склоняя сей напиток не по окончанию, а по основе, мы вместо того, чтобы уноситься в неведомые ветреные дали, подобно южному горячему коню, вдруг ка-нем в черноту небытия, в великие пустоты подсознания.

Странно это — язык.

Язык — мой дом. А я язычник. Я поклоняюсь языку. Я приношу ему в жертву себя. И, боже мой, как сладка эта жертва. Я молюсь. И молитвы свои называю стихами. И пусть они наивны и восторженны. Пусть кто-то ухмыляется и смеётся над ними... Это не страшно. Это даже хорошо. Мой Бог любит смех. Впрочем, он любит и слёзы. Не выносит лишь равнодушие — от него ему становится душно.

И предпочту коньяк всем другим напиткам за его дополнительные падежи..., впрочем, и чай, и квас... И кофе — за его исключительность, и вино — за грамматическую омонимичность с виной, за участие в винословных союзах и в винительном падеже..., и пиво — за смешное множественное число, и Портвейн — за этимологию, и сухое — за смысловой нонсенс, и Шампанское — за красивую фонетику, и... О Господи, к чёрту патетическую философию! Какие аргументы могут сравниться с похмельной жаждой? Мой дедушка, по семейной легенде, как-то, будучи сражённый зверской квасной язёй, или, говоря по-нашему, пережором, выкушал по ошибке целый штоф керосину и... узнал об этом лишь вечером, когда стал заправлять летучую мышь самогонкой.

Но, однако, он или оглох, или кто-то выключил звук? И почему качает, и почему так узко и жёстко? И этот стук? Если это сердце, тогда где же руки? Или это пульсаж желудка? Впрочем, кажется, нет такого слова — «пульсаж». Хотя смысл от этого не меняется — ибо всё равно невозможно распрямиться, иначе из него что-то прольётся.

Странно это — организм.

Как он вообще с душой? Если он с будуна, то и она? А если она, тогда что же он? Вот сейчас ему вроде бы плохо. Так плохо, что даже нельзя распрямиться, а в душе — покой и

смех. По сути, это ведь очень смешно, когда нельзя распрямиться из-за боязни, что прольёшься...

Похоже на то, что он едет. Не в том смысле, что крыша едет, а в том, что удаляется в неизвестном направлении, лежа и не разгибаясь. Поэтому и узко, и жёстко, и стук... — всё это, конечно, как говорится, пустяки, дело вагонное, куда бы ни ехать, лишь бы не в Ригу.

Дело-то, конечно, вагонное, но тело-то как раз своё, и оно-то как раз и отказывается разгибаться, как будто крюк от подъёмного крана проглотил. Впрочем, не так уж это и важно, прямизна, гораздо важнее знание. То есть наоборот, незнание того: где я, и куда я еду?

Странно это — незнание.

Что мы вообще-то знаем? Микроб, живущий во мне, полагает, что движется из желудка в кишечник. И ему нет дела до моей искривлённости и до моих траекторий движения. Конечно, есть и вполне начитанные микробы, знающие о вращении Земли, о движении Солнечной системы к апексу, о расширении вселенной... Но если Вся вселенная — это какой-нибудь компьютер на столе у Господа... А человечество — это вовсе не цель, а компьютерный вирус, сочинённый каким-нибудь языческим Велесом? (Завёлся, понимаешь, и испортил всю Божественную программу.) А Иисус не что иное, как антивирусный доктор. Нет, Иисус, пожалуй, тоже вирус. А вот ядерная бомба — это как раз то, что надо. Эта, пожалуй, быстренько вылечит. Или лучше нейтронная — всё на месте, а вируса как не бывало.

А впрочем, даже если ты всего-навсего вирус, неплохо бы тебе научиться разгибаться и определить траекторию перелёта. Оно, пожалуй, можно и у проводника спросить. Но у проводника можно чаю и нельзя траекторию.

Странно это — проводник.

Он проводит меня сквозь пространство, словно я электрический ток. Вот куда завело меня пьянство. Я лежу и куда-то протёк... Стихи, бля.

Чая — это пожалуй. Чая, чаю, он, может быть, и нальёт. Но скорее всего и чая не нальёт, потому как ночь.

Странно это — ночь.

Это просто темно или что-то другое?

Если ночь на душе. Если хочется пить. Если ты приподняться не можешь. То тогда ты уже. То тогда только выть. То тогда ты и песню не сложишь.

Ну, положим, песни-то у него ещё получаются. Пускай корявые, но ведь и он не прямой. А песне корявость, между прочим, даже к лицу или к чему там? Куплету? Терпеть ненавижу прямые песни! То ли дело про попа и собаку. Или, скажем, такую: У меня была десятка. Я её пропил. А теперь вот приподняться просто нету сил. Но на это состояние я в душе плевал. Я про эту про десятку песню написал. О том, что: У меня была...

По похмелью вообще хорошо пишется. И этому есть определённое объяснение. Поскольку похмелье — это один из способов обрести совершенство.

Ведь что такое совершенство?

Совершенство — это некий апогей чего-то-там. И прийти к этому апогею можно либо всеми силами взращивая это самое чего-то, или отсекая от него всё лишнее. Вот как раз при похмелье и происходит это самое отсечение. Но сейчас мне почему-то не хочется совершенства. Сейчас мне хочется распрямиться и неплохо бы пива какого-нибудь.

2. Восточный Вопрос

Потрясающее распрямление. Принцесса на обочине. Ответственность за сон. Рассвет. Коньяк на полустанке. Попытка стихотворения. Степь или тундра? Существует ли Восток? Таинственная салфетка. Солнце в арке. Дождь. Озябшая Венера.

Распрямление всё-таки случилось и потрясло.

Конечно, он не первый раз уматывал по-пьяни к чёрту на кулички. Но, как правило, всё-таки знал куда или хотя бы от чего и уж по крайней мере на чём. Да и полно, проснулся ли он? А если нет, то пока и не стоит. Хотя бы во сне прокатиться в двухспальном купе с... Ох ты, ёлки-кошёлки! Это ещё что за принцесса на обочине???

«И нежность лица обрамляет волос белокурых волна!»

Спит. Она или я? Если она, то будить, пожалуй, не стоит, а если я? Нет, даже во сне нельзя быть откровенным хамом. Мы в ответе за свои сны.

И всё-таки это сон. Я, конечно, могу представить и в реальности путешествие незнамо куда, в СВ, незнамо с кем. Но чтобы при этом на столике стоял коньяк в х р у с т а л ь - н о м г р а ф и н е в окружении рюмочек, уже порезанный лимончик с сахаром, изюм, опять же в хрустальной вазочке..., это, извините, из прошлого века.

Вероятно, выпить всё-таки можно... Тем более сон... Тем более так красиво: Восход солнца. Степь. Прекрасная незнакомка. Утренний коньяк...

Поезд остановился, и это решило исход сомнений.

*Рассвет. Коньяк на полустанке.
В неведомой степи...*

Дальше не ложилось. Выползала рифмованная лажа.

*Где за окном щебечут ржанки
И иволга свистит.*

Полной воды лажа. Никто там не свистит и не щебечет. Да и никогда он не отличит ржанку от иволги. Гораздо честнее было бы написать:

*Я похмеляюсь спозаранку,
А рядом кто-то спит.*

Но, во-первых, спозаранку портит рифму, и самое главное: что значит кто-то спит? Не кто-то, а принцесса. Вот так и напиши:

*Я похмеляюсь после пьянки.
Принцесса рядом спит.*

Однако *похмеляюсь* выпадает из общей поэтической интонации, уж лучше написать *удивляюсь*. Но тогда получится, что после *пьянки* не я, а принцесса. Да и вообще *пьянка* здесь не нужна. Подумаешь — правда! Если всю правду в стихи тащить, то получатся не стихи, а газета. Вот как лучше:

*И словно юная вакханка
Принцесса рядом спит.*

А может, лучше вот так:

*А на вагонной оттоманке
Моя принцесса спит.*

Интересно, можно ли считать эту лежанку оттоманкой? А эту принцессу моей? Или совсем отказаться от женской рифмы?

*Коньяк. Дорожный полустанок
В неведомой степи.
А наш вагон — волшебный замок,
И в нём царица спит.*

Кстати, это степь или тундра? И вон та травка — ковыль или ягель? Солнце, кажется, восходит на Востоке, тогда он едет на Север. А значит, это скорее тундра, чем степь. Но не мог же он доехать до тундры так быстро? А как быстро? Сколько он вообще-то едет? И всё ли то время, которое он не помнит, — едет, может, он сначала летел, а потом уже поехал? Но если он летел, то мог и на юг залететь, а оттуда сейчас и возвращаться, и тогда это вполне может быть степь. Но если уж летел, то мог и в другое полушарие попасть. В американскую прерию или в африканский вельд. А там... Там уже всё по-другому. Там коньяки подают в графинчиках и солнце... Всегда ли солнце встаёт на Востоке — вот в чём вопрос. Это похлеще гамлетова бибики. Нет, пожалуй, сейчас он не в состоянии представить себе Земной шар, во всей его огромности. Не помещается.

Кажется, Восток, как таковой, не существует. Но солнце всё-таки умудряется там восходить. Ориентироваться нужно по востоку, потому что он и есть Ориент. Восток был и будет для этого грёбаного Запада ориентиром. География, бя.

Он полез в карман пиджака за ручкой, чтобы по устоявшейся привычке записать четверостишие. (Он записывал не с целью последующего применения, а чтобы освободиться. Записанное можно было и не помнить, чего его помнить, если оно записано? Вот и сейчас...)

Он достал ручку и клочок бумаги, вернее, салфетку. Фирменную салфетку ресторана «Пекин». Где над розовой пагодой УЖЕ пестрели записанные стихи. И, кстати сказать, неплохие. И опять про коньяк:

*Коньяк и чай — вечерние предметы
На столике моём.
И, как мудрец, я выпиваю
Между двойным небытиём.*

*Янтарный грамм ложится в рюмку
Из хрусталя.
И в той легенде о винограде
Есть вкус нуля.*

*Есть вкус нуля в янтарной притче
Про виноград.
Где каждый стих, как пьяный выстрел,
Бил нугад.*

Хорошие стихи. «Двойное небытие». «Вкус нуля». «Янтарный грамм». Но эта салфетка! Получается, он был в «Пекине»? На какие шиши, интересно знать? Нет, надо всё-таки разобраться с этим вконец осатаневшим вчера. Что он вообще-то помнит? Собственно говоря, он пошёл на службу... Да. По дороге встретился Михеич, со своими извечными заморочками, и потащил его смотреть какой-то потрясающий вид через какую-то арку, в которую как раз сейчас попадает солнце. И они часа два прождали этого самого солнца, а потом пошёл дождь. И тогда сидели уже под самой аркой, жгли какие-то ящики и пили портвейн. Михеич ещё всё нудел, что, мол, без Бахуса и Венера мёрзнет, а не то что мы, бедолаги. А я посоветовал ему нарисовать озябшую Венеру с бутылкой 33-го портвейна. И тогда откуда-то появилась неизвестная девушка Мила. А я стал её уговаривать попозировать Михеичу

для озябшей Венеры. На что Мила очень резонно возражала, что сейчас холодно позировать. А Михеич тоже весьма резонно возражал, что Венера и должна быть озябшей. Наконец, Мила согласилась, а я пошёл за портвейном. Когда же я, насквозь промокший, с тремя пузырями за пазухой, возвращался в арку, то увидел их в милицейской машине.

И кончился дождь. На стене красовалась недописанная Озябшая Венера. Сквозь арку сочилось солнце. Вид действительно был красивый. И портвейну на одного было неподобающе много. Всё это замечательно, но причём здесь коньяк в «Пекине»?

3. Воркующий вальс

Микроб пробуждений. Двойные близнецы. Танец на салфетке. Пивная. Провинциальная ночь. Отстрел голубей. Завтрак на площади. Платон. Охота за людьми. Пепельница-фонтан. Подмена действительности.

Поезд тронулся. И лучше всего было не думать о прошлом. Прошлое — это прерогатива памяти. Одна лишь память уверяет нас, что прошлое вообще имеет место. Однако можно допустить, что все воспоминания лишь творенья мига... Но тогда...

А впрочем, для чего же окунаться в то, что было? Не лучше ль окунуться в то, что есть? Не лучше ль просто погрузиться за окно и отдаваться там беспечным грёзам?..

Его мысль кружила по серому лабиринту мозга... А может быть, и не мысль. Вполне возможно, что это был некий микроб пробуждений... Пограничная субстанция между материей и сознанием... Если открыть глаза, то можно узнать время суток, если не открывать, то можно продолжить это неспешное и величавое шествие по тупикам и закоулкам подсознания... А если их не окрывать никогда? Если так и остаться в этом полупридуманном мире?

Он открыл и... увидел в кадре окна нежно-голубые буквы:

«Двойные близнецы, или голубиный вальс»

Автор сценария, режиссёр и исполнитель главной роли Олег Эсинский, в роли Оксаны — неизвестная, буфетчик и официант — Джонсон Носножд, в роли Наки — спаниель Апельсин. Провинция, 1994.

В окне проступает перспектива. Звучит музыка (Вальс Грибоедова). На молочно-белом паласе кружится в танце молодая пара: он — в чёрном фраке с иголки, аккуратно подстрижен, свеж и счастлив; она — кареглазая блондинка с длинными распущенными волосами, которые рассыпаются при поворотах золотистой паутиной и играют со складками прозрачно-голубого платья в какой-то только им ведомый танец. Вместе с музыкой в кадр врываются клубы голубоватого дыма. Изображение начинает уменьшаться, чётко обозначается белый квадрат паласа. Неожиданно около края квадрата показывается огромная голова засушенной воблы, потом возникает ещё более огромная пивная кружка, и постепенно палас превращается в салфетку на грязном, забросанном окурками и объедками столе. Музыка стихает, и на её фоне проявляется гомон пивной. Проскальзывают короткие сценки из жизни отдыхающих (борьба на руках за соседним столиком; бокал, допивающий чужое пиво; падающая грубо накрашенная женщина в замызанном и облёванном пальто напевает: «Я чёрная моль, я летучая мышь...»; маслянистый буфетчик в засаленном халате зажигает спичку о брюки и т.п.). Около столика с салфеткой-паласом стоит танцор из этой самой салфетки, но не во фраке, а в потёртом джинсовом костюме, сильно помятый и небритый. Он отхлёбывает из кружки пиво и, глубоко затягиваясь беломором, выпускает на едва заметную пару, кружащуюся по салфетке, струю голубоватого дыма. У ног его лежит тёмно-рыжий коккер-спаниель. Олег (так зовут героя) берёт грязное блюдо со стола, наливает в него пива и ставит перед собакой.

— Пей, Накушка (Собаку зовут Наки), пей. Скоро домой пойдём, пей.

Себе Олег доливает в пивную кружку четвертинку водки и залпом пьёт. При этом идёт увеличение изображения и звука музыки на салфетку. Танцующие заполняют весь кадр, но они видны как бы преломляясь через кружку с пивом или через кусок тёмного янтаря.

Резкий обрыв звука и изображения.

Чёрный и тихий экран.

Медленно проступают приглушённые контуры летней ночи провинциального городка: слышится брехание собак, стрекот кузнечиков, переливы соловья; на фоне этих звуков проявляется деревянный забор, высокая трава, тополь. Приближается песня, которую напевает шатающийся из стороны в сторону Олег: «Как часто вижу я сон, мой удивительный сон, в котором Осень нам танцует вальс-бостон, там листья падают вниз, пластинки кружатся диск, не уходи, побудь со мной, ты мой каприз. Как часто вижу я сон, мой удивительный сон...» (Рядом с ним неспешно трусит спаниель.)

Тихое раннее утро. Обшарпанная комната: потолок с обсыпавшейся штукатуркой; отстающие обои; вдоль двух стен, перпендикулярных окну, книжные полки, собрания сочинений Кортасара, Борхеса, Пруста, Гессе, Маркеса, Потоцкого, Сэлинджера, Джойса, Битова, книги по философии и истории, альбомы и т.п.; незакрытый секретер, заваленный рукописями, по которым играет солнечный луч; в центре комнаты измятая кровать без спинок, на ней, так и не раздевшись, спит Олег (его ноги, согнутые в коленях, покоятся на полу). Эфемерная камера упирается в ширинку джинсов, под которой чувствуется слабое шевеление. Изящная женская рука плавно скользит по джинсам, медленно растёгивает пуговку, раздвигает молнию и... Из ширинки показывается голова белоснежного голубя. Женица (танцовщица с салфетки (Оксана)), поглаживая белые крылья, подходит к окну, распахивает его и выпускает голубя в голубое небо. Потом возвращается к Олегу, который лежит с растёгнутой ширинкой и выпроставшимся из неё возбуждённым членом. Оксана, опустившись на колени, начинает плавно, как в замедленной съёмке, ласкать его член, при этом происходит мелькание кадров: на одном женская рука обнажает и закрывает головку, на другом эта же рука растёгивает ширинку джинсов, из которой вырывается белый голубь и улетает в раскрытое окно...

Небо, в котором кружит голубиная стая. Музыка (Шопен. Большой блестящий вальс, соч. 18). Оксана подходит к окну, берёт стоящий у стены карабин и целится в голубей (приклад тёмного дуба, развевающиеся золотистые волосы, подсвеченные солнцем, голубые складки лёгкого бального платья). Выстрел. Один из голубей камнем падает к ногам Олега, который стоит внизу, на мощённом булыжником пустынной площади, в чёрном фраке и чёрных лакированных туфлях. Капли крови падают на блестящую кожу и на шнурки. Смена кадра: из члена извергается струя семени, ударяя в истомлённое страстью и желанием лицо Оксаны. Происходит мелькание кадров: выстрел, падение голубя к лакированным туфлям Олега / выброс семени в лицо голубой танцовщицы...

Олег стоит на площади. Поднимается сильный ветер, который тащит стаю перебитых голубей по брусчатке, они подскакивают, как мячики, сбиваются в кучу и уносятся в сужающуюся даль одной из улиц, уходящих с площади, при этом слышится шум воды, сливаемой в унитазе. Кадр возвращается в комнату Олега. Шум сливаемой воды слышится громче. Олег просыпается. Медленно переворачивается со спины на бок, сползает с кровати на пол, сидит, уставясь под ноги, и чуть слышно с натугой напевает: «Как часто вижу я сон, мой удивительный сон, в котором Осень нам танцует вальс-бостон...» Встряхивается и хрипло зовёт: «Наки! Ко мне! Наки!» Из-под кровати выползает спаниель. «Пить! Наки! Пить! Я хочу пить! Ты слышишь, Наки! Пить!» Спаниель убегает за дверь. Невидимая камера проскальзывает по книжным полкам и задерживается на трудах Кьеркегора «Страх и трепет» и Шопенауэра «Свобода воли и нравственность». Возвращается Наки, неся в зубах банку пива. Олег берёт банку. Треплет Наки по голове. Выдёргивает кольцо. Слышится хлопок, и при этом... вылетает пробка из бутылки с шампанским. Пенящееся шампанское льётся в высокий хрустальный фужер.

В кадре прорисовывается столик посредине пустынной площади, за которым сидит Олег в светло-кремовом костюме, а напротив него Оксана в тёмно-коричневом платье. «Отутюженный» официант с салфеткой на полусогнутой левой руке (тот самый буфетчик из пивной, принявший обличье негра) наливает искристое Аи. Изысканно сервированный стол (ваза с фруктами, из которой почти до стола свисает ветка крупного винограда, букет фиалок в фарфоровой вазочке, на больших тарелках дымящийся антрекот с каким-то фантастически-сложным гарниром и т.п.). Пробка из-под шампанского, подпрыгивая, катится по площади. Откуда-то наперерез ей выкатывается пивная банка. Они катятся, подпрыгивая и играя, и исчезают в дали той же самой улицы, в которой исчезли сбитые голуби.

Шум сливаемой в унитазе воды. Олег, сидящий на полу, закуривает беломор. Неподдалёку от него стоит проигрыватель. Олег открывает крышку и опускает на пластинку иглу.

Вальс-бостон Розенбаума.

— Наки! Пить! Я хочу пить, Наки! (голос Олега уже не такой измученный) — Наки убегает. А невидимая камера снова скользит по книжным полкам и тормозится на томике старинной китайской прозы «Путь к заоблачным высотам».

Площадь. Столик на двоих. Олег в кремовом костюме раскуривает тонкую сигару.

Читает стихи:

*Этот город сумасшедших людей.
Эти улицы, полные дел...
От игры своей устал лицедей,
Обозначил в своей жизни пробел.*

*Надоели эти смута и муть.
Режиссёр давно зовёт на Восток...
И так просто в пропасть шагнуть.
И так просто скомкать листок.*

*А в душе с утра маета,
И навис похмельный циклон.
И сыграет лицедей для себя
Эту пьесу под осенним дождём.*

На столик прыгает спаниель. Съезжает с него вместе со скатертью. Разлетаются, словно в замедленной съёмке, приборы и брызги шампанского...

Открывается дверь, и входит Наки, неся в зубах банку пива. Олег открывает, выливает немного пива на пол для Наки. Пьют и лакают.

В коридоре слышится стук костылей. Какая-то возня у двери.

Дверь открывается. Входит Оксана на костылях, приволакивая изуродованные ноги. На старый поношенный свитер спадает толстая коса. В правой руке прижатая к костылю книга Платона.

— Олька, посмотри, как замечательно!

Читает Платона:

Чужеземец: В сухопутной охоте бывают две главные части.

Тезет: Какие?

Чужеземец: Одна — охота за ручными, другая — охота за дикими животными.

Тезет: Разве существует охота за ручными животными?

Чужеземец: Если только человек ручное животное. Считаю, впрочем, как тебе угодно: либо что вообще не существует ручных животных, либо что есть какое-то другое ручное животное, а человек животное дикое; или, может, быть ты скажешь, что человек — руч-

ное животное, но не признаёшь никакой охоты за людьми? Что из всего этого тебе понравится, это ты нам и определи.

Тезетт: Но я думаю, чужеземец, что мы ручные животные, и утверждаю, что существует охота за людьми...

На фоне звучания диалога проявляется сервированный столик, стоящий на пустынном песчаном пляже у берега моря.

За столиком сидит Олег и курит сигару. В небе парит голубиная стая. Чуть слышно доносится музыка Баха (ария из «Магнификэт» (N 3) в переложении для трубы). Ударяет выстрел, и один из голубей падает на стол. Кровь, стекающая по белой скатерти, перемешивается с пролитым шампанским.

Оксана медленно закрывает книгу.

— Скажи, Ольга, а у тебя есть карабин?

— Карабин? Откуда? Зачем? Почему карабин?

— Странно... Я слышала сегодня утром выстрелы из твоего окна...

В кадр попадают стреляные гильзы, разбросанные по полу. На открытой покачивающейся форточке сидит и воркует белый голубь.

— Выстрелы? Не знаю. Не слышал. Я спал... Слушай, Оська, у тебя есть деньги? Понимаешь, мне деньги нужны, хотя бы немного...

Оксана протягивает толмик Платона, в котором заложена десятка.

— На, возьми...

Олег медленно вытягивает десятку. Смотрит на неё с каким-то сомнением. Потом решительно суёт в карман.

— Спасибо, Оська, ты настоящий друг.

— Ты хоть ширинку-то застегни,— говорит Оксана с густой грустью в голосе. После чего разворачивается и ковыляет в свою комнату.

Вечер. Та же самая вчерашняя пивная. Та же оборванная жеңеница поёт про свою атмосферу и получает приветы из свободного Парижа. Тот же бомж спит в уголку. У того же столика стоит сильно подпитый Олег. Он гасит окурок о блюдце и покачиваясь идёт к буфетчику.

— Насыть-ка ещё кружечку, дорогой.

Струя пива течёт из крана, постепенно перетекая в струю шампанского, которое разливает по высоким фужерам буфетчик-негр. Столик на ночной площади. Горят две свечи. Олег раскуривает тонкую гаванскую сигару. Недалеко от столика музыкант в белом костюме играет на трубе арию Баха из «Магнификэт» (N 8), у его ног тоже горит свеча.

Ночь. Олег в джинсовом костюме шатаясь идёт по какой-то площади. В центре которой стоит простой (без скульптур) неработающий фонтан. Олег спотыкается о паранет бассейна и падает на его грязный захламлённый пол. Огромные куски цветной бумаги. Обгорелые бруски дерева...

Внезапно кадр заполняется вспыхивкой кончика сигары. Фонтан уменьшается, превращаясь в высокую пепельницу. (Пепельница с пружиной, при нажатии сверху на ручку, играющую роль трубы фонтана, пепел и мусор (брёвна — спички, куски бумаги — фантики) проваливаются в нижний резервуар.) На эту-то ручку и нажимает Олег, сидящий за столиком. Олег, барахтающийся в пепельнице-бассейне, проваливается в захламлённую бездну...

Подземный переход. Дверь среди кафельных плиток распаивается от сильного удара изнутри. Из двери вываливается перепачканный и измятый Олег. Он, шатаясь, подходит к стоящему неподалёку музыканту (тому же самому, который стоял на площади, только одетому попроще). Олег что-то говорит ему и даёт деньги (ту самую полученную от Оксаны десятку). Вокруг музыканта ходят, воркуя, белые голуби. Музыкант играет «Колыбельную птичьей земли» Шерринга. Олег, покачиваясь, уходит. Медленно поднимается по лестнице перехода.

Тёмный силуэт Олега в квадрате выхода плавно сливается с законным отражением Эсинского. Рассветает.

4. Вдруг-вектор

Пробуждение принцессы. Сумасшествие. Храбрый клоп. Мы едем к океану.

Вот тут-то и проснулась принцесса. Она оказалась совсем, совсем ещё юной. Да что там юной, перед ним сидел прелестный синеглазый ребёнок лет 8-ми.

— Уже проснулся? — спросила принцесса.

— Не знаю. Не уверен. Вряд-ли. Нет. Пожалуй, что нет.

— Какой ты смешной, как мой папка, он тоже с утра бывает глупым.

— Правда? А где он, твой папка? И вообще, ты кто?

— Ты что? Забыл, что ли? Я Оксана. Оксана Маечкина.

— Ага. Понятно. То есть ничего не понятно. А как ты, то есть я, то есть мы. Как мы здесь очутились?

— Как? Да никак, проснулись, вот и всё. Поезд, он сам везёт. Ты можешь спать, спать, спать, а проснёшься — и уже приехал, вот и всё.

— Теперь уже гораздо понятнее. А давай мы с тобой будем завтракать. Я буду пить коньяк с лимоном, а ты есть изюм с орехами. А то что-то мы едем-едем и не завтракаем. Ты, кстати, не знаешь, это чей коньяк?

— Ну, ты ва-атще. Наш, конечно! Чей же ещё?!

Это «Наш» окончательно сбило с толку. Может, он умер? Мог же он умереть. От трёх фугасов портвейна очень даже просто можно умереть. Или с ума сойти. Точно! Наверное, он сбрендил. Сбрендил и теперь кино смотрит в окошках, коньячище по утрам трескает, в СВ разъезжает, а на самом деле ему всё это просто-напросто кажется. Сидит он на больничной койке и пьёт кисель с бромом. А девочка, девочка — должно быть, сиделка.

Если так, то всё нормально. Тогда так и нужно оставаться сумасшедшим. Это ли не праздник?

— А ты кем работаешь? — спросила сиделка.

— Работаю? Ну, я, видишь ли, стихи пишу, рассказы, если это, конечно, можно считать работой, то есть денег-то мне за них не платят, а за что платят, я и сам не понимаю, по всем правилам меня бы давно следовало выгнать.

— Плохие стихи пишешь?

— Нет, стихи-то как раз хорошие...

— Почитай.

— Ну, я их плохо помню. Хотя... Ну, хорошо... Пожалуй... Ладно... Вот только какие? Ага... Слушай:

Тип-топ! Тип-топ! Познакомьтесь, это клоп.

Он идёт себе по крыше, а за ним крадутся мыши.

Не боится клоп мышей и гоняет их взаишей!

— Ничего. А зачем мыши за клопом крадутся?

— Зачем? Ну, чтобы съесть.

— Ты что! Мыши не едят клопов. Это клопы едят мышей, а мыши, они зерно едят.

— Да? Ну, возможно. Только где же на крыше зерно? На крышах не бывает зерна. Вот они и решили клопа съесть.

— А он их сам укусил, да? А почему клоп на крышу ушёл? Поморили?

— Поморили? Да, наверное, поморили.

— Мы тоже клопов морили. Мама кричала: «Это срам! Жизни от них никакой! Ты бы хоть ребёнка пожалел!» А папка говорил: «Ребёнку от твоей морилки вреда будет больше. А от клопов ещё никто не умирал. Клопы, они, можно сказать, братья по крови».

— Правильный у тебя папка.

— Папка у меня хороший. Только пьяница. Как ты. Ты мне тоже сразу понравился.

— Да?! Слушай, а когда?

— Что когда?

— Ну, когда я тебе понравился?

— Я же говорю: сразу. Здорово ты меня отобрал.

— Отобрал?! У кого я тебя отобрал?!

— Как у кого? У милиционера, у кого же ещё?

— Постой, постой! Я тебя отобрал у милиционера?!

— Ну да! Ты что, забыл, что ли?

— Забыл! Я, понимаешь, совсем ничего не помню.

— Ну, точно, как мой папка! Он тоже вечно всё забывает. Меня милиционер в милицию забирал. А я упиралась и плакала. А ты сказал: «Не трожь девчонку». Он спросил: «Твоя, что ли?» Ты сказал: «Моя!» И он отпустил.

— А потом?

— Потом мороженое купил.

— Мороженое? Слушай, а зачем я это сделал?

— Как зачем? Потому что добрый. Изюму вон мне купил, орехов. И ещё зачем-то вазочку. Сказал: «Коньяк надо пить из графина, а изюм есть из вазочки». Смешной.

— То есть ты хочешь сказать, что я вот это **купил**? Подожди, подожди. А как мы в поезде-то оказались?

— Ну очень просто. Ты купил билеты, и мы поехали.

— Поехали? А куда мы с тобой поехали?

— Ну, как куда? К океану, конечно.

— К океану?!.. А зачем?!

— Ну, я плакала, а ты сказал: «Не нужно плакать. А то наплачешь целый океан, как Алиса». И спросил, видела ли я океан? Я сказала, что нет. И ты пообещал меня отвезти.

— Отвезти? Постой, постой, да ведь это выходит... Выходит, что я тебя украл, можно сказать!

— Да нет. Я сама с тобой согласилась ехать, потому что ты добрый.

— Добрый! Ничего себе добрый: увёз ребёнка от папы с мамой куда-то к чёрту на куличики. Да они же с ума там сходят небось. А фотокарточку твою уже по телевизору показывают.

— Да нет. Ничего они не сходят. Мамка, как от папки ушла к своему дядя Грише, так ей сразу и не до меня стало. Я когда этого Гришу противного укусила, они меня знаешь как били. Я после этого целый месяц болела, а потом к папке ушла. Только папки дома не было: его лечиться отправили от какого-то алканизма. И я стала в вокзале жить. А потом ты меня с собой взял.

— Хор-рошенькая история. Ну ты ешь, ешь изюм-то. А я, я, пожалуй, покурю пойду, покурю...

5. Вакханалия вакуума.

Три расписания. Сновидческий Владивосток. Блаженны нищие памятью. Неясность жизни. Возвращение на Землю. Воспоминание о сигаре.

Оказывается, были и сигары. Точно такие же, как в том кино на окне. А вот расписания не то чтобы не было. Но, наоборот, его было слишком. То есть на три поезда сразу: Адлер-Ленинград, Москва-Севастополь и Москва-Владивосток. К океану вёз только последний. Хотя ведь море — тоже часть океана. Интересно, откуда же у него взялись деньги? «Пекин», коньяк, изюм, графинчик, океан — расходы немалые. Кстати, надо бы выяснить, сколько их вообще-то осталось. А то как ещё возвращаться-то будем?

Получается не сон. Во сне он не ездит во Владивосток на поезде. Зачем? В его сновидческом пространстве есть горный проход из Крыма до Владивостока — километров пять по заросшему реликтовым лесом ущелью... В том пространстве Владивосток очень красивый город. Небольшой — домов пятьдесят, стоящих по краям горной котловины. Красная высокая колокольня и сероскальная тень от неё, уходящая в марево облаков... Он прекрасно знал этот город. Часто бывал там. Пил пиво с океанскими крабами на пирсе. Бросал камушки в воду...

Не сон, не сон это... Сон тем и отличается от реальности, что начинается из нуля. В нём существуешь сразу таким, каким есть. Предыстория отсутствует. И зачем он только разрушил это блаженство нищих памятью? Что ему делать теперь с этим знанием? Да и полно, так ли всё это было? Не приснился ли я девочке Оксане? Вполне может быть, не она мой сон, а я её. А на самом деле её родители мирно спят в соседнем купе. Они просто соскучились по друг другу, а дочка... Дочка разрушала их встречу тем божественным стыдом, который и сделал человека человеком... Говорят, селезень, отвлекая уточку от гнезда, разбивает яйца во имя весенней любви...

Все мы лишь сон Господа Бога, как утверждал епископ Беркли. А ты, девочка, исчезнешь, если чёрный король проснётся, и не дойти тебе до восьмой линии, и не стать тебе белой королевой, и если этот чёрный король тебе только снится, то это не значит, что ты не можешь сниться ему...

Есть нечто тайное, что должно оставаться тайным... Иначе — нарушение жизни, вплоть до смерти. Человек боится и не хочет смерти, потому что она раскрывает все карты. Загадочность и поэзия исчезают. Наступает царствие скудной ясности.

Я жив, потому что не знаю, куда везёт меня этот поезд.

В глазах потемнело, и вагон растянулся, теряясь в вечности... Пространство налетало на поезд с курьерской скоростью. Вакуум изгибался в диковинном танце. Всё расплывалось, таяло, капало расплавленным воском незнакомых сознаний. И только в самом конце показывалась дверь, уводящая в тамбур и возвращающая на Землю.

Он вспомнил о сигаре, тоскующей об огне, тоскующей о превращении в дым и туман сознания.

6. Воспоминания воздуха

Достоевский. Вирджиния и махорка. Шутки жизни. Беспорядочность поэтов. Рассказ Дверкина. Законная реальность. Сон, навеянный полётом снежинки вокруг зрачка. Песня о Великом потопе. Талые слёзы изображения. Воздушная память. Самогон и командорские часы. Экспертиза стоп-крана. Слеза лунного демона Возлеа. Колыбельная.

В тамбуре курил самокрутку из «Правды» сам Достоевский. Он сверкал горячими гнедыми глазами и таял в дыму из табака и правды. Спрашивать его о направлении поезда было страшновато и неуместно. Но молчание и неизвестность тяготили густотой олова и свинца.

Почти сиреневый вирджинский дымок сливался с жёлтым махорочным и, несмотря на разницу в статусе, предполагал равенство затянувшихся.

— Простите. Я. Понимаете. Определённым образом я потерялся. Вы, извините, не внуком ли приходитеесь?..

— Похож. Как говорится, чем жизнь не шутит? Может, и согрешила моя бабка со Страдальцем великим? Вот и эпилепсия у меня, и графомания, и борода, и имя... Дверкин. Фёдор Михайлович Дверкин.

— А я Эсинский, Олег. Еду вот, а куда? Зачем? Мне сегодня отчёт сдавать нужно, а я к океану уехал.

— Бывает. Поэты — существа беспорядочные.

— Поэты? А как Вы, собственно?

— Да уж если человек меняет отчёт на океан, то уж не иначе...

— Вообще-то, конечно. А Вы случайно не знаете, куда идёт наш поезд? Я как-то не успел посмотреть, когда сажился... Обычно-то я помню, но вчера моих друзей забрали, и осталось очень много портвейну...

— Да уж, вчера-то, оно конечно. Взгляд ваш носил оттенок стекла и металла, но читать ему было достаточно сложно.

— Вот я и хотел бы уточнить: к какому из трёх океанов?

— Напрасно, молодой человек. Очень даже напрасно. Зачем вам это? Оставайтесь в своём неведении. Случайность встреч, случайность мыслей, неплановое продвижение по лабиринтам души... Хотите историю?

— Вы так считаете?

Дверкин как-то весь подобрался, и гневные глаза его с чёрным нависом метнули молнию юности. У него и голос, и интонации, и стиль вдруг стали поэтичнее и тоньше. Дым простирался между ними:

Это тоже был поезд. Я нашёл её в отражениях вагонных стёкол. Отражение наплывало на деревья и деревушки придорожных пейзажей. Пейзажей, только что вышедших из-под кисти январской ночи. Снежинки дрожали в её глазах, и это кружево тонких ресниц и снежинок разрушало и так-то едва уловимую грань от портрета к пейзажу. И я снова терялся в своём понимании Мира. Законная жизнь представлялась реальнее, чем неуклюжее существование всех этих сонных пассажирских судеб. И если б не владелица заснеженных очей... Если б не она, то, видимо, я ушёл бы, распахнув окно в эту исчерна-голубую вечность холодного январского пейзажа. Кажется, я что-то сказал ей о сне, навянном полётом снежинки вокруг зрачка, и разговор наш, висясь позёмкой вокруг сю-жетных холмов реалий, терялся где-то вдали и возвращался, застывая морозным узором в отражении её приоткрытых губ.

— У тебя такая тонкая кожа и такая детская душа, как же получилось, что ты уже старик?— спросила она из своего расплывчатого отражения.

— Не знаю,— сказал я, пожимая плечами,— я так плохо разбираюсь во времени... Но зато. Зато я умею петь песни. Хочешь, спою тебе о великом потопе?

— Хочу,— сказали губы на стекле.

Колёса заполнили небольшую паузу и, сами того не ведая, согласились быть увертюрой к моей протяжно-протяжённой песне.

Дверкин слегка откашлялся и запел неожиданно чистым и хорошо поставленным баритоном:

*То-нет го-род, то-нет в не-бе,
Захлебнулся в обла-ках...
И лишь те, в чьём сердце ве-тер,
Не заметили по-топ...*

*То-нет го-род, то-нет сто-льный,
Вьсь окутала до-ма...
И лишь те, в ком сердце пти-цы,
Не сошли, как все, с у-ма...*

*То-нет го-род, то-нет в не-бе,
Тонет в зареве зве-зды...
И лишь те, кто жил на во-ле,
Не страшились вы-соты...*

То-нет го-род, то-нет в не-бе...

— Послушай, почему так дрожит воздух?— спросила она. — А моё отражение..., смотри! По нему текут талые слёзы, неужели оно плачет над песней?

— Видишь ли, — сказал я, — эта песня впервые наполнила воздух, и если она пришла в душу ему, то он принимает песню в свою воздушную память. Небольшие подраживания тут неизбежны. Это ещё, видно, не так-то сильно она его забрала..., иногда от песен зарождаются воздушные смерчи, которые рукоплещут ей, сметая хлам повседневности с поверхности Земли.

Разговор наш постепенно, а может, спонтанно, ушёл так далеко от пассажирско-выверенной нормы, что продолжать его в трезвом обличии становилось просто невозможным. А поскольку совсем-совсем не хватало денег, то я выменял у какой-то доброй женщины аж целую четверть деревенского самогону на свои отстающие командорские часы.

Мы сидели на полу купейного прохода, закусывая огненный самогон подмороженным яблоком, и толковали об отражениях. Примерно через литр выяснилось, что мы едем в разные стороны. Причём было неясно, кто и что перепутал: я ли поезд, я ли город, я ли время своего отправления, или же машинист включил дополнительный задний ход, и поезд, уезжая вдаль, приближается к вселенскому нулевому началу? К тому же, сидя на полу, я уже не видел отражения её глаз, запорошённых снегом, но видел себя в отражении её зрачков. Причём в левом зрачке я был пьяный и близкий, а в правом холодный и далёкий. Тогда я понял, что это любовь пытается задержаться в моей душе... Но отсутствие времени, к сожалению, исключает любую задержку... Поэтому пришлось провести ночную экспертизу работы стоп-крана. И ругань упавших из сна пассажиров подтвердила исправность его механизма.

Поле было белым, и в нём тенями темнели скирды. Должно быть, это наши следы упирались в одну из них. Луна раздвинула облака, и демон Воглеа с прозрачной свитой из редких снежинок спустился к соломенному столу двух влюблённых, остановивших время и пространство, сошедших с неведомо куда идущего поезда жизни, припавших отражениями глаз к бисерному зеркалу млечной дороги и поднимающих пластмассовые чашечки с самогоном за светлую нечаянность их встречи.

Чёрный демон Воглеа отогревался около их по-цыгански брошенной страсти, и его белое ледяное сердце уронило слезу от странной радости при виде чужого счастья.

— Странно, — подумал я, — откуда появился этот демон? Уже не игра ли он взвинченного алкоголем воображения? А если он может быть игрой, то почему я уверен в реальности этой любви на заснеженной скирде соломы? Но если я не уверен в реальности того, что могу потрогать, то в чём я вообще могу быть уверен? И зачем мне уверенность, если есть счастье?

Потом я, кажется, заблудился в бесконечных полях этой ночи. И лишь спустя год отыскал эти самые скирды. В ближайшей деревне я узнал, что какая-то женщина долго болела здесь неизвестной болезнью и умерла три месяца назад — при родах.

И вот, её трёхмесячная дочка протянула свои ручки к моему лицу, заслонившему ей звёздное небо...

И тогда я взял её на руки и, тихо покачивая, запел колыбельную песню:

То-о-нет го-род. То-о-нет в не-е-бе...

7. Вагонная весна

Капельки памяти и слёзы солнца. Пьяница-цветочек. Покер. Салочки. Искусство. Смысл жизни. Короли и дельфины.

— У меня есть немного коньяку. Так, может, мы...

— Я люблю коньяк. Возможно, у него тот же возраст, что и у моих детей. Янтарные капельки памяти или, наоборот, беспамятства. Виноградные слёзы солнца... Не откажусь.

— Вот, Ксюша, познакомься, это Дверкин. Он умеет петь песню о Всемирном потоке. Возьмём его в гости?

— И никакая я не Ксюша, а Оксана Маечкина. А Дверкин твой пусть заходит. В карты играть будем.

— В карты? В какие карты?

— В пьяницу.

— Я, Ксю... Оксаночка, уже вчера наигрался в пьяницу, и мне, честно сказать, как-то не хочется...

— Тогда в пьяницу-цветочек.

— Нет, малыш, какие из нас цветочки? Мы сейчас с дядей Дверкиным лучше коньяку выпьем, а потом я тебя в Покер научу играть, ладненько?

— Ладно. Только немного пейте, а то ты опять про меня всё забудешь и к океану не отвезёшь.

— Хорошая у тебя дочка, — улыбнулся Дверкин.

— Тут, понимаешь, Фёдор Михайлович, такая история... Вот у тебя, как бы и есть дочка, но её как бы нет, а у меня вот как бы и нет, но вроде как бы и есть. То ли порождение мечты моей, то ли насмешка над бредом.

После третьей рюмки потеплело. И в душе, и вокруг. Уже не было того беспокойства и стеснения. Угрюмая песня колёс сменилась их весёлым перестуком. Сердце звенело. И океан уже не пугал, а манил.

— А что, Дверкин, ты вот как полагаешь, это тундра за окном или, наоборот, степь?

— Степь? Да — степь, наверное. Степь да степь кругом! Путь далёк лежит. В той степи глухой паровоз бежит! И та-та-да-та тай-да-да, он товарищу трайда-та-да-та. Ты, товарищ мой, не попомни зла. В той степи глухой обними меня...

— А ты, Дверкин, хорошо поёшь. Душевно.

— Моей девочке тоже нравилось, а у её матери текли от моих песен талые слёзы...

— А где она сейчас? В смысле девочка, конечно.

— Где? Выросла. Я ей не нужен. Я сейчас никому не нужен. Вот посмотрю в последний раз на океан и тогда уж умру.

— Ну что ты, дядя Дверкин, зачем умирать? Мы тебя с собой возьмём. В Покер будем играть. Или в салочки. Ты умеешь в салочки?

— В салочки? Не знаю, нет, наверное.

— Ну я тебя научу, это просто. Только тут тесно. Тут лучше в Покер играть. Давай Олег в Покер играть, а то вон и дядя Дверкин загрустил. А ты сказал, научишь в Покер.

— В Покер? Ну хорошо. Давайте в Покер. Значит, смысл в том, чтобы угадать. Нужно угадать, сколько ты возмёшь. Тут, собственно, не очень важно, какая карта. Можно и с плохой картой угадывать. Очки даются даже за ноль взяток. Важно, в общем-то, искусство игры.

— Искусство? При слове искусство мне почему-то всегда хочется плакать.

— Плакать? Это... это хорошие слёзы. Это родниковые слёзы счастья. Мы, Оксаночка, и пришли в этот мир, чтобы смеяться и плакать, и любить искусство, и уезжать иногда к океану, и пить коньяк в тумановой степи, и петь песни... Тот, кто не плачет при слове искусство, ещё не совсем человек.

— Ты такой смешной и так смешно говоришь.

— Уж лучше быть смешным, чем страшным.

— Настоящие короли считают по-другому.

— Ну я, положим, не очень-то настоящий, и уж тем более не король. По-моему, очень скучно быть королём.

— Зато король может купить себе ручного дельфина.

— А вот здесь-то ты как раз ошибаешься. Королевская власть не простирается на дельфинов. Дельфины, а, впрочем, и люди вольны любить кого угодно.

— А в океане бывают дельфины.

— Именно. Именно в океане они и бывают.

8. Воссоздание Вавилона

Мелодия движения. Слова о словах. Вавилонское столпотворение. Неспешное движение в золотистых струях. Тяжёлое опрезвление. Чемодан. Мрак и праздник. Дерзкое ограбление.

Фуражка. Околышек. Проводник. Раздача утреннего чая... Неужели всё ещё утро? Утро в степи на скорости двадцать метров в секунду. Вектор поезда, указующий океан. Ноты из ласточек и проводов. Мелодия случайного движения.

Случаи, случайности, случайники... Чаинки душистого чая, приставшие к губам, с которых срывались трепыхавшиеся, как рыба на зелёной траве, слова стихов; неспешно-стучащие, как вагоны товарного поезда, слова докладов и лекций; робкие, как распускающиеся на рассвете маки, слова объяснений в любви; шальные, как пена в подогретом шампанском, слова разнотолков и споров с друзьями; тихие, как шорох осенней листвы, слова сказок для засыпающих в своих кроватках детей...

И вот ещё воркующие, как клёкот голубей, слова проводника:

— Желаете чай, кофе, пиво?

— И коньяк, и лимонад, и конфеты «Мишка на севере»!

Вместе с проводником нас стало четверо. И разговор наш вился высоко.

— Вот, скажи мне, Олег, ты ведь как-никак учёный. Можно ли сейчас построить Вавилонскую башню?— поинтересовался Проводник.

— Воздвигающий башни сорвётся. Отчего нельзя? Можно, конечно. А знаете, какой она будет формы? Чтобы как можно дольше не рухнуть под грузом собственных камней, она должна иметь форму струи, бежащей из крана. Научно установленный факт! Равнопрочность.

— Ну!? Неужто в самом деле? Конечно, если бы не было силы тяжести... Без силы тяжести верх и низ теряют всякий смысл, это понятно, но неужели же равнопрочность выкидывает такие коленца, не заботясь ни о какой силе тяжести?

— А если башня строится в душе?— спросил вдруг Дверкин,— О чём же должен помнить человек, затевающий подобный проект?

— О чём должен помнить человек, который не в состоянии бороться с силой тяжести своей гордыни? На что ему, столь горделивому равняться? Ну неужели же не ясно? На струйку, вытекающую вниз.

:

— Знал я одного строителя. Он как-то раз с крыши помочился, да прямо и на провода. Вот Господь его за струйку-то и сдёрнул. Тут уж, как говорится, лучше нет красоты, чем отлить с высоты.

— А у нас мальчишки тоже знают, как делали? Хочешь, говорят, руки за спиной соломинкой завяжу, и не развяжешь? Ага. А тому, кто не верил, они струйкой вязали! Дураки, правда?

И вдруг накатила тяжёлая трезвость. Боже ж ты мой! О чём я? Где? Какие-то башни. Струйки. Маета вавилонская. Дверкин этот. Проводник. Оксана Маечкина. Ну, уехал. Ну, пьян был. Ну, всякое может случиться. Но, извините, будучи в здравом уме и незамутнённом сознании за полдня так и не узнать направления! К чёрту! Срочно расплачиваемся. Выходим на первой же станции и домой! Домой! К своему столу, к тетрадам, рисункам. Никаких океанов. Никаких ветров. Оксану в приют. Дверкина к чертям собачьим. Проводнику денег. И в конце концов, отчёты тоже нужно сдавать, а не только, понимаешь, пиво пить и водку пьянствовать.

— Всё, ребята. Пошумели и хватит. Нам с Оксаночкой выходить пора.

— Да ты что, дорогой, не с той руки водку выпил? Какой выходить? У тебя ж билеты до конечной! Езжай спокойненько. Зачем торопиться?

— Ну до конечной! Когда она, эта конечная? Никто ни черта не знает! Всё! Всё! Всё! Никаких конечных! Сколько с меня? Сейчас, погоди. Погоди. Где же деньги-то?

Денег, естественно, не было. Их не то чтобы не было, а даже и ржавой копеечкой не пахло. Набрал, блин. Пиво, кофе, коньяк. А платить кто будет? Дверкин? Или, может, Оксана Маечкина? Неудобно-то как... Может, обворованным прикинуться, а? Или слинять по-тихому на первой остановке? Слинять-то, слинять, а дальше, дальше-то что?

— Чтой-то деньги девались куда-то?

— Дык ты же их в чемодан убрал. Сказал, что так надёжнее, и убрал!

— В чемодан? В какой ещё чемодан? Ах, в че-мо-дан! Ну, конечно же, в чемодан! На полочке лежал чемодан. На полочке лежал чемоданчик. На полочке лежал, на полочке лежал, на полочке лежал чемоданчик...

Лицо, опухшее от разных неожиданностей, стало вытягиваться. И мозг снова бросался в полную несознанку. Если до этого был полумрак и полупраздник, то теперь и того, и другого хватало по полной. И даже с горочкой. И даже с кисточкой. И даже с помпончиком.

В чемодане лежали доллары.

Много.

Полный чемодан нежно-зелёной валюты.

А это был не мой чемодан, а это был не мой чемоданчик, а это был не мой, а это был чужой, а это был чужой чемоданчик. Он выбросил в окно чемодан, он выбросил в окно чемоданчик...

Что же делать-то?

Ё-моё!

Ну надо же так вляпаться.

Ничего себе попили пивка.

Интересное кино получается.

Да что ж за день-то такой!

Сразу все с ума свихнулись, даже кто безумен был.

И тогда...

— Слушай, у меня в долларах. Тебя это как? Ничего? Сдача с сотни найдётся?

— Обижаешь, слушай! Вместе пили, да! Зачем деньги?

«В эфире Криминальная хроника. Основное событие, взбудоражившее сегодня Московский уголовный розыск, это дерзкое ограбление Центробанка. Преступник среди бела дня спустился по водосточной трубе, оторвал, как оказалось, не очень-то прочную решётку, разбил окно и, угрожая пистолетом, заставил управляющего открыть сейф. Забрав в банке имеющуюся наличность, преступник ушёл по той же самой водосточной трубе и затерялся в московских крышах. Ущерб, нанесённый государству, оценивается в пять миллионов долларов. Приметы грабителя: Рост средний, волосы, борода и усы тёмные с проседью, глаза болотные, возраст 30-35 лет. Был одет в синий джинсовый костюм и кроссовки. Всем, кому что-либо известно об этом дерзком преступлении, просьба позвонить по телефону...»

9. Выход вбок

Утопленник. Горизонт событий. Пределы тайны. Обитель гениев. Воплощение пророчеств. Буквальная ответственность. Подфартило. Ум-дурость-мудрость. Жёлтый мерседес. Добрый Дверкин. Ревизоры. Боязнь электричества. Музыка Шнитке. Жало под сердцем. Товарный поезд.

Поездам нет дела до проблем пассажиров. Поезда выстукивают свой дорожный марш. Облака двигают небо. Васильки трепещут под ветром. Дверкин поёт для Оксаны обещанную песню:

*То-нет го-род. То-нет в не-бе.
То-нет в зареве звез-ды.
И лишь те-е, кто жил на во-ле,
Не страшились высо-ты.*

Хорошо поёт Дверкин. Хорошо стучит поезд. И сердце тоже стучит. Тонет. Или уже потонул. Ухнул в чёрную дыру. Или летит, но уже без возврата. Около чёрных дыр есть такая граница, именуемая горизонт событий. Так вот, за ним перестают действовать все физические законы, и переступивший её уже никогда не вернётся. Может быть, там выход в иные миры? А может быть, это жилище Бога или дьявола? Центр мира или его конец? Никто не знает. Известно только одно: за горизонтом событий начинается тайна.

Вот и он ушёл за свой собственный горизонт событий, и обратно ему не вернуться. Тайны внутреннего Я показали своё лицо. Оказывается, он умеет лазить по водосточным трубам и грабить банки, и исчезать в московских крышах...

Мы совсем, совсем не знаем, на что способны.

В каждом из нас живёт своеобразный гений, но не каждый способен в него поверить...

Боже ж мой! Вместо того, чтобы сдавать отчёт, он пошёл грабить банки, а теперь вот едет к океану. И зачем? Зачем ему это надо?

Ведь я же всю жизнь предпочитал странствия в пространстве духа телесным приключениям. Ну, куролесил по мелочам, ну, бывало, но чтоб такое...

А может, это не он? Может быть, кто-то ограбил, денежки при погоне бросил, а я просто-напросто подобрал? Чепуха, пять лимонов на дороге не валяются. Да и приметы...

Неужели же то, о чём он писал в своих книгах, примеривая на себя чужие судьбы, случилось? Неужели же в Начале действительно было Слово? И «Мы несём ответственность за каждую букву» — не расхожая фраза? Что же там теперь, по законам жанра? Бежать за кордон? Штаты? Канада? Быть может, Швейцария? Или Австралия? Что придумал для меня этот Великий сценарист по имени случай? И не пора ли выйти из игры? Сломать его запутанную пьесу?

Ах, Олег Михайлович! Не Вы ли считали себя неординарной личностью? Не Вы ли тужились в попытках удивить своих друзей, как, впрочем, и весь мир? Все Ваши маленькие подвиги и похождения нашли свой окончательный финал. Услужливое подсознание исполнило за Вас всё в самом лучшем виде. Кто-то во сне видит периодические системы и формулы бензольных колец, а Вы грабите банки. Прелестно. Ну, не расстреляют же Вас за это. Ну, посадят. Повысите жизненный опыт. Не Вы ли лет десять назад уверяли, что писателю тюрьма пойдёт на пользу? Вот и пользуйтесь случаем. Можно сказать, подфартило.

Мы несём ответственность не только за поступки, но и за мысли. За мысли даже, наверное, больше. Но если поступок был, а мысли не было? Кто грабил этот чёртов банк: я или тот монстр, сотканный из сотен поколений, который иногда берёт движение моего тела в свои руки? Впрочем, ерунда всё это. Ерунда. Никакой Гипнотизёр, никакое подсознание не способно перейти некую грань, ну не в силах, например, довести до самоубийства... Ты в этом уверен? А всех ли самоубийц ты опросил, отчего они стали играть в эти игры? Да и при

чём тут самоубийцы? Надо думать, как выползти из этой ямы! Как там сказано-то: и умные, и дураки способны ошибаться, но умные умеют исправлять свои ошибки. И только мудрые не делают ошибок. А если и сделают, то лишь возрадуются ей и извлекут из неё немалую пользу. Жизнь прекрасна и в боли и в радости. На то и Земля. Контрасты как раз и осуществляют жизнь. Короче так: дурак, вляпавшись в дерьмо, так и будет сидеть в нём, да ещё и в рот потащит, умный — разумеется, побежит отмываться, а мудрый сочинит стихи, или притчу о бренности жизни или наберёт из дерьма опарышей да отправится на рыбалку... О Господи, какие опарыши!? Какие стихи?! Нет, похоже я ещё до мудрости не дорос, мне бы в рот потащить да на вкус попробовать, я даже и отмываться-то не умею.

Но вот и долгожданная остановка... Хотя бы в пространстве определимся. Ни черта не видно. А впрочем, впрочем, кое-что видно. Кое-что даже очень хорошо видно.

Жёлтый мерседес здесь как-то и неуместен. Как-то не положено ездить по степотундрам на жёлтом мерседесе. Ну, был бы он хотя бы чёрный, это ещё куда ни шло... И эти мальчишки, садящиеся в поезд... Такой мальчик череп ладошками обнимет и посыпятся, посыпятся черепочки...

— Вот что. Вот что я вам скажу, дорогие мои. Похоже, приехал я. Ты уж меня, Оксаночка, извини, втравил я тебя в эту историю... Знаешь что? Ты дальше с Дверкиным поезжай. А я тебя потом. Я тебя потом обязательно найду... Ты «Мурзилку» выписываешь? Я в «Мурзилке» объявление дам: так, мол, и так, Оксана Маечкина, позвони туда-то, туда-то Олегу Эсинскому, понятно? Ну не плачь, не плачь, не нужно плакать, дядя Дверкин хороший. Видишь, уснул. Плохой человек в чужом купе ни в жисть не уснёт. Пусть поспит, хорошо? А проснётся, ты ему скажи, когда проснётся, я, мол, дядя Дверкин, с тобой поеду. И ему веселее, а то ведь, сама слышала, умирать собрался. Посмотрю, говорит, океан и умру. Ты уж за ним присмотри, ладно? Он ведь, Оксаночка, пропадёт без тебя.

— А ты?

— Я? Я, Оксаночка, авось и не пропаду. Я вот сейчас дверь закрою. Я её на секретку закрою. И... и в окошко уйду. Я, Оксаночка, очень хорошо умею в окошко уходить. Я как увижу окошко, так меня пивом не пой, дай только в окошко вылезти. А в дверь мне, Оксаночка... Это не ревизоры. Они, Оксаночка, врут. Это плохие дяди, они, Оксаночка, за мной пришли. А я, понимаешь, не хочу с ними.

И под стук выламываемой двери, цепляясь за какие-то призрачные выступы, больше всего боясь почему-то тока, он выполз на крышу. Медленно, метр за метром, сквозь искусственный ураган, к тамбуру.

Там пониже. Можно будет и прыгнуть. Насыпь песчаная. Можно и прыгнуть... Уж если жанр такой. Раз уж он грабитель, то можно и прыгнуть. Раз он умеет лазить по водосточным трубам, то уж и с поезда как-нибудь. Раз уж так кувыркком всё, то надо прыгать...

Его тряхнуло. Развернуло воздушным потоком. И он грохнулся в мягкий песок, прокатился по нему и затих в низких замызганных кустах.

Нельзя с похмеля так прыгать. Вредно это. С похмеля, например, пиво надо пить. Есть яишницу с помидором. Музыку слушать: Баха там или Чайковского, только не Шнитке. Шнитке с похмеля никак нельзя. Шнитке с похмеля — это всё равно что с поезда вниз головой. Это можно считать, что сейчас он как раз Шнитке и слушает. Концерт для фортепьяно с оркестром. И вовсе это не бревно упирается в левый бок, это *allegro con brio* впилося своим жалом под сердце.

Собственно, он редко страдал в похмелии. Ему даже нравилась эта ватная отупелость мозга, тонкие, едва заметные движения души, своеобразное истязание плоти... Плоть отзывалась редко... Ей, видимо, по большому счёту было плевать на это.

Другое дело тоска. Иногда на него накатывала исчерна-фиолетовая тоска, и тогда было плохо. Однажды он четыре дня блевал от тоски. Просыпался по утрам и блевал. Блевал по часу, иногда и больше. Блевал от отравления души. И даже вино не приносило очищения.

Но довольно, он устал от этой музыки, напрягающей сердце. Ему не хочется двигаться в темпе *allegro*. Позвольте, господа, жить неторопливо. Позвольте ощутить неуловимый вкус исчезающих мгновений, скрип вечности на пересохших губах, запах креозота, гул поезда... Я не беглец, но странник. Путешественник по собственной душе.

И этот товарный, удивительно медленно идущий поезд, не для него ли? Что же, он будет хорошим товаром. Товаром, способным к самопогрузке. Он догонит этот пахнущий лесом вагон, упадёт на груды сосновых стружек и...

ч а с т ь

II

воля

*Разрешите представиться: Мастер Ошибки. Титулованный мэтр, непредвиденной встречи. Открыватель орбиты, сошедшей с подмо-
стков. Бакалавр опечаток. Неисправленный гений.*

*Он серьёзно уверен в несуразном исходе. Спотыкаясь, спотыки счи-
тает удачей. Ну, а если, случайно, получает по морде, в этом ви-
дит находку // и накопленный опыт.*

*Он читал с середины и обедал с компота. Уходил, поздравляя, —
возвращался в блевоте. И стихи, перепутав, говорил для оглохших,
для прибитых, оглушенных жадностью жизни. Просыпаясь, искал
запропавшее время, долго думал о том, где оставил секунды? И ко-
торый же час в этом загнанном свете? И куда же свои он поставил
ботинки? Сколько в мире вопросов! И так мало ответов. Чёрт с
ней, с тенью, отведав, — садись и пиши. Про забытые Богом и по-
этом ступени, уводящие в мир неземной красоты. Там... В потрес-
канном вымени древнего камня, на обрывке газеты, с сигаретой «Ды-
мок». Мы сидели и пили обжигаящий танго — из китайского тер-
моса трепетный гроз. Этот крохотный миг отложился навеки, а
поездку в Париж почему-то забыл. Просто кажется, что я вроде и
не был в Париже. И в соборе его загранично-божественной матери
вроде бы и не звонил. И горбун квазимодный мне не ставил поллитра
с урожая отборных анжуйских сортов. И с поэтом Рембо мы как
будто бы и не обсуждали соответствия гласным французских цве-
тов. И с Моне я не помню никаких разговоров, но однако, поди ж
ты, — остались стога. Сколько было этих таинственных полу-
встреч, полусборов. Но не вспомнить о вехах на пути в облака.
Голубые подмостки. Ну, а зрители — Боги. Им не впарить фаль-
шивку театральных смертей. Но и они, как это ни покажется
странным, иногда исправляют ошибку, вместо того, чтобы про-
сто посмеяться над ней.*

*Никогда я не верил в осознанный метод и чужие мгновенья не терял,
а ловил. Так и этот подсмотренный автоматический слепок с па-
рой поломанных в поднебесье крыл...*

Войдя в оброненную кем-то тетрадь, я открыл.

1. Винительный вираж

*Несостоявшийся лётчик. Состоявшийся физик. Нахлебник Судьбы. Начало кривой.
Сумасшедший дед. Бытие по модулю минус три. Безумное завещание. Тишина в душе. Заоб-
лачный фильм. Поэт.*

Кто он, соотчик товарного поезда? Несостоявшийся лётчик, со Шнитке под сердцем и с чемо-
даном зелёных страстей. Оставивший девочку и старика. Скрывающийся от ревизоров жизни. Бо-
ящийся собственной тени. Заплутавший во времени, пространстве и собственном Я. Кто он?

Где тот случайный поворот, приведший его к этой куче мусора в пустом вагоне, среди
бесконечных степей?

Может быть, это был тот экзамен на лётчика. Экзамен, который он завалил. Уже в тот
миг его капризное подсознание, должно быть, знало о необходимом количестве ошибок.
Ведь если бы тогда он на чуть-чуть сгустил свою внимательность, то и не ехал бы сейчас в
товарном поезде, не ведая о причине и направлении, а летел бы среди кучевых облаков,
курсом норд-вест, поглаживая попку хорошенькой стюардессы.

А возможно, наоборот, это был экзамен на физика. Экзамен, о котором он узнал из газеты, сидючи в деревянном сортире, и который умудрился сдать, хотя и не знал правил: буравчика, Ома и левой руки.

Ведь не поступи он тогда, и не узнал бы этих великих правил. И не произнёс бы божественный звук «О-ом», прижимая к бутылке левую руку, а правой заворачивая штопор, и не влюбилась бы в него кареглазая школьница, зажегшая в душе его первый стих...

Каждое мгновение — есть точка перегиба, и, следовательно, вторая производная мгновения равна нулю, а, значит, линия, по которой он движется, — прямая. Математика, бя.

Нет и не было в жизни его ошибок. Благодаря всем ошибкам, он стал тем, чем и есть. Ошибки так же, как и попадания, осуществили его. Кому-то ведь нужно было совершить все эти глупости?

Если не он, то кто же?

Конечно, дело не только в случайностях, но и в отношении к ним. Мало ли кому преподносятся конфетки Судьбы. Далеко не каждый отважится съесть. А он хватал, не разбираясь в начинке, считая, что выплюнуть-то всегда можно... а потом оказывалось, что хотя и не очень-то вкусно, но и выплёвывать уже неудобно, поскольку твой плевок будет оскорбителен... Так и жил у Судьбы нахлебником, пускай трудолюбивым, но всё же нахлебником.

Откуда же вышла его Основная кривая? И почему на ней столько загибов? Может быть, это началось ещё до него? Может быть, это его ненормальный дед прогневил или возразовал Небо? Может быть, и дед. Уж кто-кто, а он мог и прогневить, и возразовать.

Стилистика воспоминаний его плавно менялась, поднимаясь вверх на несколько пунктов, попадая под влияние деда.

Это был странный человек. Постигший, видимо, что-то удивительно светлое, и за этим светом так и проживший свою счастливую жизнь. Да он как-бы и не жил с ними никогда, но только парил где-то среди облаков. Звал без призыва. Учил, не давая уроков. Был, не будучи настоящим... Человек, который посмеялся над временем и над числом, над государством и над законом, над любовью и над свободой. Человек, который жил в своей небольшой квартирке под коньком неказистого дома. И даже не дома, а памятника архитектуры. И не квартирке, но скорее — гнезде. Уютном многоугольном жилище. Жилище сумасшедшего мудреца.

Он получал пенсию по инвалидности. Не помнил детей своих и выдумывал время. У него было девять суток в неделе, а в году десять месяцев, пять сезонов, сорок недель и пять исчезающих дней. Пять дней, никуда не входящих. Пять некалендарных, мистических дней. Пропущенных, потерянных, позабытых.

Дед... Дед, придумавший два новых дня: «Вознесение» и «Забывание». Два дня, перечёркивающих прожитую неделю. Два дополнительных дня...

Арифметика бессильна здесь: два добавлено, пять пропущено, и если год тождествен неделе, то баланс равняется минус трём. И вот эти-то минус три и есть зеркальное отображение бытия... Есть люди, живущие в отрицательном балансе бытия. Обитатели группы ненормальных событий по модулю минус три.

Дед... Бредивший наяву и проповедующий в бреду. Ломающий дубовые рамки дубового мира. Улыбавшийся птицам и поющий для звёзд. Это он сумел заронить в мою душу первые буквы поэзии. Он сумел прожить среди этого духовного хлама... И сумел исчезнуть...

Уходя, он оставил записку. Ровные чёткие строчки, изящный каллиграфический почерк, разумные округлые фразы. НО мысли! Такие мысли под стать сумасшедшему или гению... Великому гению сумасшествия...

«Я ухожу. Мой земной путь пройден. Смысл выскоблен до скорлупы. И обе половинки выеденного яйца — пусты. С некоторой точки на оси времени человек уже не растёт, и тогда смысл его бытия остаётся лишь в помощи ближним. А когда ближние перерастают его,

то остаётся последний и величайший смысл — доизволение им помочь тебе. Таков путь всего человечества. И лишь немногие, те, что понаслышке знают о Свободе, отвергают последнюю треть пути. Мы живём по модулю минус три. И, уходя, я даю тебе первый урок Свободы. Я знаю, тебе будет больно и тяжело. НО это та неизбежная плата за... Впрочем, слепому не объяснить, как пахнут полночные звёзды».

Он помнит эту записку до последнего завитка, но до сих пор не верит в то, что Свобода исключает Любовь. А если и исключает, то стоит ли жертвовать ей ради Свободы?

Записка и ключ от скворечника — вот и всё, что осталось от деда. Записку он хранит в самом сокровенном уголке своей памяти, а ключ носит на шее вместо нательного креста...

Тишина в душе, тишина. Облака отражаются в сердце. И мелодии пьяного сна. Тихо бьются в вагонные дверцы. Среди стружек, на грязном полу. В неизвестном спеша направлении. Он пронзает раскосую мглу. Он пронзает раскосую мглу. Он пронзает раскосую мглу... Продолжая парить в отраженьи.

В открытом люке отражалось небо и проносились облака. Облака раскручивались, подобно киноплёнке, и Олег уходил вместе с ними в этот полуфильм его грёз или воспоминаний... Фильм назывался: «Поэт». По заказу заблудшей души. По мотивам его стихотворений.

«В жёлтом пластмассовом кресле. В широкополой шляпе, укрытый клетчатым пледом, мирно спит молодой человек. Солнце. Небо. Чайки. Место действия непонятно. Возможно, Ялта? Гаити? Канарские острова? Камера неспешно удаляется, а пространство соответственно растёт. И вот медленно проявляется перрон Нижегородского вокзала с гвалтом репродукторов и поездов, с привокзальной копотью и грязью, с запахом мочи и машинного масла. У ног спящего толкуются чумазные голуби, глупо потряхивая своими головами. Приближаются два человека в серых шинелях. Солнце сверкает в зелёных осколках битого стекла, в лужице пива, в звёздочках милицеских погон.

Спящего грубо встряхивают. Рассматривают его документы. Что-то объясняют. Расходятся.

Молодой человек с пледом на плече направляется вдале от вокзала и устраивается на каких-то поломанных ящиках. Достает из сумки бутылку портвейна. Пьёт. Блаженно щурится на солнце. Камера уходит вверху, раскрывая привокзальный вид с точки зрения неба. В дымке исчезающего города звучат стихи:

***Я просыпался на вокзалах
Среди ментов и голубей...
Писал стихи о древних галлах,
Вкусал свой утренний портвей.***

***И, удаляясь в междуречье
Слоэргетических полей,
Вдруг застывал, пронзённый речью
И словом жалостным: «Налей».***

Камера возвращается к ящикам, портвейну и грязному бомжу, просящему похмельную милостыню. Поэт наливает ему в пластмассовый стаканчик, надевает на седую лохматую голову свою стильную шляпу, укутывает бомжа клетчатым пледом и уходит».

2. Вкус воли

Слёзы неба. Окончание степи. Переспевшая малина. Мокрый сон. Бронзовый молоточек. Куртизанка. Мастерская художника. Соитие у подоконника. Душа и тело поэта. Пробуждение. Оплодотворение зари.

Небо пролилось через экран сознания, и тёплый июльский дождь хлынул сквозь люк на кучу соснового мусора, возвращая реальность, которая соперничала своей поэтичностью с пронесившейся грёзой. Он подставил под дождь пересохшие губы и засмеялся над собой вымученным и в то же время счастливым смехом. На языке оседал вкус дорожной пыли, дождевой воды и пота. Вкус воли.

Поезд затормозил. Эсинский стряхнул с себя промокшую истому, подошёл к двери и опасливо осмотрелся.

Степь кончилась.

Его жизнь вступала в полосу перелесков.

Эсинский взял свои странные капиталы. И спрыгнул. Перешёл вброд придорожную канаву и двинулся перпендикулярно прежнему пути, туда, где по его мнению должно всходить солнце. Он шёл, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и радуясь хлеставшим по лицу веткам. Дождь смывал за ним все следы, и вместе со следами как будто смывалась с души его вся тяжесть прошлой жизни.

Наткнувшись на малиновые заросли, он поставил у муравейника чемодан с деньгами и погрузился в сладкую негу переспевшей малины. И казалось, что в этих тёмно-розовых капельках скрестились нити его детства, далёкие голоса первобытных предков и это дождливое непонятное сегодня... Наевшись до густой оскомины, Эсинский лёг на мокрую, но тёплую землю и провалился в такой же мокрый и тёплый сон. Сон, продолжающий фильм о Поэте:

«Молодой человек поднимается по широкой лестнице старого дома. Подходит к жёлто-песочной двери, на которой тёмно-фиолетовыми готическими буквами написано: «Мастер по акварели и маслу Валентин О.В.», а рядом на декоративном кронштейне висят бронзовый молоточек и две тарелочки. Молодой человек, очарованный этим звонком-инструментом, выстукивает на нём траурный марш Шопена. Дверь открывает полуобнажённая, затянутая в корсет куртизанка XIX века, в шёлковых чулках телесного цвета, в трусиках с кружевами, в белом высоком парике, с приделанными к нему небольшими бутылочками для воды, в которых стоят фиалки и незабудки.

— Простите... — теряет молодой человек.

— Ты к Валенку, что ля? Он за портвеем пошёл, сча вернётся. Да ты проходи, проходи, чо в дверях-то топтаться.

Они проходят в мастерскую художника. У окна стоит обтёрханный диван без спинок, которые валяются в углу. Диван покрыт ярким пурпурным шёлком. Рядом стоит столик из тёмного ореха, на столике сооружён голландский натюрморт с коньяком в графине, полуочищенным лимоном со свисающей, как лента, кожурой, печеньем, веером и прочей симпатичной мелочью. В центре комнаты мольберт. На холсте набросаны контуры завтракающей куртизанки и уже прекрасно, в стиле Фёдора Толстого, выписаны незабудки, приделанные к парик. На полу валяются какие-то тряпки, выдавленные тюбики из-под красок, пустые бутылки, консервные банки с окурками и прочий мусор, и над всем этим царит донельзя обворожительная куртизанка, курящая тонкую сигарету. Молодой человек старается ускользнуть от её взгляда, поскольку ширинка на джинсах неприлично топорщится, и как ни старается он сбросить возбуждение, оно, напротив, возрастает ещё больше.

Куртизанка неожиданно подходит к нему и, ласково потискивая ширинку, говорит:

— Только давай по-быстрому, а то сча Валенок вернётся.

— Но...

— Не бойсь, я у подоконника встану и буду смотреть, если он покажется.

С этими словами она сбрасывает свои кружевные трусики и, облокотившись о подоконник, широко раздвигает ноги. Молодой человек, приспустив брюки и несколько смущаясь, пристраивается к ней сзади.

Из окна виден город, состоящий из чердаков и крыши. Кружатся белые голуби, подсвеченные солнцем. Кольшатся незабудки и фиалки, припаркованные к женской голове. Звучит музыка Мариконе. Взгляд поэта уносится в небо. Тело его живёт самостоятельной жизнью, содрогаясь в конвульсиях страсти, а душа... Душа парит среди голубиной стаи и истекает только что рождёнными стихами:

*Я проникал в глубины мира!
Блуждал по женственной душе.
Входил непрошенный в квартиры.
Кружился в танце на ноже.*

*На крышах вместе с голубями
И стоном женщины в окне
Я улетал, взмахнув крылами,
И таял в синей вышине».*

Здесь произошёл обрыв киноплёнки, и Эсинский проснулся. Ещё звучали в воздухе последние строки, и образ страстной куртизанки плавно перетекал в заходящее солнце. Эсинский, пребывая в каком-то влажном возбуждении, расстегнул ширинку и, встав на колени, оплодотворил вечернюю зарю.

Млечные капли животворящей влаги упали к подножию гигантского муравейника, и тысячи нераспустившихся жизней медленно пропитывали землю... Зачем же допускать, чтобы божественное стало эмбрионом? Чтобы после рождения его пеленали в крови и желчи? Уж лучше так! Уж лучше подарить его земле.

3. Возражение волны

Шум крыльев. Полночная пьеса. Сумерки. Запах воды. Стодолларовый костёр. Раки. Воспоминание о подкаменных рыбах. Соль.

Стая краковых уток перечеркнула солнце полётом. Шум их крыльев перечеркнул тишину. Лес остывал вечерней декорацией. Птицы подавали звонок к полночной пьесе для одного актёра...

Сумерки.

Неуловимое колеблющееся время для перехода из суеты дневного города к тишине лесного вечера. Короткий час для поиска воды и огня. Тепла и прохлады. Места для ветра и для ночлега.

Сумерки...

И Эсинский наткнулся на реку, а, может быть, его вывел запах. (О, этот запах остывающей воды, запах нарождающегося тумана, речного песка и мокрого камня!)

Он разложил костёр, пуская на растопку стодолларовые купюры. Причём делал это не ради жеста, а просто по причине дождя. Глупо умереть от простуды с чемоданом денег на груди. За тепло хотя бы изредка нужно платить.

А если хорошо поискать, то будут и раки. Так что траты на огонь воздадутся нам сторицей в раковых шейках...

Эсинский кипятил их по очереди в консервной банке из-под шпрот...

Вкушал. Вкушал так, как можно вкушать единственное блюдо на земле — раков, сваренных в старой консервной банке. Смотрел на тонкие струи огня, облизывающие низкий жестяной цилиндр, и... вспоминал, как недавно они с Михеичем жарили налимов на берегу Волги.

Это было утро, и они были подшофе. И было вино, но не было закуски. А по берегу бродили пацаны и ловили вилкой налимов, сидящих под камнями. И они купили этих подкаменных рыб, которые извивались в костре, подстраиваясь под танец пламени и создавая прибрежный натюрморт. И вкус этой обожжённой, но ещё трепещущей рыбы, был вкусом холодной эстетики города, а сегодня от раков веяло свежим дыханием лесной реки.

Соли не было. Ибо реки состоят из пресной воды. Но волны...

Волна не может быть пресной, потому что она живая.

4. Виртуальный викинг

Стены темноты. Заблуждение в среднем. Город из огня. Строка и страсть. Поглощение натюрморта. Стихотворный миньет. Плач филина.

Костёр обозначил стены темноты. Стены его потерянности. В общем-то, достаточно средней потерянности. Направление движения в космосе вполне известно. Вот он, Геркулес, а вот она, Лира; между ними и есть та точка, к которой летим. Апекс Солнца. Движение в круге костра тоже не составляет особой тайны. Так что блуждает он только в среднем. Среднем круге своего бытия...

И со Временем — те же проблемы. По большому счёту понятно, что впереди ожидается смерть или бессмертие, но по сути это — одно и то же. Ибо и то и другое — есть окончание жизни. Пребывание в малом снова не вызывает вопросов: я собираю дрова, я смотрю на огонь, я курю последнюю сигарету, я вдыхаю ночь, я слушаю реку, я думаю о... но стоп: в движении сознания нет времени... и нас интересует лишь брренное тело. Тело, заблудившееся в пространстве между рождением и смертью. И путь его постигнуть невозможно. Невозможно представить себе старика, который вырастет из младенца. Тем более если младенец — твой сын. Тайна времени...

А может быть, и нету этой середины? Может быть, младенец и старик — это одно и то же? Если уж в Истории народов могло исчезнуть целое тысячелетие Средних веков, то что говорить об одной человеческой жизни?

Мы слишком доверчивы и слишком уверены в непогрешимости памяти. Но где гарантия, что вся предшествующая жизнь не придумана шаловливым мозгом за секунду до воспоминанья?

Он смотрит на дыхание углей и растворяется в гамме оттенков от ярко рыжего до серого. Из углей и огня выстраивается город. Колыхание тонких башенок. Нагромождение домов. Чердаки и крыши. Взлетевший пепел превращается в голубиную стаю. Небесный киномеханик наконец-то вставил оборванную киноплёнку. И женщина, застывшая в оргазме, заполнила собой проём окна:

«Поэт испустил свою странную страсть вместе с последней строкой. И ещё не успела она остыть. Ещё витала она среди клубов дыма из отдохновенной сигареты. Ещё куртизанка поправляла кружева на шелковых трусиках, как пришёл тот самый Валенок с тем самым портвеем и предложил. Заодно и познакомились: он носил коричневый берет и звали его Орест Владимирович Валентин (в просторечье Валенок), а её — Мила (в просторечье Миледи). Валенок оказался хорошим парнем и по окончании портвейна стал потчевать натюрмортами. И они пили коньяк из серебряных рюмочек, закусывая его прозрачным лимоном, а Валенок нёс долгую и нудную ахинею о том, что он художник, но не ремесленник, и потому ему гораздо важнее воспоминание о натюрморте, а не сам натюрморт, и это даже правильно, что они его съели. Миледи сокрушалась о том, что Валенок не пишет Валтасаров тир. А Олег расска-

зал про натюрморт из подкаменных налимов. Беседа всё больше пьянела и тормозилась. Он ещё мог думать свою мысль, но уже не мог воспринимать чужие, или, скорее наоборот, уже мог думать свою, но ещё не мог постичь чужие. Наконец, Валенок уснул, уткнувшись в тарелку с печеньем. А изголодавшаяся Миледи тут же накинулась на Олега. Она ловко выпростала из джинсов уставшую плоть поэта и припала к ней чувственным поцелуем. Поэт откинулся на спинку кресла и закурил. Он выпустил тонкую струйку дыма, и вместе с ней перечеркнула комнату уже не очень трезвая строка:

*Усталость. Плюшевое море.
В подушках ломкие стихи.
И словно таеши в разговоре
Разбушевавшихся стихий.*

*Уходишь в ноль. В лавину. В пропасть.
В густую бурю нежных строк.
И лепестками одинокость
Ложится в твой прощальный слог».*

Эсинский подбросил основную ветку в потухающий город и выбрался из фильма... Лесные грёзы о городе... Режиссура костра, отразившегося в ночи... Усталость металла... Разрушение пути... Точка света, зажжённая им в стороне от торных троп... Тень от звезды, упавшая на ресницы... Младенческий плач филина... И этот шёпот набегающей волны... Волны воды и волны липкого страха...

Виртуальный викинг вернулся из небытия живым.

5. Высотный всадник

Полоса заблуждения. Погружение в туман. Наблюдение реки. Тоска по зрителю. Игра для одного. Вхождение в воды. Явление ястреба. Беседа с когтем и его хозяином. Приобщение к говну. Магия имени. Острова души. Тайна полёта. Жизненно важные вопросы. Хвала бесполезному. Суп поэта. Отрицание мистики. Приручение и одичание. Попытка называния.

Ночь, хотя и была короткой, но всё же была. Стало быть, не тундра. Стало быть, этот рассвет он встречает в средней полосе. В полосе своего заблуждения.

Эсинский погрузился в туман и как бы умылся. Выпил смородиновый чай из консервной банки. Растерянно и долго смотрел на реку. И всё не мог понять, чего же ему не хватает? Необычность положения, казалось бы, должна была утащить его на самые вершины поэтического восторга. Казалось бы, ему сейчас нужно нестись, широко растопырив глаза и уши. Плыть восхищённо по течению обстоятельств. Ликовать утренней радостью и ночным возбуждением... А он...

Он же с грустью вспомнил свой дом и книги, и китайский чай из просвечивающих чашек на уютном балкончике с видом на сосны, и японскую музыку Китаро, и паркеровскую ручку, выводящую на рисовой бумаге в буквальном смысле горизонт строки...

Зрителя. Ему не хватает зрителя. Да — лес в партере. Да — небо в бельэтаже. Да — угасающая Венера на верхнем ярусе. Но этого мало. Бог, Звёзды и иже с ними слишком холодные зрители..., они не в состоянии оценить красоту ситуации, для них переживания заблудившегося Эсинского — всё равно что для нас страх муравья перед снежинкой. Другой. Другой, способных со-переживать и быть свидетелями этого микропотопа его души, ему сейчас не хватает... Финита ля комедия... Уже давно пора оставить сцену... Гул затих, и я сошёл с подмостков, прислонясь к дверному косяку...

А дверь вела совсем в иные комнаты...

Что же, сыграем эту пьесу для самого себя. Кто же и зритель, если не ты? Раздвоение личности не догма, а руководство к действию. Одна половина наблюдает, другая солирует. Ед-и-ины па-рус и душа-а, герой и зрители едины...

И он вошёл в воды неизвестной реки, сбросив одежды и напряжение сердца. Обжигающая прохлада осуществила релаксацию нервов. Пескари целовали ему колени. Белые лилии распускались. Из кустов шиповника вывалился ястреб с перебитым крылом.

И это была уже неожиданность. Ну, река. Ну, пескари. Ну, лилии. Но ястреб! Должно быть, тоже заплутал в тумане. И напоролся крыльями на шип. Печальный ястреб, раненый туманом...

Эсинский тихо подплыл к берегу и, лёжа в воде, протянул руку к ястребиному когтю. (Вспомнилось битовское наставление, что хищника нужно ласкать по оружию.)

Огромный ястреб. Белый в чёрную ласточку. С клювом, расколовшим пространство напополам... Левый глаз холодный, бледно-жёлтый, словно Луна, пронзающая ночь, и небольшой зрачок, как море Облаков на лунной карте..., а правый, полыхающий огнём, похож на Солнце, густое Солнце, тронутое рябью, с витой воронкой чёрного зрачка, и с выбросами вбок протуберанцев, и с безрассудством факельных полей...

Огромный ястреб на красном песке. Ястреб, заслонивший небо. Ястреб, с удивленьем наблюдающий живого человека...

А я как рыба, обретающая твердь... По просьбе дам хвостом, помазав губы, заговорил на птичьем языке:

— Ну, здравствуй, здравствуй, Монтигомо. Как поживает Ваш хозяин? Видать, он перепил вчера пьянящей крови. Попался в когти перепел ему. А с будуна, вестимо, заблудился. И напоролся на колючий шип. Бывает, брат..., — такая наша доля. На вечер жизнь, а поутру шипы... Давай-ка, угощайся рачьим мясом. Воняет? Это, парень, с непривычки. Болотный дух, он, вишь ли, тоже ничего. В нём есть своя особенная прелесть. Не всё ж тебе вдыхать лишь кровь и небо, давай-ка приобщайся к говнецу. Вот так-то лучше. А теперь посмотрим, что тут стряслось с твоим больным крылом. Ну, не шипи, ведь ты же не змея. А знаешь, ястреб, как когда-то назывался тот куст, что поуродовал тебя? Он назывался Собо-ринов цвет! С таким названием он цвёл, а не кололся. Названье, брат, определяет жизнь. И если назовут тебя Горшком, горшком и станешь, и полезешь в печь, по собственной, заметь, инициативе. А ты вот — Ястреб. Это, брат, красиво.

Давай дружить. Ты будешь мне вместо попугая. И мы с тобой освоим острова... Необитаемые пятнышки души... Ты говоришь: какое тебе дело до островов моей запутанной души? Изволь, отвечу: ровно никакого. Но ведь и я тебя врачую просто так. Лишь из симпатии к твоим могучим крыльям. Ты хочешь знать, откуда я тут взялся? Я сам не знаю. С поезда сошёл. Поел малины. Отдохнул у кучи. Увидел сон. Ну, а когда проснулся, то просто-напросто пошёл на запах // вечерней засыпающей воды. Ты говоришь: уж не шпион ли я? Я Вам отвечу: видите ли, ястреб... Хотя б и так. Но только есть ли смысл шпионить за пернатыми друзьями? Ведь тут, дружище, сколько ни старайся, не приоткроешь занавес полёта. И дело не в пропорции крыла, не в весе перьев и не в тайне взмаха. Кто знает, может, всё наоборот, и, может быть, что это я тебе открою // секрет перемещения в облаках...

Ястреб молчал.

Вот так бы и сидеть здесь — на утреннем мокром песке, в ломких тумановых контурах жизни. Вот так бы и не идти никуда. Вот так бы и нести околесицу перед этим молчаливым ястребом...

— И-и-а-к, — сказал на это ястреб, что, по всей видимости, означало: «Ну и сиди, кто тебе воспрещает?»

— Жизнь, мой милый пернатый хищник! Жизнь... Жизнь заставляет меня двигаться, есть, пить, думать, писать стихи, любить свою Землю и своих женщин. Жизнь заставляет меня жить, и я, между прочим, этому несказанно рад.

— И-и-ы-к,— воскликнул разговарившийся ястреб, что, должно быть, значило: «А ты превратись в дерево или в траву, или, на худой конец, просто в песок!»

— Ещё успею,— ответил Эсинский,— куда мне торопиться? Поживу пока человеком. Мне и человеком пока неплохо. Вот ты, высотный всадник, оседлавший ветер, хотел бы стать, к примеру, человеком? Стать человеком, потерявшим место? Таким, как я? Иль, например, грибом, вот этим самым из-под тёмной ёлки, который собираюсь я сварить? Ты говоришь, тогда уж лучше — мной? Вот это правильно! Будь, ястреб, бесполезным. Полезных, брат, как правило, едят...

— Вот, угощайся. Это суп поэта: грибы, крапива, земляничный лист. Не хочешь? Ну, тогда мне объясни — как получилось, что кормлю тебя с ладони, а ты, гордец, ещё вороотишь клюв?

Вы говорите: облака Судьбы, мистическое право горизонта, движение муравьёв и поездов столкнули два простуженные сердца и объявили перерыв их одиночеств. Возможно, так. Но всё же мистика тут, парень, ни при чём. Да мистики и нет, как таковой. Жизнь просто часто выбивается из жанра и сочиняет новые безумства. Без всякой мистики в ней столько удивленья. И столько в ней неожиданных поворотов...

Мы встретились с тобой и поменяли перья: я диким становлюсь, а ты, наоборот, становишься ручным.

Моя душа стряхнула тела прах. Твои крыла мою подняли душу...

Да, кстати, и пора бы мне как-нибудь тебя, дружище, обозвать. Давай, ты будешь зваться Бармаглотом или Брандашмыгом, или... Подожди, а вдруг ты вовсе не самец, но молодая ветренная дама? Да и вообще: ты ястреб или кто? Быть может, коршун или осоед? Бывает всякое, и я не исключаю, что ты — летающее сонмище моё...

Пожалуй, имя выбрать невозможно... Но, впрочем, истинное имя как раз и соит из выбора имён. Поэтому решим: ты будешь зваться — Я, и мы избежим всех невразумений, а в прошлом времени к тебе не стану обращаться и от эпитетов навеки откажусь, тогда и пол твой сохраниться должен на веки вечные в туманной заперти...

И пусть цепенеют мужья все от новых религий, и пусть задохнётся от радости // твой птичий коричневый хвост.

6. Весомый вклад

Отражения на воде. Волнения ястреба. Птичий кардинал. Дорога к небу. Золотистая вечность. Слёзы. Животные и женщины. Укупорка кладов. Углы.

Они шли берегом реки — человек и ястреб. Человек шёл неторопливо и праздно. Ястреб прыгал, усердствуя и поспешая. Человек был с чемоданом. Ястреб был с раненым крылом. В чемодане лежали деньги. На крыле засохли капельки крови. Деньги были бледно-зелёные. Кровь была тёмно-бордовая. Впереди расстилался лес. Позади оставалась жизнь. Лес был дремуч и тих. Жизнь была шумна и бестолкова. Человек и ястреб шли по песчаному берегу, а их отражения скользили по речной глади. Человек и ястреб раздвигали редкие травинки и воздух, отражения раздвигали облака и кроны деревьев. Человек и ястреб оставляли следы на песке, а их отражения продвигались бесследно. Но пройдёт время и следы на песке сотрутся, а отражения ещё надолго останутся в поэтической памяти человека.

Так странно — отражение на дрожащей воде.

Пожалуй, это одно из самых живописных и поэтичнейших явлений. Абсолютно бесполезное и абсолютно прекрасное явление. Это — та самая мимолётность, на которой и держится вечность. Слегка размазанная вечность, подпавшая под власть ветра и освещения.

Но ястреба не волновали отражения, ястреба волновало совсем другое. Ястреба волновала проблема движения. Ястреб устал прыгать в неизвестность. И ещё он боялся затупить

свои боевые когти. Конечно, можно было бы и не прыгать, можно было бы уткнуться клювом в траву и уснуть или попробовать умереть..., но ястреб не хотел расставаться с тем, который не убил его, а, наоборот, накормил. Ястребу нравилось журчание непонятных звуков, то и дело льющихся из рта его нового друга. Ястреб не хотел возвращаться в свою одинокость. И тогда он подпрыгнул, опираясь о воздух, и схватился когтями за плечо человека...

Так странно — ястреб на плече.

Если ты идёшь неизвестно откуда и непонятно куда, если под ногами у тебя речной песок, а на плече твоём раненый ястреб, если в голове твоей роятся отражения, а в руке чемодан с иностранной валютой, то ты уже не просто человек. Ты уже немножечко волхв. Ты уже почти что поэт. Ты уже едва ли не посвящённый. Ты уже чуть ли не птичий кардинал...

Песчаный плёс перешагнул через реку, а человек с ястребом на плече взобрался на обрывистый берег, поросший травой. Он подошёл к огромной сосне и, обняв её за шершавую талию, устремился взором своим к вершине. И вдруг он впервые увидел дерево. Он впервые увидел его снизу, от корней. Он увидел ветвистую и сучковатую дорогу к небу.

Странно это — дерево.

Деревья не умеют ходить, но зато они всю свою жизнь растут. Их путешествие происходит по вертикали. Медленное, красивое, возвышенное путешествие по вертикали. Хотя... хотя и по горизонтали. Будучи совсем маленькими, ещё не деревьями, но уже семенами, они улетают по ветру, выбирая своё только им принадлежащее место. И однажды выбрав, они его уже никогда не меняют.

Человек обнимал огромную, помнящую ещё чистые ветры девятнадцатого века, помнящую ещё небо без самолётов, помнящую непуганых птиц сосну. Он стоял, прижимаясь всем телом к этой золотистой вечности, и... плакал. Ему одновременно было невыносимо хорошо и нестерпимо страшно. Ему было страшно, что когда-нибудь это исчезнет. Исчезнут и он, и сосна, и ястреб. Ястреб, бросающий на него непонимающие, слегка обиженные и немного ревнивые взгляды из своих солнечных, с земельными пятнами, глаз.

— Э, да ты, как я вижу, ревнуешь. Подумаешь, Гаити! Надоело... Ну, раз ревнуешь, стало быть, ты у меня всё-таки дама. Хотя... хотя все животные немножко женщины. Точно так же, как и в настоящих женщинах всегда таится маленький зверёк. Не обижайтесь, миссис Ястреб. Глупо ревновать человека к сосне, и ещё глупее ревновать его к вечности. К сосне и вечности я могу лишь тянуться, а с тобою нам ещё жить и выживать. Да и чего вам, собственно, делить? С тобой я улыбаюсь и шучу, а ними только плачу и рокою. Давай-ка лучше отодвинемся от них и будем делать клад. Ты говоришь: зачем? Ну, это очень просто — не век же мне таскаться с чемоданом! Да и потом, мы возродим забытое искусство укупорки кладов. Искать клады дело нехитрое. Сиди да ройся в старых архивах, авось найдёшь зашифрованную карту, ну а по ней вперёд, с лопатой и киркой, за золотом инков или пиратов. Сейчас, моя возвышенная миссис, век кладоискателей, а не кладоукрывателей, но мы, как робинзоны и пираты, просто обязаны спрятать эти деньги, тяготящие душу и руку. Вот ты увидишь, как изменится походка, когда в руке не будет чемодана. Я попрошусь к тебе в ученики, и ты научишь меня правилам полёта.

Теперь смотри: тринадцать метров влево по берегу от вековой сосны; здесь рою яму, на дно кладём песок и мелкие округлые камешки, уже на них бросаем чемодан, опять песок и сверху вновь камешки, потом земля, а в землю мы посадим вот эту маленькую, совсем ещё зелёную берёзку. Готово дело. Осталось лишь на это место помочиться и прочитать любое заклинание, спасающее клад от разных гномов. Какое заклинание? Да любое. Ну, например, вот это:

*Вдали, где сон пошёл на убыль,
Берёза гаснет, и по ней
Всего верней измерить угол
Меж солнцем и душой моей.*

Ты говоришь, причём тут этот угол? Не знаю, миссис. Но вполне возможно, что лишь ему известна тайна клада.

Углы — такое скопище энергий... такая пропасть странных напряжений... такое дикое стечение обстоятельств...

Не знаю, миссис. А теперь пошли! Помчались. Побежали налегке. Сквозь этот лес. Сквозь воздух. Сквозь прозрачность.

7. Ветхая вилла

Обретение дома. Называние реки. Переход через безумие. Запах кабарги. Вода и луна. Хижина и звёзды. Порог жилища. Островок цивилизации. Вереница Богов-Романистов. Поздний ужин. Вечерние занятия.

День прошелестел вдоль речного берега, цепляясь за птичий гомон, за запах воды и леса, за летний ветер, за поиски налимов под корягами и камнями, за странные чумные разговоры, за беспорядочные путанные мысли. День прошелестел, подобно календарному листку с рецептом вечности на пожелтевшем обороте. Прошелестел и... уткнулся в покосившийся домик, покрытый прогнившей соломой. И вместе с ним уткнулся в этот дом уставший путник, укрыватель кладов, немного волхв, немного кардинал. Пред ним река. А за рекою — дом. И путник сел, откинувшись к стволу засохшей ели, и... улыбнулся.

— Чудны дела твои Господи! Вот видишь, ястреб, — пустынный дом на берегу реки...

Оказывается, нужно было соскочить на полной скорости с этого курьерского поезда жизни, чтоб обрести свой дом. Лесную виллу с прохудившейся крышей.

Может быть, теперь и я здесь осяду на этом вот потоке, название которого никто, как видно, не умеет вполне установить? Ну что же, назовём его потоком безумия. И будем слушать его речи туманным утром и прозрачным днём, прохладным вечером и одинокой ночью. Смелее, ястреб! Мы перейдём это безумие вброд, не замочив волос и перьев. Тем паче, мы с тобой вдвоём ведём себя здесь на речных мелях, как рыбаки и дровосеки. Запанибрата здесь мы с рыбой, раком и беззубкой; ещё бы подружиться нам с газелью или кабаргой. Ты представляешь, ястреб! Мы жили бы, как Хайя, сын Якзана.

Ну, что молчишь? Ты, ястреб, обнимался // когда-нибудь с весенней кабаргой? Я тоже никогда. А говорят, что от неё исходит // довольно сильный аромат муската...

Но вот и хижина. Послушай, ястреб, ты понимаешь, что такое хижина? Что такое вода, луна и звёзды над соломенной крышей?.. Хижина и звёзды, ястреб, есть нечто преходящее, а вода и луна — уходящее. Но вода не может уйти совсем, так и луна до конца не исчезнет, впрочем, как и не распухнет до беспредельности. А вот хижина может и опустеть, а может и, наоборот, обрести хозяина...

И пусть я рассуждаю, как глупец, и пусть опасность для меня не существует, но буду жить здесь и зимой и летом, в сезон дождей, в сезон цветения вербы, при первых заморозках и при таянии снегов, при пенье соловьёв и криках козодоя...

Я изучу грамматику лесов, грамматику простой и ясной жизни и стану жить, как уолденский затворник на грани про-свещения и воды...

При переходе через порог нового жилища положено пускать вперёд кота, а если нет такого под рукой, то ястреба... Но если и он не хочет покинуть ваше тёплое плечо, пустите вперёд бабочку сознания — пусть оживит домашние углы и пустоту покинутого дома...

Вот островок чьей-то скитальческой жизни. Островок цивилизации среди дикой природы.

Топчан и травяной матрас. Дубовый стол. Огарок сальной свечки. Охапка дров. Рас-топка. Спички. На спичках этикетка с самолётом и год проставлен. Шестьдесят второй. В тряпице соль. Она уж пожелтела. На полке несколько журналов и газет: о пчеловодстве, об охоте и рыбалке, о путешествиях, о лесе, о цветах. Есть и печурка с жестяной трубой. Два

чугунка. Железный нож и кружка. Крючки и лески. Сломанный топор. Верёвки, лапти, старая корзина... На всём лежит слой пыли, паутина... и солнце, проскочившее сквозь щели, раскинуло оранжевые тени по всем углам.

Мой милый ястреб, как тебе известно, все острова похожи друг на друга, когда так долго странствуешь, и мозг уже не в состоянии удивляться. Вернее, он всё время в удивленье. Он погрузился в фазу восхищения. Свалился в плоскость странностей и чуда. И там обрёл свой истинный покой... Ты знаешь, ястреб, так и надо жить! Не важно где! Не важно с кем и сколько! Не важно для чего и почему!.. Есть нечто главное во всей дремучей жизни, и это главное я называю Миг. И если ты поймёшь, что каждый миг и есть та самая неслыханная новость, и если каждое мгновение есть для тебя густая неожиданность, и каждый шаг — отчаянный скачок в далёкие невиданные страны, то ты поймёшь и обретёшь великий смысл — Большое неземное Беспокойство, в своём величии превосходящее Покой.

Вот, например, ты, видно, полагаешь, что мы с тобой сейчас затопим печь, отварим себе супу в чугунке, а также чаю. Потом, поужинав, возьмёмся за журналы, и, почитав их на ночь, ляжем спать... Так, мол, всегда обычно и бывает. Но ты, как видно, недооценил, что мы в руках Большого романиста. Наверняка он что-нибудь придумал. Сейчас придёт сюда русалка или леший, а в подполе отыщется какой-нибудь бочонок коньяку. Мы сядем пьянствовать и станем толковать про водяных и про лесных поэтов. Читать стихи, сражаться с людоедом, иль по-иному как-то веселиться. А впрочем, кажется, он мистики не любит... Скорее завернёт к нам старый рыболов, с обычной поллитровкой самогонки и снижкой полосатых окуней. Мы выпьем под свежайшую уху, поговорим о клёве, о наживке, о разных хитростях при ужении рыбы...

Но знаешь, ястреб! Ведь вполне возможно, что и над нашим романистом есть ещё более великий сочинитель! Он дунет ветром или сядет мотыльком на свежесочинённую страницу и повернёт перо в другую сторону, и выправит сюжет к заветной норме... А там ещё один сидит — Великий цензор. Над ним ещё, ещё, ещё, ещё... Такая вереница из Богов, похожая на множество матрёшек. А выше всех, ты знаешь, кто? Не догадался? Представь себе — над ними правлю Я! Я концентратор тысячи энергий. И все события своей безумной жизни я вызываю из сердец Богов. Я их герой, но в то же время — Бог. Ведь у меня есть собственные строки. Чужие жизни, правящие мной: поэт, художник, нищий, куртизанка и спаниель по кличке Апельсин, и голуби... А у того поэта — тоже строки, а у художника — картины и холсты...

Но, впрочем... Наше дело — суп! А остальное — случаю и Богу.

Сегодня сварим корни камыша и стебли дягиля. Приправим их крапивой и живучкой, чуть-чуть кислицы, клевера и сныти. Гусиный лук и, разумеется, грибы. Теперь прочтём молитву, для навару, и к трапезе. Ого! Что притащил ты? Мышь! Брависсимо! Но ты не Монморанси, и это тоже не Ирландское рагу! Поэтому поешь там, в уголке, и не ломай мне королевский ужин.

Ну, видишь, Ястреб, всё пока спокойно. Наш романист, наверное, устал от всевозможных странных экивоков. А может, не силён по части жанра. Ведь мы с тобой ушли из детектива в библиотеку детских приключений. И нам с тобой положено учиться — как делать лук и стрелы, как удить рыбу и охотиться на пчёл. Вот, кстати, этим и займёмся! Изучим эти старые журналы, и... Постой, постой, а это что такое!?

8. Влияние Воглеа

Мост от Христа до Будды. Поле абсурда. Рукопись. Встреча с хозяином. Энергия текста. Хор лунных лиц. Япония в ночи. Исповедь сомнамбулы. Испытание высотой. Преступление и наказание. Наступление и предсказание. Город из пустоты. Полярные овчарки и небесные пастбища. Прекрасная незнакомка. Колыбельная птичьей земли. Сон незнакомки. Вмешательство ястреба.

Жизнь опрокинулась. И каждый шаг всё больше выворачивал её наизнанку. И пожалуй, действительно, на огонёк его лампадки могли бы прийти и домовый, и леший. Придут, рассядутся за этот стол, изгрызенный древоточцами и короедами, выставят четверть можжевельной горилки, достанут нехитрую закуску и поинтересуются: Кто есть сей? Откуда взялся? И почто древню нечисть тревожишь?

И ничего здесь не будет для него необычного. Подумаешь, домовые! Эка невидаль. Теперь он готов ко встрече с самим Буддой или Христом. Они бы возлегли под старой раки-той, и он (Эсинский) послужил бы им мостом для понимания...

Жизнь где-то не там (или, наоборот, там) свернула в лабиринте Судьбы и вывела его не на торную тропу с привычным изломом, а в бескрайнее поле абсурда, на котором не действует компас ума.

И всё-таки, несмотря на своё постоянное удивление, он сумел удивиться. Удивиться каким-то новым, ещё не знакомым способом... А казалось, было бы отчего? Всего лишь рукопись. Пожелтевшая старая рукопись, написанная ровным каллиграфическим почерком. Всего лишь несколько листков, затесавшихся в стопку журналов о пчеловодстве. Но поразил его не столько факт находки, сколько содержание. Уже само название влекло. Влекло чем-то неувлимо знакомым, горьким и родным:

Пришедшему

*Приветствую тебя, мой долгожданный гость!
Наконец-то! Наконец-то и ты добрался до этого дома!
Я ждал тебя. Именно тебя, и никого другого!
Да другой бы и не дошёл...
Другой бы просто-напросто не нашёл дороги...
Ты скажешь, прочитав всего пять строк:
«Увы. Увы. Произошла ошибка. Меня занёс сюда проказник-случай».
Но вдумайся, ведь он занёс ТЕБЯ!...
Ведь случай — только дал тебе возможность.
А ты сумел воспользоваться ей!
Не каждому дано увидеть Знаки...
Не каждому дано открыть звезду!
Сто тысяч глаз разглядывали небо.
Сто тысяч глаз скользили по звезде.
И лишь один постиг её рождение...
Вот так и ты... Я рад, что ты пришёл.
Ты здесь случайно, но необходимо!
Возможно, Дом. Возможно, просто ты притянут Домом.
О этот Дом!
Где каждое бревно впитало отголоски моей флейты.
Где бабочки ночные на стекло слетались, как разбуженные мысли.
Где воздух тёрся ветром о солому и шорохом своим тревожил
душу. Где мыши, словно серебристые принцессы, в подарок
принимали корку хлеба.*

*Где чёрный уж с венком на голове сливался с ночью...
Где рыбы выходили из воды послушать небо...
Где ястреба спускаются на плечи...*

*Дом.
Зимой запорошённый чистым снегом, а осенью дубового листвою.
По вечерам таинственный и страшный, а днём
пронзённый золотым дыханием солнца.
Моя обитель.
А теперь — твоя.*

Какая-то сладкая жуть захлестнула Эсинского. На него словно бы обрушился голос звёзд или дымящихся в атомах электронов. Чёрные дыры его сознания кипели и испарялись. Энергия текста захлестнула его своим возвышенным дыханием. Он сидел, тупо уставясь в стол, и улыбался. А со стола, из каждой норки, оставленной древоточками, смотрела на него нежно-лимонная луна. В центре лун распускались прекрасные лица и пели. И этот хор, из точек на столе, пронзил его стремительным потоком. Он погрузился в полифонию звучанья, теряя смысл и очертанья слов... Он видел согбенного просветлённого старца, который писал своё завещание веточкой вербы, макая её в самодельную чернильницу из трав и выводя раскидистые буквы душистыми чернилами из смеси голубики и черники... Неверный свет луны ложился на слова. И чёрный уж свернулся на столе, как символ знаний. И...

Эсинский поднялся и подошёл к двери. Над тёмно-синей ватой леса повисла неправдоподобно большая луна. Покинутым младенцем плакал филин. Над рекой порхали летучие мыши. В душе струилась томительная нега ожидания. Казалось, что-то огромное и светлое пытается проникнуть в его сердце. Ветер реки и ночи ложился на грудь. И шуршала гнилая солома.

С такой луной мне не страшен и волк, заползающий в душу. Да что там волк, не страшен и дракон. Такая же луна была, наверное, в далёкой Японии:

*Домик в уединенье.
Луна... Летучие мыши... И...
Пожелтевшая рукопись на столе...*

Но что же дальше? Что там лежит на следующем листе?

Ужели можно что-нибудь добавить? Оказывается — да! Оказывается — можно! Можно, но только для этого необходима смерть... и ещё одна жизнь. Жизнь, владелец которой имеет совершенно другой почерк. Да и чернила... Чернила, похоже, были химические:

ЖИЗНЬ ПОД ЛУНОЙ (исповедь сомнамбулы)

Перед тобой второй хозяин дома. Как и предвидел мой предшественник, я очутился здесь достаточно случайно, но мало кто сумел бы поднять с земли эти лунные камушки подсказок, что привели меня сюда.

Моя жизнь здесь обрела свою завершённость и смысл. Мне уже было за семьдесят, когда я впервые переступил порог этого благославленного дома. Сколько же мне сейчас? 80? 90? 100? Не знаю. Уже и в то время меня не очень-то интересовал счёт времени, а вскоре я и вообще забыл о нём. Получилось так, что я как будто бы обрёл вечность. Мне казалось, что жизнь человечества сорвалась без оглядки в некое подобие чёрной дыры, и лишь я каким-то чудом сумел уйти за горизонт событий и оказался на краю вселенной. И теперь крушение звезды, по имени человек, застыло для меня. Время его коллапса растянулось до бесконечности. А я, минув вечность, отдался в руки мимолётных мгновений. Отдался радости летящих по осени паутинок и первому снегу на ещё не опавшей листве, и столь любимому мерцанию луны сквозь радужную плёнку облаков, и цветению ольхи над талым снегом...

Я удил рыбу. Писал стихи на песке или на снегу, в зависимости от времени года. Пел свои песни и плясал ритуальные пляски. Мои скитания по внешнему миру ограничились рекой и близким лесом, но зато, зато как удлиннились странствия вовнутрь!

Чтобы достигнуть Бога, сокрытого в твоих глубинах, необходимо отринуть из души мирскую суету: о подвигах, о почести, о славе и даже о любви... Захлопнуть сердце для шума аплодисментов и аромата признания... Движеньё ввысь предполагает тишину. Лишь в тишине мы слышим голос Бога...

О как легко от жизни отказаться во имя высоты! Жить тяжёло, а возноситься вверх — легко и радостно!

Но вскоре я преодолел и это искушение высотой! Я научился жить светло и просто, а медитации и поиски забросил. Я научился снова вспоминать о людях, о днях своих, о книгах, о цвете неба сквозь тюремное окно. Я прочитал журналы «Пчеловодство», построил пасеку, посеял огород...

И вот сегодня, подводя итоги Пути, я снова возвращаюсь к событиям своей молодости, к тем странным дням, когда я впервые узнал о своём сомнамбулизме. Об этой возвышенной тяге к великому сердцу земной ночи...

Я узнал об этом случайно. Вернее однажды. Однажды, погожим солнечным утром, я, тогда ещё просто заматаный неустроенный младший бухгалтер, вышел, ещё до конца не проснувшись, из своей небольшой холостяцкой квартирki, закрыл дверь на положенные два оборота и случайно (ах, этот случай, тормознувший движение глаз!) бросил взгляд на почтовый ящик. И там, где в это время суток обычно гостевала пустота, сегодня что-то было. Сегодня что-то этой гостье помешало. Я размышлял: открыть или не стоит? Ведь если не сломался почтальон, и если он не перепутал время, то, стало быть, какой-нибудь мальчишка засунул мне туда коробочку с говном (такие шутки были характерны). Других разумных вариантов я не видел.

А вдруг там послание от какой-нибудь прекрасной незнакомки, не пожалавшей доверить своё письмо почтальону с потными руками?

Сейчас мне кажутся мои тогдашние сомнения унылым бредом. Перед тобой белеет сквозь дырочки тайна, а в руках твоих ключ от неё. Открой же! Какая разница, во что вляпаться: в любовь или в говно? Предайся жизни, а не срывайся вниз, в иллюзии неведомых посланий!

И я открыл. И вляпался! О как здорово я тогда вляпался!.. В ящике в аккуратном свёртке лежали деньги. Много денег. Целое состояние.

Минут пять челюсть моя пыталась прийти в нормальное состояние, а руки всё отнимали свёрток друг у друга, прятали его в портфель, снова вытаскивали, перекладывали в карман, делили на две части, пытались считать, дрожали и мельтешили. Левый глаз произвольно

дёргался. Горло исходило сухими комками. На спине выступил горячий пот. И только ноги не принимали никакого участия в жизни тела. Отнялись.

Но лишь сквозь свои дурацкие подёргивания мой левый глаз заметил серый китель с узенькой красной полоской, как эти вышедшие из подчинения ноги вдруг понесли меня вверх, перепрыгивая через ступеньки, спотыкаясь, задевая мной обо всё, что было хоть на колено выше пола.

А потом, в отделении, они размякли от трудов праведных и лишь легонько вздрагивали при криках горбатенького старикашки:

— Это он! Это точно он! Фонарь как раз ветром качнуло, и я его хорошо разглядел! Верите ли, с крыши по водосточной трубе спутился и шаст к сейфу! Я напротив живу. У меня бессонница. Я и увидел. Я сразу. Я сразу звонить побежал. А только вы опоздали малость. Он этот сейф, видать, как свои пять пальцев знал. И ведь как ловок-то — мерзавец! Эдак и не каждый гимнаст сможет.

Я был в то время нежаден, труслив и неловок. Поэтому в ночные похождения мне верилось с трудом. Неповоротливое сознание вообще отказывалось понимать происходящее. И даже на суде в последнем слове я говорил о себе в третьем лице, как о постороннем:

— Граждане судьи, если он действительно сделал это, то приговорите его к одиночке, чтобы не мог он мерзкому умению своему обучить заблудшие души тюремных жителей.

Суд, то ли по радушию, то ли по равнодушию, то ли по иной неизвестной корысти, просьбе моей внял и уважил. Так что оказался он, то есть я, на нижней грани каменного кубика — эдакой псевдоигрушке для взрослых дядей.

Здесь-то, в этой светонепроницаемой камере, и слились воедино позитив и негатив моей духовной оболочки. Здесь-то и узнал я о своём лунатизме. Странном, необъяснимом раздвоении. Странной ни на что не похожей ночной жизни. Ночных скитаниях и встречах...

Эсинский почувствовал, как на щеку ему скользнул сквозь щель лунный зайчик. Он вырвался на мгновение из мягких объятий рукописной жизни и вышел в ночь. Светлое пятнышко лампадки ещё кружилось в отраженье глаз, впрочем возможно, это был светлячок, потому что вскоре загорелся ещё один и ещё, и ещё...

Эсинский сидел на покосившемся крылечке, и сознание его погружалось в восточную пустоту...

Из пустоты выстраивался город:

Светлячки превращались в матовые пятна фонарей, разрывающих мутный вечерний туман гигантского мегаполиса. Просека над рекой становилась бульваром, по которому шёл поэт в широкополой шляпе, и полы плаща его развевались.

Какое-то время Эсинский не мог понять, пригрезился ли ему этот поэт, или же, наоборот, он — воплощение грёз поэта? Разумеется, второе было более правдоподобным, ибо поэтам пристало грезить о лесном уединении, в то время как он ещё не успел соскучиться по городским прогулкам. Но вскоре пустые сомнения покинули мечтательную душу. И неизвестный поэт продолжил своё шествие по Чистопрудному бульвару.

У его ног трусил белый заблудший пёс, предполагающий в неспешно бредущем поэте возможного хозяина, а навстречу им не то чтобы шла, но плыла невообразимо прекрасная эсеница в пиратской косынке из чёрного шёлка и в сопровождении шоколадного спаниеля.

Собаки тут же приступили к ритуалу знакомства. И поэт остановился, наконец-то признав себя хозяином белого пса.

— Какой у Вас симпатичный пёсик. Это...

От её голоса на него повеяло иссиня-чёрной розой и осенним затяжным дождём... Поэты и так-то легко теряют остатки разумности, а уж когда представляется такой случай...

— Это очень редкая порода. Полярная овчарка! Но, к сожалению... К сожалению, для Москвы характерно полное отсутствие полярных овец, и нам, за неимением лучшего, приходится пасти облака и туманы. Впрочем, облака очень похожи на овец. Мы сгоняем их в тучные отары, и тогда в их топоте можно услышать громовые раскаты. А когда вожаки устраивают битву из-за какой-нибудь молоденькой овечки, то очень часто высекают мол-

нию из-за соперника. Молния вонзается в сердце земли и будит в чьей-то душе уснувшие чары любви...

— Мне сегодня удивительно везёт. С утра я нашла странный жетончик, на котором было написано «Желаем удачи!», а вечером встретила поэта, пасущего облака.

— Хотите, я сыграю для Вас на своей пастушьей жалейке?..

И он выдохнул из груди давно томившуюся «Колыбельную птичьей земли» Шерринга. А она закружилась в вечернем балете, как будто и вправду подбитая чайка... И листья клёна опали ей на плечи и на пиратский шелковый платок...

— Послушайте! Я уже слышала эту музыку! Я уже слышала её! Я слышала её во сне... Знаете, мне однажды приснился сон. Я была там совершенно некрасивой и даже уродливой. Представляете, я ходила на костылях и читала своему мужу Платона. Кажется, перед этим я попала в аварию, а он не бросил меня. Только стал очень много пить. Он пропивал почти все наши деньги, а жили мы, продавая мои наряды. Ведь хромоножке не пристало одеваться красиво. Ведь разряженные хромоножки выглядят очень жалко, а я не хотела быть жалкой. Я хотела, чтобы он любил меня без ног, любил просто за то, что я есть... Та авария, она... Она покалечила моё тело, но, возможно, излечила душу... Кажется, у Олега была любовница... Вернее, возлюбленная... Она жила в его сердце и полностью поглотила его траченное алкоголем сознание. Она стреляла в голубей из карабина и танцевала с ним странный голубиный вальс необузданной страсти. Она... Она была мной, до того как я стала калекой... Он любил ту, которая осталась в лабиринтах его памяти... И в конце концов... В конце концов он провалился в пепельницу, стоящую у неё на столе, и где-то там в подземном переходе ему играли вот эту музыку... Он ушёл тогда под эту мелодию в рассвет и уже больше никогда не возвращался...

Знаете, после этого сна во мне как будто что-то надломилось. Представляете, я развелась со своим мужем. И купила себе спаниеля. В том сне у нас был спаниель...

— Наки.

— Что? Откуда Вы знаете?! Действительно...

— Видите ли... Не знаю... Наверное, от Вас. Должно быть, Вы его позвали, а я запомнил.

— Вы чем-то напоминаете мне Олега, того Олега, который жил в его сознании, которым он хотел быть... Или стал... А кстати, как Вас зовут?

— Олег...

Острые когти вонзились в ямочку над ключицей, и Эсинский снова увидел себя на крыльце покосившейся хижины, под звёздным небом, с ястребом на левом плече.

9. Влияние Воглеа

Границы неба. Камера для проявления жизни. Пыль библиотеки. Единство мира. Братья по лунному свету. Одиночество Бога. Гимны к ночи.

— Взгляните, ястреб — светлячки и звёзды... Как будто небо снизошло на землю, или Земля пронзила небосклон... А впрочем... Впрочем, где они — границы неба? Пусть наши ноги ходят по земле, но голова уже касается небес... Человек как раз и есть тот мост, от земли до неба...

А знаете, ястреб, мне сейчас пригрезился город, в котором встретились герои моих снов.

Я гулял по бульвару с приبلудшей полярной овчаркой, и встретил свою возлюбленную.

Это так здорово, что она не забывает меня и приходит в мои сны и грёзы. Пришла — такая лёгкая, такая неземная... В пиратской косынке, с метелью в глазах и тихим листопадом в сердце... А ты весьма неделикатно спугнул её. Она и так-то была напугана цепью каких-то странных совпадений, а тут ещё и ты уселся на моё плечо.

А впрочем, события не выбирают, событиям можно подыграть на скрипке, фортепиано или на печатной машинке, но не больше того.

А когда в небе такая луна, то какая разница, в какой точке земли находиться: здесь ли; в осеннем ли городе рядом с возлюбленной; в тюрьме ли наедине со своим прошлым? Ведь всё равно ум заходит за разум, и хочется петь лебединую песню...

А кстати, что же там случилось в этой тюремной камере?

Здесь-то, в этой светонепроницаемой камере, и слились воедино позитив и негатив моей духовной оболочки. Здесь-то и узнал я о своём лунатизме. Странном, необъяснимом раздвоении. Странной не на что не похожей ночной жизни. Ночных скитаниях и встречах...

Здесь, в этой камере, я проявил удивительную киноплёнку своей тайной жизни. В перерывах между баландой, не тратя времени на сон и прогулки, я неотрывно прокручивал фильм о ночных бдениях своего alter ego, всё более и более сливаясь с ним...

Моя вторая жизнь была похожа на захватывающий детектив, происходящий в пространстве духа. Я не был заурядным лунатиком, чьи похождения ограничиваются ночными разговорами и размахиванием руками. У меня было не просто расстройство психеи, но скорее, наоборот, высшее её движение, некий прорыв в область сверхсознания...

Откровения планет и звёзд странным образом переплетались с подкожным смыслом старинных книг, которые я читал, пробираясь в ночные архивы и библиотеки, с искусством взломщика минуя бдительную охрану и обманывая сигнализацию...

Это была одна из тех мистических ночей, когда свет и мрак чередовались со странной быстротой. По небу мчались облака из древней книги, похожие на призрачных великанов. На пустынных улицах царил мёртвая тишина, и лишь высоко в воздухе хозяйничал, словно невидимый дух, свирепый вихрь.

Я, как древний фольклорный ведун, пробрался через печную трубу в отдел рукописей Центральной библиотеки. И, следуя настроению обезумевшей ночи, решил побеседовать со средневековым кардиналом Джовани Фиданца. Но не успел я открыть старинный фолиант, как заметил небольшое облачко пыли, вылетевшее из узорчатого камина, моего тайного хода в это хранилище духа. Отложив манускрипт, я спрятался за тяжёлой портьерой и увидел, как из камина выбрался коренастый человек в холщовой куртке, чем-то напоминающий молодого Достоевского. Он уверенно подошёл к книжным полкам и достал оттуда какие-то трактаты на средневековой латыни.

Чем-то неуловимо знакомым пахло на Эсинского со страниц рукописи. И он вдруг всем существом своим ощутил тончайшие пути эфемерной паутины, пронзающие пространство. «Все судьбы связаны единой пеленой,— подумалось ему,— но лишь немногие наблюдатели способны потянуть за эти нити, распутывая марево событий. Похоже, что и я попался в эти сети, вот только не понятно, кем: пауком или мотыльком? Возможно, и пауком, плетущим кружево мироздания и ловящим в него подходящие мысли и связи... Миллионы мыслей несутся мутным потоком через фильтры моего сознания, оседая на узелках памяти и вкуса, и лишь одна из них попадает в перекрёсток вечности и мгновения... Сопоставить немыслимое, соединить в одно звено бесконечно далёкие связи, ощутить солёный вкус открытия на пересохших губах — вот удел провидцев и поэтов, единственных, кто ещё способен помнить о прежнем... Да что там помнить — способен изменять... Ведь если ты — составная часть единого пространства, то буквально каждая твоя мысль мгновенно изменяет окружающий мир во всех его временах и направлениях, но в то же время и любое движение в любой самой дальней галактике мгновенно изменяет твою жизнь... И если тот преобразователь вселенной, который скрыт в твоей душе, начнёт безо всякой надобности творить новые сущности, а старые увязывать в гордиевы узлы, то вселенная может рухнуть к ногам наблюдателя и творца, и тогда где же жить ему?»

Ну а вселенная, наплевав на вмешательство Эсинского, продолжала своё расширение, и каминная пыль чёрным облачком курилась над пожелтевшей рукописью, и юный Дверкин (чем-то напоминающий молодого Достоевского) перелистывал средневековые тетради.

Я увидел близкое мне существо. Великое одиночество ночной сомнамбулы было нарушено... Но можно ли мне открыться ему? Не вызовет ли моё внезапное появление шок пробуждения (или, наоборот, засыпания?)? Не послужит ли толчком к возвращению в дневную реальность? Я стоял в невыносимой тоске, боясь своим дыханием пошевелить тяжёлую портьеру... Одиночество рухнуло, но общения не состоялось.

Незнакомец взял со стола оставленного мной кардинала. Бросил рассеянный взгляд по комнате и...

— Если вы за портьерой и боитесь оборвать мою лунную жизнь, то ваши тревоги напрасны. Вы неспособны на это.

— Как вы догадались обо мне?— спросил я, выходя из укрытия.

— В прошлую нашу встречу я сам стоял на вашем месте и мучился теми же самыми сомнениями. Впервые за долгие годы моих ночных скитаний я встретил полуночного собрата, но не мог обмолвиться с ним ни единым словом. С тех пор я стал приходить сюда каждую ночь в надежде на новую встречу, и вот...

Мы были очень взволнованы. До этого каждый из нас был первым или, наоборот, последним живым существом в пространстве ночи. Мы были одиноки одиночеством Бога. И вот состоялась нежданная встреча двух сердец, прорезающих тьму. Орбиты комет, бороздящих нетронутый космос, пересеклись...

В ночи он звал себя поэтом Феодором, а его дневная тень была школьным учителем, которого ученики величали Фёдором Михайловичем и за глаза дразнили Достоевским.

Мы шли по предрассветным улицам, шатаясь от радости, как пьяные. Мы упивались нашей встречей и возможностью разговора. Темы наши скакали, обрывались, замолкали на самом взлёте, поворачивали на сто восемьдесят, перетекали и возвращались...

— Сначала я не знал, что есть день, каждое утро я спокойно ложился спать и напроочь забывал о ночных полётах, точно так же забывая по ночам о дневной маете. Иногда я удивлялся существованию книг, мне казалось, что книги — это дар неба или остатки разрушенной цивилизации, потом я понял, что цивилизация не погибла, но попала в пространство сна или впала в какую-то кому. Я был последним. Мир умер или заснул. А мне доверено представлять его. Случайные прохожие или ночные сторожа существовали как бы в иной реальности. Они брели по улицам, как зомби, не способные к мысли, не способные к постижению...

— А попытки контакта вызывали у них шок, убежание, необъяснимый ужас...

— Так трудно было поверить в свой путь...

— Да, да. Я пытался не засыпать, пытался пробраться в утро, но словно пелена спускалась на сознание и дальнейшее накрывало мою жизнь диким кошмаром, в котором я изо дня в день выводил балансы, подсчитывал дебет и кредит, выписывал счета, кланялся начальству и заигрывал со смазливенькой секретаршей.

— А я ставил двойки, выгонял из класса, чертил на доске окружности и учил вычислять площадь круга. Но ты знаешь, однажды мне удалось... Каким-то чудом я проскочил в дневную реальность. Я пришёл в класс и начал говорить о красоте, об условности математики и физики, о поэзии ночи, об иллюзорном покрывале маяя, о пути... Я говорил, не слыша звонков на перемену и на следующий урок, а они слушали, открыв рты, и впитывали живительную влагу познания в свои сердца.

На следующий день я был уволен и отправлен к психиатру.

— Послушай, Феодор, а тебе не приходило в голову, что мы с тобою порожденья ночи, а значит дьявола, бесчинства, темноты, и, может быть, правы те, кто пытается вылечить нас — вырвать из нашей души ростки непонятного бунта?

— Ты меня удивляешь! Ты пытаешься мыслить, как дневное двуногое и к тому же лишённое перьев! Конечно! Конечно, мы с тобою порожденья ночи! Но не тьмы. Только убогое рациональное сознание привыкло делить весь мир на свет и тьму, тишину и звучание, добро и зло, жизнь и смерть... Но ты-то, ты-то должен понимать, что ничего этого нет и в помине. Нет мирового зла! Нет тьмы! Нет тишины и смерти! Но точно так же нету и добра! Нет

чистого нетронутого света! Нету сплошного звучания! Нет вечной жизни! Да ведь и ночь происходит не от того, что кто-то выключил свет! **НОЧЬ!** Ночь — это поэтизация света! Ночь позволяет нам рассмотреть огонь! Она дарит нам звёзды на небе, снег у фонаря, зажжённые окна и праздничные фейерверки. Ночь пробудила в тебе сомнамбулу, потревожила твою душу до самого основания. Ты стал человеком ночи и, быть может, первой звёздочкой, сошедшей на землю.

Помнишь Новалиса?— «Ты тоже благоволишь к нам, сумрачная ночь? Что ты скрываешь под мантией своей, незримо, но властно трогая мне душу? Сладостным снадобьем нас кропят маки, приносимые тобою. Ты напрягаешь онемевшие крылья души».

— «Теперь я пробудился — я принадлежу тебе, значит себя, ночь, ты превратила в жизнь, меня ты превратила в человека — уничтожай пылким объятьем тело моё, чтобы мне, тебя вдыхая, вечно тобою проникаться...»

— Ночь ведь единственное время, отданное человеку на откуп! Ночь — это его личное время. Ты разделался с дневной маетой, и... Свободен! Закружись в невыразимом безумстве, умчись за пределы обычного мира, отдайся волнам зовущего космоса... Но почему-то большинство людей предпочитают проспать свою Свободу, обретая жалкую иллюзорную тень её в сновиденьях. И только мы выходим на заиндевевые крыши. Только мы раскрываемся звёздам. Слушаем темноту и вдыхаем поэзию ночи...

— Но всё-таки нельзя не чтить и солнце. Как ни крути, а оно подарило нам жизнь.

— Жизнь нам подарила Луна, а солнце лишь позволило осуществиться. Я недолюбливаю солнце! Эта слишком яркая метафора не вмещается в рамки моей поэзии. Солнце ослепляет и усыпляет. Оно заслоняет собой остальные звёзды. Для нас, конечно, Солнце самая яркая звезда, но ведь это только вопрос расстояния. По гамбургскому счёту Солнце всего-навсего типичный карлик, а ярче всех на сегодня Ригель, но он-то как раз скромно стоит в тени, понимая, что и его яркость — просто-напросто вопрос времени.

— Ну нельзя же переносить человеческое лицо в звёздные всполохи и пожары.

— А почему? Кто сказал, что звёзды неживые? Кто сказал, что у камней нет сердца? Кто сказал, что деревья не молятся солнцу?.. Видать, ирамы цивилизации ещё остались на твоей душе и ты до сих пор не обрёл изначальную дикость сознания.

— Да я в общем-то... В общем-то, конечно возможно, но... Но я хочу сказать, что солнце всё же позволило осуществиться одному из вариантов сознания и мы с тобой тоже часть жизни проводим в этом самом варианте, так для чего же нам оспаривать его? Для чего бунтовать против целого мира?

— Но ты ведь споришь! Быть может, и не стремясь к этому, но всё-таки споришь. Сейчас-то ты сын Луны, а не Солнца. Под Солнцем ты всего-навсего бухгалтер, покупающий на обед котлетку из дохлого мяса, а на ужин пьющий жидкий чай с ванильной булочкой. А ночью! Ночью ты почти что рыцарь духа! Пионер звёздного пространства! Тебе открыты сокровенные таинства и магические знания. Ты покинул вариант Солнца. И твоё ночное Я не хочет возделывать и переделывать Землю! Ты споришь, и ещё как споришь с этим маслянистым подсолнечным вариантом сознания!

И здесь меня окутала привычная рассветная пелена, и я на целый день позабыл о Феодоре.

Эсинский, должно быть, был гениальным читателем, ибо сердце его билось в унисон с сердцем героя, и если герой погружался в сон, то засыпал и Эсинский. Глаза его неудержимо слипались, но сознание, трепещущее от неясного страха, не хотело отпускать тело в иную реальность. Эсинский затушил оплывшую свечку, свернулся клубочком на пропылённом травяном матрасе, укрылся потрёпанной телогрейкой и... оставаясь в своём любимом состоянии на тонкой грани яви, грёз и сна, он вызвал город...

10. Видение верха

Дождь на озере. Шалаи на острове. Безглагольная песня. Зайчики на ресницах. Неизвестные стихи. Утро. Соломенная собака. Антракт по собственному желанию. Грусть Бога. Квант сознания. Растворение в потоке мечты.

Они сидели в небольшом кафе, у ног их спали мокрые собаки, дымилось кофе, и дымились взгляды, и расстился странный разговор...

— Хочешь, я подарю тебе дождь на серебряном блюде уснувшего озера? Мы будем плыть на деревянной лодке среди шелеста капель, среди распускающихся кругов на тихой воде, среди запаха мокрого неба...

— Я буду гладить озеро рукой, а ты — срывать губами облачные слёзы...

— Вечерний ветер заплутается на сердце, и рыбы будут припадать к руке...

— Мы будем править озером и миром...

— Мы будем странствовать меж строчек и дождей...

— Шалаи построим из еловых веток на островке среди цветов и трав...

— И встретим ночь с пронзительной луною...

— А ранним утром побежим купаться в холодный свежесыпавший туман...

— И лес нас встретит птичьим пробуждением...

— А ты подыграешь ему на камышовой дудочке...

— А ты споёшь ему нежную пейзажную песню, которая замрёт над озером неподвижным облачком.

— Я спою ему песню, которая не будет жечь ничьи сердца, потому что в ней не будет ни одного глагола.

— Я хочу услышать её! Я хочу услышать её прямо сейчас!

— Почему бы и нет? Могу я подарить тебе хотя бы песню!?

И он пошёл к крошечной сцене и, о чём-то переговорив с музыкантами, запел под еле слышимый аккомпанемент саксофона:

Жёлтый песок, голубая вода, синяя птица.

Белый дымок, золотая звезда, ясные лица.

Палевый мох и седая роса, рдяные листья.

Солнечный сок, вековые леса, громовый выстрел.

Солнечный сок, вековые леса, громовый выстрел.

Палевый мох и седая роса, рдяные листья.

Белый дымок, золотая звезда, ясные лица.

Жёлтый песок, голубая вода, синяя птица.

Эсинский проснулся от солнечного зайчика, дрожащего на ресницах. Впрочем, а спал ли он? Облачко пейзажной песни ещё витало в его голове. А язык ещё помнил вкус кофе.

И тут Эсинский стряхнул с сознания остатки дрёмы и вдруг обнаружил, что читает в пространстве ещё не известные ему стихи:

Я проснулся, иль это мне снится?

Может, жизнь, может, просто слова...

Островок, одинокая птица,

Отраженья в воде... дерева...

При слове «птица» появился ястреб. Он шёл, приволакивая крыло и поднимая с пола многолетнюю пыль. Пыль кружилась в солнечных прорезях. Эсинский блаженно улыбался.

— Что, брат ястреб, невесел? Как будто ты не хищник, а теневая птица молоткоглав, прилетевшая сюда с Мадагаскара. Зачем грустить? Смотри, какое утро! И солнце не скрыло облака! Давай отыщем, ястреб, орхидею! И удивимся красоте цветка.

Или лучше вот что! Лучше мы сделаем соломенную собаку! Ибо из мириада сущностей человек мудрости предпочитает создать соломенную собаку. Соломенная собака, дружище, — великое дело! Пусть она не лает, не кусается и дом не охраняет, но зато она способна вобрать в себя энергию дурной тоски и страха смерти... Тем более у нас достаточно соломы. К тому же поблизости нет орхидей.

И Эсинский принялся лепить из соломы собаку. А ястреб сидел на траве и молчал с укоризной.

— Ты полагаешь, что твой спутник сбрендил. Ты полагаешь, нужно торопиться и не собаку делать, а челнок! И плыть вперед к желанному впадению... Дойти до города или хотя бы до села и прочитать в конце концов газеты. Вернуться за деньгами... Зажиреть... Увы, мой друг, мне некуда спешить... Сегодня для меня важна собака... А челн построю — что мне торпиться? Река не может завтра пересохнуть...

Ты говоришь, что пьеса нашей жизни должна нестись стремительно и скоро. Ты говоришь, что зрители зевают, а режиссёр отправился пить водку. Пойми, мой ястреб, — должен быть антракт. Хотя бы на время нужно не играть, а возвращаться к самому себе. Прислушаться к своим глубинным токам. Увидеть суть и красоту вещей...

Возможно, я не подчинился режиссёру и соскочил с курьерского сюжета, чтоб разобраться с миром и собой... А может быть, злобный режиссёр загнал меня в нехоженые дебри и, как отмычкой, мною открывает иные заповедные миры? А впрочем, если так — ему я благодарен... Здесь, ястреб, стал я приближаться к своей издёрганной, израненной душе. Здесь мне открылось видение верха...

Ты знаешь, ястреб, в той далёкой жизни, где так и не успел я отчитаться, мне стало плохо. Я, ястреб, очень близко подошёл к глубинной сути квантового мира. И вот когда я ощутил в себе котёл безудержных клокочущих энергий, которые, увы, мне неподвластны, то загрустил великой грустью Бога...

И лишь сейчас как будто отохожу. Сейчас мне открывается другое. Сейчас я постигаю квант сознания в пространстве безрассудства и любви..., конечно, попадая в поле мысли, свободный квант, вбирает направление и начинает продвигаться по оси извне-вовнутрь или изнутри-вовне с мгновенной скоростью (заметь себе особо). И это-то линейное движение всегда царило над моей душой..., а вот сейчас я квантам-созитронам дал полную свободу выражения и растворился в памяти столетий, в сознании любимых и детей, в стихии ветра и в стихии бреда, в потоке просветления и мечты. И странно вот что: это растворение ничуть не поломало оси мысли, они сквозят как солнечные струи, собой пронзая марево потока...

11. Винительный вираж

Два лучших занятия на свете. Похмелье духа. Преданность ястреба. Голографический образ любви. Лекция о грибах.

Эсинский поставил соломенное чучелко у крыльца и блаженно потянулся.

— Пойдёмте-ка, ястреб, купаться.

Купайтесь каждый день и пишите — это два лучших занятия на свете! Вы не обучены держать в когтях перо? Привыкли согреть пером не душу, но всего лишь тело? Ну это, дорогой мой, поправимо! Пишите песни клёвом на песке! Или своим осенним криком в небе! Пишите, крыльями взбивая облака. Пишите смехом на весенних травах! Вы предок древней птицы Гоготун, сломавшей онемение хаоса, ужели Вы не будете купаться? Фи, ястреб, вы не Аполлон. Прощайте, друг мой, уплываю навсегда...

И он опрокинулся с головой в прохладные утренние воды потока безумия и отдался течению, лишь слегка подгребая руками. Родниковая влага вымывала из его души остатки чёрного похмелья. Густого похмелья от всей его прошлой жизни... Сегодня похмелялось не тело. Сегодня похмелялась душа. И не похмелялась даже, а вспоминала. Вспоминала, как когда-то была водой и небом, и облаками, и утренним ветром...

А ястреб неуклюже прыгал по берегу и кричал. И его

Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,

Возмущено до предела нелепым поступком друга.

И то ли он не вписывается в излом

реки или же просто не выдерживает испуга

от возвращения в отступившее одиночество, но

ястреб уже в воде. О как глупо, мокро и неприятно...

И всё-таки он плывёт, похожий на мокрого соломенного пса, брошенного хозяином...

Богом, другом, отцом или, скорее, сыном... Ястреб обнимает его крылом,

Нежно потирается об ухо клювом,

И ястребиные слезы любви

Стекают на белую в чёрную ласточку грудь.

И ястреб снова чувствует себя счастливым.

— Ну, что ты, что ты, дурачок мой. Ну, что ты, я же просто пошутил. Неужто ты подумал, что я и в самом деле вышел навсегда? Такого, милый ястреб, не бывает! Ведь нет такого места — далеко, и нету расставанья навсегда! Куда ж я от тебя? Я просто шёл купаться. Ты должен доверять мне. И не смей ревновать меня ни к реке, ни к рукописи, ни к соломенному псу, понял?..

Они плыли в светлых водах потока безумия — человек и ястреб. Человек плыл на спине и видел небо. Ястреб плыл на его груди и видел лицо. Лицо и небо скрещивались в их удивлённых взорах и создавали в воздухе голографический образ любви...

— Ну, пойдём. Пойдём. Уже и хватит на сегодня растворяться в этом мире, лучше из миров. Пора что-нибудь и внутри себя растворить. Супчик какой-нибудь. Как ты, ястреб, относишься к супчикам? Отрицательно? Дело понятное. Вы, птицы, говорят, готовы есть и камни. Но почему-то не едите суп?

Давайте, ястреб, собирать грибы. Ты знаешь, что грибы растут от грома? Не знаешь? Знай теперь: всему виновен гром! Но, впрочем, есть предположенье, что это просто божии плевки, какашки или даже вши. А кеты, вишь ли, ястреб, полагали, что все грибы — увядшие пиписки: волнушки, сыроежки и лисички, то обронили по дороге бабы, а подосиновики, белые, маслята и, разумеется, красавцы мухоморы — потери наших братьев-мужиков. Ты говоришь — грибы! Их многие считали древом мира! Из них готовили напиток — мухоморник, и от него тащились, как с гашиша. А опьяняющий напиток древних ариев! Та самая божественная сома! Ты знаешь, ястреб, что это такое? Настойка мухоморов на моче! Она стирает контуры вселенной и открывает новые миры! А белая весёлка! А пейотль! Поистине грибы и есть ключи от мира! Особенно когда охота жрать.

12. Вакханалия вакуума

Стойка на голове. Мир, переломленный песчинкой. Песочная молитва. Легкокрылый вальс. Суть песка. Великий Ноль. Утешение мгновением.

Из домика тянулся аромат грибного супа. Солнце стояло в зените. Эсинский лежал на песке. Ястреб пробовал притвориться голубем и уснуть. Ветер отсутствовал. Жужжали стрекозы и слепни. Упругое лесное лето горячими клубами наполняло грудь. Сознание дымилось и растягивалось тонкой полоской вдоль травы и песка. Эсинский перевернулся на жи-

вот, подтянул колени к подбородку, построил из головы и рук равнобедренный треугольник и встал на голову. Мир перевернулся. Под ногами распласталось небо. Голова ушла в горячий песок по самые брови. Взгляд отражался от поверхности воды и тонул в перспективе, венчающей горизонт... Ястреб подозрительно озирался, ожидая очередного подвоха, расправлял крылья и наполнял воздух гортанным тревожным криком. Наконец, Эсинский вернулся на Землю и лёг в позу Иоанна Крестителя с картины Иеронима Босха. На его ресницах дрожали песчинки, преломляя пространство и ломая цвета. Мир увеличивался. Флюиды Земли застилали глаза... Эсинский сощурился, добавляя радуги в растаявшие краски. И не сказал, а как бы выдохнул почти молитву в разноцветный сверкающий воздух:

*Вот так, войдя в неведомое Где,
Случайно встав на голову и рухнув,
Вдруг обнаружишь тонкую песчинку,
Ломающую Землю на цвета...*

*И ты постигнешь глубину пространства,
И ты проникнешь в истину песка,
И дней твоих неведомая мера
Раскроется космическим цветом.*

*И ты откроешь внутреннюю плоскость
Давно тобой рождённых облаков...*

— Позвольте, ястреб, пригласить Вас танцевать. Мы будем реять в легкокрылом вальсе и, может быть, постигнем суть песка...

И они закружились в причудливом танце. Человек в своём необузданно диком веселье и ястреб в испуге и непониманье. Человек держал ястреба в своих ладонях бережно, как хрупкую бумажную скульптуру. Ястреб дрожал всем телом и хлопал крыльями, пытаясь избежать ненужных потрясений. Человек выглядел пьяным, да и, наверное, он был пьян, возможно, он наелся мухоморов, а может быть, просто захемелел от полноты жизни. Ястреб выглядел значительно трезвее, потому что вряд ли бы он стал есть мухоморы, да и полноты жизни он никогда не терял... Человек замер в горячих лучах полуденного солнца и поцеловал ястреба в клюв. Ястреб потупил свои крылья и, как бы стесняясь нахлынувшей нежности, легонько укусил человека за нижнюю губу. Человек опустил на колени и, словно продолжая танец, лёг на песок.

— Песок, мой ястреб. Это всё — песок! Песок достоин нашего внимания. Я раньше думал суть его — стекло... Но нынче... Приглядишься к нему поближе. Крупицы истины и море пустоты! А пустота, мой друг, прообраз всех вещей! Она — есть вечный памятник движению! Она — есть клей, связующий песок! Великий клей, связующий планеты, галактики и даже электроны! Дающий жизнь и приносящий смерть...

Мы сами, ястреб, скопище пустот. Пустое множество божественного смысла.

Наш путь лежит из ничего в ничто. Из ниоткуда мы уходим в никуда.

И наши Цели — детские пустышки, иллюзии божественных сосков...

И наши достижения — костыли, с которыми мы движемся по кругу, рисуя в мировом пространстве Ноль... Великий Ноль! Начало всех начал! Та худенькая точка, из которой исходит бесконечное решение, где потаённое пристанище энергий ждёт выхода. А выхода всё нет!

Понявшим это — трудно и легко...

Что остаётся нам в бессмысленном движении?..

Мы утешаемся безудержным мгновеньем и дышим им, и любим, и живём...

13. Vis vitalis

Сон на песке. Ночь. Хвост Земли и космические струны. Роса пробуждения. Путь от реки до дома. Дрова и вода. Табак и чай. Рукопись в рукописи. Проповедь жизни. Реальность авторства. Метапозия ветерка. Дополнительные миры. Божественная кинокамера. Копия и оригинал. Основание жизни. Стихотворные соки. Равновесие Пива и Мира. Ущербный Бог. Неспешность.

Эсинский уснул на горячем песке, укрытый робкой тенью прибрежных трав, убаюканный бормотанием реки и шептанием ветра, утомлённый своими блужданиями в пустоте, обласканный солнцем и ястребом, умиротворённый... А когда проснулся, то была уже ночь. Удивительная ночь, вобравшая в себя едва проснувшегося поэта. Густая темнота накрыла мир, и только где-то в чёрной вышине искрился нежно-жёлтый хвост Земли. Он задевал космические струны, и музыка безбрежной тишины пронзала междузвёздное пространство. Роса покрыла плечи и ресницы. Роса промыла сердце и глаза. И чистая прохлада пробуждения пронзила душу...

«Вот так и нужно жить, — в который раз подумал наш герой, — спать на песке, когда устанешь, есть грибной суп, когда проголодаешься, купаться в холодной воде, когда становится жарко и греться у костра, когда замёрзнёшь...»

Рубашка его промокла от белой росы, и было зябко. Эсинский поёжился и, улыбнувшись небу и песку, отправился к дому.

И это был Путь.

Вроде бы ничего и не было, но как раз это-то и было самым главным. Он шёл, жил и радовался, не отдавая себе отчёта. Извечная гипертрофированная рефлексия, присущая всем поэтам, осталась где-то там, за фиолетовым горизонтом наступившего Мига. Ночь открывала вход в какие-то затерянные миры. И каждый шаг покрывал миллионы парсек. И каждый вздох охватывал века... Он проникал не мыслью, но дыханием в просторный космос...

Бескрайний путь озябшего поэта. Путь от реки до дома. Путь от пробуждения до звёздной, веселящей радости. Короткий путь, равный бесконечному Дао...

Эсинский набрал дров для печки и принёс воды в чугунке. Дрова были от старой перекрученной временем ивы, вода была из чистой ночной реки. Дрова упирались острыми сучками в грудь, вода дрожала матовым зеркалом, и на дно чугунка опускались звёзды.

Как удивительно это, как таинственно!

Я подношу дрова, я таскаю воду...

В незамысловатой шкатулке из вишнёвого дерева лежала самодельная трубка и деревянный пересушенный табак.

Эсинский, напившись чаю из корней шиповника и веточек смородины, неспешно набил эту старую трубку и закурил.

В этом доме отсутствует время, — подумал он, — я пью чай из того же самого чугунка, я курю тот же табак из той же самой трубки, я читаю то, о чём когда-то написал её владелец...

На берёзовом чурбаке в клубах ароматного дыма в богом забытой хижине сидит путешествующий поэт. Перед ним лежит пожелтевшая рукопись на плотной бумаге, на которую падает неровный пляшущий свет из открытой печурки. Буквы колышутся в отблесках пламени, и вместе с ними колышется в отблесках чьей-то горячей мысли сознание поэта. Он уже как бы не просто читает, но странствует вместе с героями текста по их засыпаниям и пробуждениям:

Однажды Феодор принёс мне пожелтевшую рукопись. Автором её был прадед Феодора, монах-еретик Феодосий Ветлужский. Этот старец, по словам Феодора, построил себе хижину на одном из глухих волжских притоков и проводил дни свои в размышлениях, рыбной

ловле, собирании грибов и ягод. Перед смертью Феодосий Ветлужский вернулся в город и оставил вот эту самую рукопись — великое завещание для своих потомков. Сверху чьей-то другой рукой было подписано заглавие, удивительно хорошо подходящее для этого завещания — «Проповедь жизни». Эта проповедь имеет, на мой взгляд, великую силу откровения, и потому я привожу её здесь в том виде, в каком она сохранилась в моей памяти. Возможно, при передаче я утрачу некоторые основополагающие строчки Силы, но общий смысл и тон проповеди отпечатались в моём сердце, подобно солнечному зайчику, который я и отпускаю сейчас на бумагу:

Вам, укоренённым в Вере своей, той, что кормила животворными соками многих поколений ваших пращуров, важно ли, из чьих уст обратится к сердцу вашему новое и извечно старое Слово? Вам, из века в век подверженным ядовитому одурманиванию туманами богопроникновенных речений, неужели так важно: кто обратится к вашему сознанию с новой, от Земли идущей проповедью? Повысится ли ценность и убедительность слов моих, если скажу вам: кто я есть и откуда пришёл? Надо ли, подобно Иисусу Христу, провозглашать себя сыном Божьим или же, подобно Кун-цзы, хорониться за своё земное происхождение?..

И, поистине, стоит ли обманывать добродушие всех внимающих мне, ибо и сам я не могу до конца определить ту силу, что привела в движение непрекращающийся пожар в сердце моём? Иногда ведь чудится мне, что будто бы связан незримыми нитями со всеми человеческими мирами, чудесным образом проскользнувшими в светлую точку души моей. И случается так, что едва уловимым промельком отразится в чёрных зрачках моих такая, казалось бы, необъятная и разноликая, История всех народов, когда-либо населяющих Землю. Бывает со мною и так, будто чувствую лёгкую негу приволжских трав, тех, что ласкали ступни Зороастра, или же вдруг, как живое, увижу отраженье ущербной Луны, то, что выловил с глади озёрной величайший из мудрых — Чжун-цзы. Иногда же и тот, несказанный, не имеющий сходства ни с чем, да в общем-то и несуществующий поток инобытия как бы проходит сквозь постижение моё...

Так кто же я? Избранный богом пришелец или же точно такой же, как вы, человек, с тою лишь разницей, что удосужился с большим вниманием выслушать древние тайносокрытые токи, те, что струятся под аэром каждой души? Я не решаюсь и даже самому себе дать ответ на этот, возможно, и вовсе не нужный вопрос.

Эсинский глубоко затянулся, выбираясь из цепкого плена сдвоенной рукописи, подкинул в печку дрова и подумал: «Вот уж, действительно, странная проповедь! Мне неизвестно, кто Я и имею ли право учить вас, но у меня есть сила сказать вам! А это уже ваше дело, как относиться ко мне и что считать за источник моего сокровенного знания!» И вспомнился ему давнишний спор о том, выдумал Карлос Кастанеда своего Дона Хуана или же тот существовал в действительности? «На самом-то деле,— подумалось ему,— выдуманный Дон Хуан не менее реален, чем любой другой. Да и насколько же ничтожен вопрос о его сущности, по сравнению с учением, которое он излагает! Точно так же не имеет никакого значения вопрос о сущности Феодосия Ветлужского. Был ли? Придуман ли? Какая разница? Повысится ли ценность и убедительность слов его, если узнаю: кто он такой и откуда пришёл? Разве есть отличие между придуманной и физической реальностью? Если и есть, то моё внутреннее восприятие уравнивает их метафизический смысл. Какая разница, откуда прольётся на тебя осенний дождик истины: из уст пророка или с языка младенца, из текста священного писания или со страниц бульварной газеты, с амвона церкви или с экрана телевизора? Какое дело мне, откуда вошло в меня знание? Какое дело мне до его ложности или истинности? Важна лишь стройность, красота и тот отклик, который породило оно в душе моей». Эсинский осознал вдруг, что смотрит на потускневшие от времени буквы и пожелтевшие межбуквия и не видит стоящего за ними текста. Плавное течение первых строк утащило его в бурный водоворот собственных мыслей, и он забыл об откровениях Феодосия.

С чего же начать свою повесть о Мире подлуном? С самого главного или, быть может, с того ощущения, что вызвал во мне ветерок, прилетевший с весенних подтаявших пашен и заплутавший в моей поседевшей браде?

Что за вопрос? Я начну и с того и с другого!

Как ни покажется странным, но сей ветерок, веселящий и душу и разум, в сути своей и является наиважнейшим! Ибо в его дуновенье сокрыта метапоззия нашей, никем не разгаданной Жизни...

Тут и заметим, что Жизнь я почитаю намного верховнее Духа. Жизнь! Бытиё, с его бытом и запахом ветра, с болью утрат и печалью ненайденных смыслов, с радостью новых открытий и новых рассветов, с гомоном птиц и с дождём, застигающим в поле. Всё в этой Жизни достойно присутствия Бога, в каждой дождинке сверкает его отражение...

Путь свой земной никогда не направлю к ложным лучам осиянного горного мира. Ибо я знаю и в том бесконечно уверен, наша Земля была создана как дополнение к горному миру. И несуразно считать нашу жизнь подготовкою к смерти. Мы же не скажем, что облако лучше, чем море! И ведь нельзя утверждать: будто воды озёр и ручьёв устремляются к небу. Так же и туча, дождём истекая, отнюдь не стремится на Землю.

Теперь понятно, почему этот старец Феодосий назван монахом-еретиком. Ещё бы, ведь эти странные полустихотворные откровения провозглашают примат Земного бытия над бытиём небесным!!! Эдакое российское возрождение Зороастризма. Хотя, какой тут к чёрту примат? Бытиё земное дополняет бытиё Небесное. Принцип дополнительности, применённый к теологии!!! А из этого естественно следует, что живущие на Земле должны направлять свои помыслы к земным радостям и земным заботам. Наша жизнь ничуть не хуже потустороннего существования, да она и не может быть хуже, она просто другая! «Мы же не скажем, что облако лучше, чем море!» Хорошо излагает старик! Он, пожалуй, больше поэт, чем проповедник. Одни эпитеты чего стоят: «печаль ненайденных смыслов», «туча, истекающая дождём». Это просто праздник какой-то!

Но и, однако, не нужно не помнить о горнем. Мир наш не прост и пронизан божественным светом...

Наши далёкие предки считали живыми и камни. В молнии видели гнев всемогущего Бога Перуна, в ветре — дыхание его, а в дожде — чьи-то горькие слёзы.

Тысячью глаз наблюдало полночное небо — за человечеством...

Мы же над этим смеёмся. Мы, гордецы, объяснили и Небо, и Солнце, и Звёзды. Но объяснили-то только поверхность, а что там за ней — не узнали.

В странствиях мне довелось посмотреть любопытную штуку. Некий искусник запомнил кусок моей жизни на плёнку. После же он показал мне его, хотя он показал — лишь поверхность.

Так же и звёзды. Возможно, они — только подсветка для хитрых небесных машинок, нужных Богам, чтобы жизнь записать и запомнить.

Вот это да! Тут уж, пожалуй, не поэзия, а научная фантастика. Кстати, почему бы и нет? Разве нельзя допустить, что Солнце — это искусственная подсветка, необходимая для того, чтобы записывать нашу жизнь на киноплёнку в божественных или в научных целях? Но на само-то деле, это, конечно, чепуха и главное совсем не в этом. Главное в самой идее наблюдения! Да — два мира взаимодополняемы и взаимонепересекаемы, но они некоторым образом могут наблюдать друг друга. Если представить себе, что вся наша жизнь фиксируется каким-нибудь сопливым кинемехаником или стенографируется каким-нибудь жалким романистом...

Конечно, киноплёнка возьмёт лишь поверхность, но ведь и божественная механика не стоит на месте! Там уж наверняка состряпаны машинки для записи и чувств, и мыслей, и желаний. А если существует такая всевышняя техника, которая способна скопировать меня со всей моей подноготной, то чем же эта копия будет отличаться от оригинала? Разве толь-

ко тем, что копия живёт в строгих рамках записи, а оригинал обладает собственной волей. Однако, точная копия не должна подозревать, что она копия, и тогда...

Тогда где гарантия, что я оригинал, а не всего лишь копия!? Кстати, для моего Я это, по всей видимости, безразлично. Копия и оригинал отличны для внешнего наблюдателя, а изнутри это абсолютно одно и то же. Ведь полная иллюзия свободы воли ничем не отличается от реального свободозиявления. Поэтому полная внутренняя идентичность снимает проблему выявления аутентичности!!!

Другое дело внешний наблюдатель, живущий в абсолютно ином пространственно-временном континууме. Ведь если у него существует возможность копирования и размножения копий, то, разумеется, должна существовать и возможность вмешательства в их жизнь — некий усовершенствованный вариант компьютерного фильма, в котором зритель способен вмешиваться в судьбу героев. И тогда возникает искушение поиграться с различными копиями, помещая их во всевозможные времена и обстоятельства и даже сталкивая их друг с другом. Вполне реальная идея множественности миров.

Ого, блин! Здорово меня понесло! Послушал бы эти разглагольствования старик Феодосий.

Верую твёрдо, всё это во власти Господней. Он наблюдает за нами и даже.., думаю, может участвовать в жизни. Ставить препоны, ломать перед нами преграды, чем-то помочь, помещать или просто добавить простору... Только одно остаётся ему неподвластным — наша душа, наши мысли и наши желания.

Да он и в самом деле, как будто услышал меня! Это же почти точь-в-точь пересказанные принципы компьютерной игры, спроецированной в божественную плоскость!

Дух мой свободен, и в этом я равен с Богами!

Невмешательство во внутренний мир! Как же я сам-то об этом не подумал! Ведь этот принцип наносит существенный удар по идее точного дублирования человеческой жизни. Если уж электрон в совершенно идентичных условиях может пройти по различным траекториям, то что говорить о человеке, обладающем свободой воли и практически каждое мгновение делающем сознательный выбор пути? Шансы, что он при одних и тех же обстоятельствах повторит свою жизнь, видимо, близки к нулю. Но, однако, можно снять копии с человека в каждый дискретный момент времени на протяжении всей его жизни, и интегральная сумма этих копий даст полный фильм о пройденном единожды пути. Но остаётся открытым вопрос, а возможно ли, в принципе, соединение в единую цепь всех этих разрозненных кадров? Или же Феодосий прав, и на плёнку может быть снято только поверхностное течение жизни? Скорее всего такая стыковка невозможна. Наверняка этому соединению перпятствует какой-нибудь принцип нестыковки внутреннего и внешнего времени. То есть, снятая жизнь, по сути своей, должна образовать некий «веер», в котором из каждого кадра начинается собственное движение. Мгновение повторимо, но неповторима связь мгновений!

Дух мой свободен, и в этом я равен с богами!

Интересно, а что бы я сделал, если бы Бог допустил меня к управлению своим «Божественным компьютером»? Поигрался бы, наверное, по полной! Посмотрел бы на себя со стороны, забросил бы себя в какие-нибудь экстраординарные обстоятельства. Но... стоп, стоп, я же не смогу увидеть СЕБЯ со стороны! Копия — это уже не Я, это уже совершенно иной человек. Копия свободной личности возможна лишь на дискретный момент времени. А уж если говорить о заброске СЕБЯ в некоторые отнюдь не тепличные условия, то флаг вам в руки — вот она, заброска. Неужто я здесь и сейчас читаю эту самую рукопись по воле какого-то компьютерного романиста? Впрочем, рукопись-то он, пожалуй бы, и смог мне подкинуть, но мысли... Мысли, которые она породила...

Дух мой свободен, и в этом я равен с Богами!

Н-да! Силён, силён старик Феодосий!

Дух мой свободен, и в этом я равен с Богами! Было б иначе, исчезли бы споры религий. Бог бы вынудил всем единое горнее знание. Кончились б войны, исчезла бы разница в Вере. Мир бы постиг свою цель и узнал бы своё назначение. И опустилось бы царство Небесное к людям. Жизнь же земная по сути своей бы исчезла...

То есть неприкосновенность внутреннего Я и определяет возможность нашего Земного существования. В противном случае оно потеряло бы всякий смысл.

Мы же живём в этом дивном божественном мире жизнью земною, со всею её красотой. Вкупе с безумием, с мудростью и с вдохновеньем, с чёрною злобой и с чистой небесной Любовью, с Верой, неверием, мыслью и вместе с сомнением. Всё здесь пронизано чисто мирскими страстями. В них мы должны клочкотать и искать, и пениться! В них нужно видеть свои стихотворные соки...

Да он, чёрт возьми, недурной поэт, этот Феодосий. «Стихотворные соки», блин! Хороший образ — эдакое объединение животворных соков и стихотворных строк. Для него, похоже, как и для Жуковского, — жизнь и поэзия одно.

Эсинский прикурил погасшую трубку и задумался. Читать дальше не хотелось. Слишком много всего. Надо сначала хоть как-то переварить свалившееся, чтобы не забить его дальнейшим потоком этого странного откровения. Ему вспомнился день накануне начавшихся приключений. Они сидели с Михеичем на травке на Ленгорах и пили пиво. И Михеич нёс какую-то пургу о том, что растрачивая себя направо и налево, приобретаешь весь Мир плюс ещё немножко, а сохраняя себя, якобы всё теряешь. А Эсинский ответил, вроде того, что на хрена ему нужен весь мир, ему, мол, ещё пару пива — и достаточно. А Михеич уверял, что, покупая пиво, получаешь на сдачу весь Мир, если пия его, думаешь о Небе или, допустим, стихи слагаешь...

Бог ты мой! Неужели же это было всего-навсего пять дней назад?! Или даже четыре?! А кажется, что он прожил ещё одну жизнь... Забавно... А вот если, действительно, он порождение какого-нибудь своего персонального Бога, сколько же он-то потратил на создание этих четырёх дней? Неделю, месяц, год? И если он вдруг прекратит своё творение, что же тогда произойдёт со мной? Могу же я ему надоесть в конце-то концов! Что уж во мне такого особенного? Сплю на песочке, рукописи читаю, с ястребами валандаюсь. Нет бы плот построил да скорее бы в города вернулся. Учудил бы там что-нибудь эдакое...

Надо иметь поистине божественное терпение, чтобы сносить моё существование. А может, он ущербный — мой Бог-то?

Может ему нравится моя неспешность?

14. Вещие вещи

Белая тишина. Гроза в ночи. Молитва молнии. Летаящая смерть. Тайна навсегда. Тумановые контуры рассвета. Вещий сон. Синяя плоскость. Встреча с Богом. Дополнительность образа и подобия.

В душе его наступила вдруг белая тишина. Возможно, это был сон его персонального Бога, а может быть, перенасыщенность прозрений вызвала это вселенское молчание... Облака белого безмолвия окутали горячее сознание, и мир на какое-то мгновение перестал существовать... Но вскоре лёгкий ветер мысли прошелестел во внутреннем пространстве. И вот уже в глухой периферии его микрокосма поднялся бриз заоблачных стихов... Они подняли дуновение духа, движение заблудшей красоты и... потерялись в дальней перспективе. И лишь высокий образ тишины остался в сердце.

И в это время ударил, прокатился, загрохотал где-то в глубине чёрной ночи июльский гром. Небо раскололось на тысячи тысяч прозрачных прохладных комочков и обрушилось наземь беспокойным дождём. Мир метался в рваных отсветах белых молний. Обветшала соломенная кровля протекала десятками тонких струй, которые разбивались об пол, устра-

ивая маленькие домашние фонтаны. И в единственном более менее сухом углу тревожно вскрикивал ястреб.

Человек подбросил в печку последнюю охапку заготовленных на ночь дров и подставил лицо под витую струйку протёкшего неба. Он раскинул руки, как бы принимая в себя эту лесную грозу, как бы сливаясь с громозвучной песней разгулявшейся бури, и закричал, опьянённый небесным вином: «Э-гэ-гэ-гээй!!!...»

И то ли на этот призывный клич, то ли просто по стечению стекающих обстоятельств ворвалась в дом, как белая голубка, одна из молний..., она металась, скрученная в капле, в горячей капле, что вобрала в себя единство воздуха, пожара и воды...

И сразу дом пронзила напряжённость, как будто где-то отключили звук, как будто смерть зависла перед носом, и хочется окинуть одним махом всю свою жизнь, а ты никак не можешь от огненного шара оторваться.

И в этот самый миг на странный огнедышащий клубок рванулся ястреб... Но за шаг до смерти наперерез ему рванулся человек. Должно быть, крылья, руки и тела столкнули с некой мёртвой точки воздух, должно быть, этот воздух отодвинул в сторону летающую огненную смерть. И она, смущённая, прижалась к печи, щека огня к огню, пылание к пыланию, и... взорвалась!

Отброшенные в угол, упали вместе человек и ястреб. Огонь взметнулся, опрокинул крышу и разлетелся на десятки капель неспешно догорающих углей. Они шипели под потоками дождя и постепенно превращались в пепел.

И сердце ястреба дрожало под рукой в своём неясном птичьем беспокойстве. А человеческое сердце упиралось в его крыло и остывало с догорающим пожаром:

— Вот так-то так мой бестолковый друг. Бывают в жизни разные причуды. Мы выжили с тобой, и это хорошо. Но ты... Но ты-то для чего полез на этот шар? Что, перепутал молнию с голубкой? Решил сожрать её, подобно богу Индре? Эх ты, пернатый легкокрылый дурачок, а если бы сгорел?.. Однако, чёрти что! Гроза в ночи! Откуда, что, зачем? Ужели просто атмосферный фронт? Физически понятный спад давлений? Ужели просто облака и тучи?..

Ястреб положил свою голову в уютную впадину между животом и бедром человека, успокоенно прикрыл глаза и задремал. Человек погладил его по спине и надолго замолчал. Что-то таинственное творилось в его душе, что-то такое — недоступное пониманию богов и птиц. И это было то тайное, что не может да и не должно стать явным. Тайна от нуля до бесконечности. Тайна навсегда...

Уже давно окончилась гроза и стихли ветры. И красота врывалась вместо пепла. И гром ночной сменялся тишиной. Лишь капли замолчавшего дождя срывались с обновившихся деревьев. Да ещё птицы пели сумасшедше. И пахло свежесочинённым утром. И поднимался еле видимый туман. И первые рассветные лучи едва проснувшегося солнца пронзали воздух...

— Что за смех! Что за радость, если мир постоянно горит! Вы, покрытые мутью и тьмой, почему ж вы не ищите света?! Почему в ваших глазах не отражаются молнии? Почему на протянутую ладонь к вам не падает с неба метеорит? Почему к вам в окно не заглядывает заблудившаяся комета?

Кто ответит мне, что же произошло???

.....

Возможно, просто атмосферный фронт, возможно, гнев Перуна или Зевса, а может быть, всему виновник я. Вернее, тишина, нахлынувшая в душу. Вполне возможно, эта тишина на моего творца нагнала скуку, и он, желая малость поразвлечься, подвинул траекторию небес...

На этой мысли Эсинский заснул. А может быть, переключил своё сознание в какой-то мне не ведомый режим.

Ему приснилась голубая бесконечная плоскость (возможно, небо, а может быть, бескрайний экран компьютера). На этой плоскости появилась надпись:

«ВНИМАНИЕ! ВЕЩЕЙ СОН!»

Надпись сжалась до золотистой точки (не солнца), и над ней проступило рукописное слово:

«ТУДА»

От слова до точки протянулась золотая стрелка. Он приближался к этой точке и как бы сам становился частью её.

Потом он увидел лицо. Усталое, но горящее каким-то внутренним светом счастливое лицо. Лицо обладало окладистой бородой и болотно-зелёными глазами. Глаза смотрели на него и как бы видели его, но не замечали. Они видели его скорее изнутри, чем снаружи. Они предполагали его, но наверняка не знали о нём. Они пред-понимали его, но не догадывались о его намерениях. Они лучились божественным огнём и выдавали Бога...

Он увидел руки, которые порхали над клавиатурой компьютера. Они то замирали, как бы задумываясь, то очень-очень быстро набирали какие-то знаки и буквы, то поднимались к бороде и теребили её, а иногда (ну надо же!) ковырялись в носу.

«Не Бог! — подумал Эсинский. — Какой же он к чёрту Бог, если в носу ковыряется! Богу как-то не пристало в носу ковыряться. Хотя... по образу и подобию... Хм, неужели же всё человечество, хотя бы изредка, но всё же ковыряется в носу? Неужели же нет такого, который бы ни разу в жизни не ковырялся? Неужели же и Боги?»

«Но если предо мной творец, то где же творенье? Я? Точка? Слова? Пожалуй, слова. Пожалуй, он пишет слова. Слова, способные вдохнуть жизнь. Интересно, интересно! Никогда ещё я не был частью слова. И даже не слова — точки... Эдакая циклическая включённость, я являюсь частью фразы, но и сам состою из фраз, подобных этой... И всё-таки забавно было бы прочесть эту самую фразу, находясь в её поэтическом чреве. Так, так, попробуем. Вот это, видимо, «З», это — «а», это — «б», это — «р». Получается — «забр». Красивое слово. Ну-ну. Это, очевидно, «о», это — «с», это — «и». То есть — «оси». Теперь вообще абракадабра какая-то — «тьстрочк», «уи», «лидве»... Ах, вон оно как! Понятно! Совсем другое дело. У этого Бога просто-напросто нелады с пробелами. Теперь вот всё очень даже понятно:

***Забросить строчку или две
В компьютерный экран.
Там, где за авторским тире
Живёт одна из стран,
Живёт одна из многих стран
В коротеньком тире...
Вся жизнь её проходит там -
В экранной синеве.***

Да он недурной поэт — этот Бог! Хотя и в носу ковыряется, а стихи-то весьма приличные... Грустит. Тоже мне — Бог. Интересно, это всё-таки он ТАК про меня написал, или же это я ТАК его перевёл? Или это коллективное творчество?.. Смотри-ка ты — закурил! Во дела! Ну, Бог, слагающий стихи, — это ладно. Бог, ковыряющийся в носу, конечно, смешно, но терпимо, НО Бог, курящий сигарету, — это, извините, нонсенс какой-то. Это уже какая-то карикатура на Человека получается. То есть, если он ковыряется в носу и курит сигареты, то в чём же наше отличие? Ужели же только в масштабе? Возможно, ещё во времени, в том смысле, что я есть Его порождение. Хотя он точно настолько же порождён мной, как и я им. Да и масштаб. Что такое масштаб, если речь идёт о пространствах сознания? Там такие понятия не имеют смысла, ибо он есть часть меня, но и я тоже только часть его.

Стало быть, действительно, — по образу и подобию.

15. Великий валун

Похвала глупости. Воздаяние замыслом. Утренние стихи. Дополнительность Тела и Духа. Жизнь как постоянная Планка. Дополнительность человека и общества. Великая Глыба.

Крыша над ним была разворочена. И сквозь неё он увидел бесконечную голубую плоскость — возможно, всего лишь компьютерный экран господа Бога, где облака и ласточки не что иное, как картинка-заставка, необходимая для отдыха дисплея.

— Было бы глупо верить вещим снам,— подумал Эсинский,— ласточки это ласточки, а облака есть облака. Глупо полагать, что сны насылают Боги. Глупо думать, что у тебя есть свой персональный Бог. Глупо лежать в углу обгоревшей хижины, с уснувшим ястребом на коленях. Глупо. Но если бы он был умным, то стал бы министром или, на худой конец, директором завода. Был бы он умным, сидел бы сейчас в костюмчике и галстучке на каком-нибудь идиотском совещании и вздыхал бы о прозрачных водах лесной реки, не доступных по состоянию дел в отстающей отрасли. Был бы он умным..., хорошо всё-таки, что он не так-то чтобы умён, но скорее мудр. Хорошо, что он просто-напросто глуп с точки зрения умного человека. Хорошо, что непонимание и мудрость родные сёстры. Хорошо сидеть в обгоревшей хижине со спящим ястребом на коленях! Хорошо видеть ласточек в настоящем лазоревом небе. И даже если они просто выдуманы, то можно ведь радоваться и удачному замыслу. Всё-таки в воздухе реют ласточки, а не, например, драконы... Впрочем, каждому воздаётся тот замысел, который он заслужил. И если ты, допустим, завоевал сердца божественного мира, то ты сможешь пережить своего собственного Бога в чьих-то чужих продолжениях. Как это сделали, например, Скарлетт О'Хара, Буратино, Наташа Ростова, Шерлок Холмс и многие другие. И секрет бессмертия Кошечки вовсе не в игле, а в привлекательности образа. Дурь, конечно... Но только что же в нашем прекрасном мире не Дурь?

При слове «дурь» ястреб встрепетул и открыл свои бездонные глаза, окатив Эсинского теплом правого и томной прохладой левого. Эсинский потянулся и сладко зевнул. Утро дрожало в капельках ночного дождя и звенело всеми нотами тишины. Высоко в небе летел одинокий гусь. Вставало солнце.

— С добрым утром, мой обгоревший лётчик! Как спалось Вам, сэр, после баталий с ночными демонами и луноликими молниями? Не хотите ли принять ванну, выпить чашечку кофе, переодеться? Быть может, желаете усладить свою душу возвышенной беседой и стихами? Извольте:

*Плотен туман, глух комариный звон,
Гладок песок, шеренги деревьев длинные.
Холоден берег, рыба клюёт на луну.
Гусь на рассвете криком тревожит руины...*

Ах, ястреб, ястреб. Ну как же жить нам дальше в этом мире, лучшем из миров? Что делать нам с ночной катастрофой? Как воспринять руинность бытия? В какую сторону пустить стрелу сознания? И, кстати, что там пишет дальше Феодосий?

Эсинский стряхнул чёрный пепел со старой рукописи и, присев на край обгоревшего бревна, углубился в чтение.

Мы же и сами являемся мира частицей. Ведь неспроста нам даровано плотское тело... Тело и Дух — вот единая суть человека. Тело и Дух, где одно дополняет другое.

Если бы их попытался постичь, например, коренной небожитель. Он бы, я думаю, просто бы что-то не понял. Мог бы постичнуть он Дух, но ничто бы не понял о теле. Мог бы и тело постичь, если б только его обездушил...

Изящный поворот сюжета! Ведь это же всё тот же Принцип дополнительности, введённый для иных объектов. Соотношение неопределённостей для души и Тела!

Всё — так. Чем больше мы понимаем тело, тем меньше понимаем дух, и то же самое наоборот.

Тело — это координата системы, а душа — это её импульс. И они не могут одновременно принимать определённые значения.

Что же сыграет для них роль постоянной Планка? Видимо — Жизнь. Если переменить отклонения души и тела от определённых (идеальных) значений, то это произведение всегда будет меньше Жизни. Конечно, всё это притянуто за уши, но что-то тут есть. Ведь неспроста же мы часто совершаем довольно вредные манипуляции со своим телом (вредные, разумеется, с точки зрения тела, а не духа), например, куруем табак, пьём водку, принимаем наркотики, а иногда даже идём на физическую смерть... Но, с другой стороны, и тело зачастую делает весьма неэстетичные, уродливые (с точки зрения духа, конечно) вещи, например: опорожняется, соплывается, потеет и т.п.

Впрочем, и мы невольны их понять в нерушимом единстве. Ведь отдаваясь течению разума тела, мы отключаем на время веления Духа. Духу же следуя, гасим желания тела.

В горнем тумане колеблется их единенье...

Соотношение неопределённостей не зависит от наблюдателя, но есть свойство, присущее самой природе объекта! Это он сказал или я так услышал?

В горнем тумане колеблется их единенье...

Вот уж, поистине, старина Феодосий на метаобъектах предвосхитил открытия Гейзенберга и Бора.

В горнем тумане колеблется их единенье... Их единенье и есть наша светлая жизнь. Жизнь, с её бурями, взрывами странных решений, противоборством высоких и низких стихий... Ей. Ей одной отдавать нужно силы. В ней усмотреть свой великий божественный смысл.

Смысл жизни и состоит в самой жизни. Вроде бы и не ново, но здесь этому смыслу придаётся некое божественное, самоценное значение. Жизнь не есть подготовка к потустороннему бытию, как это полагают христиане, иудеи и мусульмане. Это и не испытание, сквозь которое необходимо пройти, дабы подняться на более высокую ступень бытия (перескочить на следующий компьютерный уровень). Жизнь — это дар, который нужно воспринять с благодарностью, радостью и любовью.

И здесь, сидя на обгорелом бревне, в лесу, омытом грозовой капелью, забыв о завтраке и о самом себе, читая и воспринимая, вдыхая и хмелея от нечаянной радости, вдруг поражаешься дальним словом, быщим прямо в захворавшее сердце, и оно начинает дрожать в предвкушении утренней песни...

Жизнь неспроста. В ней таятся подводные камни. Много извивов уведут её в тупики.

И для того, чтобы жизнь прозвучала поэмой, нужно сопрячь во единстве десятки различных частей.

Ты не один в этом мире, и, значит, нужно вливаться в огромный людской организм.

Но, увлекаемый им, в нём растаять не должен. Так как, пойми, он не больше, чем ты, ибо он тебе равен.

Он довершает тебя, как земля довершающая небом, или как Дух довершает животное плотское тело.

Так-так. Теперь принцип дополнительности применяется к паре: человек и общество. Весьма и даже весьма неглупо! Ведь и в самом деле, человек без общества как бы и не человек, но и с другой стороны, растворяясь в обществе, он также перестаёт быть человеком и становится некой статистической единицей с анкетными данными: пол — муж., национальность — русск., вероисповедание — языч., год рождения — 1963, последнее место работы — Институт проблем..., и даже мирно сосуществуя с обществом, человек может потерять свою индивидуальность, а вместе с ней и человеческий облик. Стало быть, и этой парой управляет соотношение неопределённостей, и она проплывает сквозь бытие в довольно

туманном волнообразном единстве, а постоянная Планка в этом случае всё та же Жизнь. Похоже на то, что Жизнь, и в самом деле, есть некое универсальное мерило для всех метафизических объектов.

Вот тебе и чтение на грозových руинах! Это обгорелое бревно, мало-помалу приобретает для меня статус Великой Глыбы, творящей всё сущее.

16. Vanitas vanitatum

Приключения Феодора. Зимняя любовь и снежное счастье. Дочь лунного безумия. Пять лет тюрьмы и тридцать праздности. Место мирового покоя.

На этом и закончилось моё первое знакомство с Проповедью Феодосия Ветлужского. Дневные события густым потоком вломились в мои тихие бдения под звёздным небом. Дело в том, что я, предполагая постоянство бытия, не торопился с прочтением, но иногда прочитывал за всю ночь одну-две фразы. И этого было вполне достаточно. Но вот в одну из тех благословенных ночей мой собрат Феодор не пришёл. Не пришёл он и на следующую ночь, и на позаследующую. И не было его ни много ни мало, а ещё 366 ночей. Встретились мы с ним на 367-ю ночь и совершенно случайно. Феодор не узнал меня, ибо его сомнамбулический дар был утрачен. Но душа его, должно быть, помнила меня на каком-то своём глубинном уровне и инстинктивно стремилась ко мне. По путаным и дёрганым рассказам Феодора я постепенно понял, что же случилось с ним. Будучи в дневной жизни человеком вполне поэтическим и вдохновенным, Феодор иногда пускался на дурные подвиги и беспричинные авантюры. Вот и в тот злополучный (и отчасти счастливый) день он позволил себе выпить не то что бы лишнее, но вдвойне и даже втрое лишнее. Не помня досконально, как и зачем, Феодор оказался в поезде, идущем в неизвестном ему направлении. Там Феодор познакомился и, более того, полюбил прекрасную женщину, способную, подобно ему, на полёт и на безрассудство. Они вышли на каком-то полустанке и соединились в великом влечении на стогу сена посреди заснеженных полей. Счастливые и утомлённые, они уснули в самом сердце зимней январской ночи. Но когда Феодор проснулся, то был он в вагоне поезда, прибывающего в Москву. По-видимому, лунный демон сыграл над ним злую шутку и увёл его, бессознательного, от случайно пришедшего счастья. С тех пор Феодора, как кажется мне, и оставил сомнамбулический дар. И беспрестанно с тех пор разыскивал он свою зимнюю любовь и своё заснеженное счастье. И поиски его увенчались наконец, если и не успехом, то всё-таки результатом. Возлюбленная Феодора скончалась, но осталось после неё маленькое трёхмесячное дитя — слабенькая худенькая малышка, которая была, ко всему прочему, опасно больна, и спасти её от неминуемой смерти могла лишь дорогостоящая операция за границей. Вот тогда-то и взялся я достать деньги на лечение малышки. Вот тогда-то и вскрыл я свой бухгалтерский сейф. И, по счастью, необходимую часть денег мне удалось-таки передать Феодору. И дитя любви его была впоследствии спасена. Меня же, как уже вам должно быть известно, препроводили в тюрьму, где и произошло блаженное соединение моих противоположных ипостасей.

Пять лет моих камерных странствий подарили мне много открытий, и всё больше и больше крепло во мне желание последовать по пути, указанному мне старцем Феодосием Ветлужским. Выйдя на волю, я практически отказался от земных сует и мирно проводил свои дни в духовной праздности и веселии сердца.

Каждое лето отправлялся я на поиски хижины старца Феодосия, исследуя волжские и окские притоки, ибо мечталось мне прикоснуться руками к следам жития Феодосия и, возможно, найти продолжение его вдохновенных записок.

И вот через тридцать лет безуданных блужданий я наконец-то нашёл её. И здесь, в этом месте мирового покоя, окончилась для меня суета сует и всяческая суета. И здесь окончательно понял я, что самое лучшее — это есть, пить и находить радость в работе, которой человек занят под солнцем. Здесь избавил меня Господь от всякого неведения и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия.

17. Vive vaieque

Устрицы. Цикорий. Основа поэзии. Ипостаси человека. Королевство кривых зеркал. По ту сторону добра и зла. Ход и Покой. Демон и Бог. Жизнь и Смерть. Жизнь!

Эсинский поднялся с бревна и отложил рукопись.

— Однако не мешало бы и нам предаться этим невинным радостям, как вы считаете, мистер Я?

Он спустился к реке и набрал полные пригорошни речных ракушек-беззубок. Вывалив своё богатство в какую-то лоханку, Эсинский развёл огонь в полуразрушенной печке и поставил греться чугунок с водой, потом выдернул из земли несколько корешков росшего неподалёку цикория, тщательно прополоскал его, размельчил и положил сушиться на печку.

— Как вы относитесь, ястреб, к устрицам в земляничном соусе со щавелем? С непониманием, удивлением и восторгом? Э-э, батенька, вот так же и живописец Коровин восхищался в своё время художником Врубелем, но есть сии акриды отказался. Конечно, нежнейшему Константину Алексеевичу не хватало хищной утончённости и аристократизма, но вы-то, вы, мой возвышенный друг! Стыдно, батенька, и даже некрасиво. Заметьте, ястреб, что вкушать устрицы, устроаясь на какой-нибудь итальянской террасе, запивая их белым вином с собственных виноградников, курить вирджинские сигары и хлопать по заднице хорошеньких женщин — без сомнения, донельзя изящно! Но разве сравнится это тусклое времяпровождение с завтраком на развалинах лесной хижины, состоящим из русского муля, лугового кофе и табака-самосада? Поэзия жизни держится на контрастах, мой друг.

Простая пища рыбарей и дровосеков мне более по вкусу, чем всевозможнейшие бланманже и тарталетки!

— Ну вот, откушав, полежим на травке, покурим, побеседуем с друзьями и почитаем местные газеты. Вот послушайте, ястреб, поверьте мне, это достойно самого пристального внимания:

В хижине я вскоре, в действительности, обнаружил черновой вариант продолжения записок Феодосия. Коши, соединив по своему разумению, и занову на эти страницы:

*Стало быть, ты — есть единство во трёх ипостасях.
К каждой из них относиться ты должен с равным почтеньем.
Но не стремись подогнать себя к мерному шагу различных народов.
И не пытайся отдать свой Я в угоду иль в жертву на всеобщее благо.
Этим — погубишь его.*

Ой-ля-ля! То есть, человек, подобно Богу, един в трёх лицах: Душа, Тело и Социальная аура. Но он не должен возвеличивать ни одну из граней своего бытия, под страхом разрушения единой гармонии. Изрядно сказано!

*Далее вот что:
Пускай знать мы не можем всех чаяний горного Мира,
Пусть и живёт он от нас обособленной жизнью,
Но всё же
Не избежать нам совсем тех занебесных влияний;
Тех отражений, что мы
В зеркале видим зрачков.*

Красиво! Отражение «занебесной» жизни в зеркале наших зрачков. Красиво! Вот только зеркала-то наши кривые. Так и живём мы — в королевстве кривых зеркал.

*В правом зрачке отражаются области блага,
В левом сверкают далёкие волости зла.
Это, конечно, условности.
Нет ведь ни «права» ни «лева»
Нет, ни «добра» и тем более нету и «зла».
К этим словам прибежал человек, и они устоялись,
К ним прибегаю и я, но за ними я вижу не то.*

Зеркала меняют направление. И тогда стоит ли придавать ему хоть какое-то значение? Не лучше ли быть по ту сторону «левых» и «правых», по ту сторону «добра» и «зла»? Интересно, читал ли старик Феодосий Фридриха Ницше?

*Могут ли разве желать обитатели высшего мира
Некого блага для нас и тем более некого зла?
Разве они в состоянии разнствовать ласку с ударом?
Да и когда бы и так,
Что им за дело до той
Боли, что будет во мне?..
Если нарочно ли, нет ли, чем-то они и помогут,
То ожидавшей всего с целью какой-то иной.*

Конечно, если миры выстраиваются в некую, пускай достаточно условную, иерархию, то другие более «высокие» или более «низкие» духовные сущности вряд ли смогут понять хоть какие-то чаяния и тревоги моей загулявшей души. Точно так же, как и я не в состоянии постигнуть желаний микробов, живущих в моём организме и почитающих, что этот организм создан для их обитания. (Я, естественно, могу вмешаться в их «мирное» существование и потравить их, допустим, при помощи таблеток, но это не значит, что я желаю им зла, и тем более не значит, что я хочу пробудить зло в их душе, если таковая имеется.) Точно так же и наша планета может быть маленьким садиком на подоконнике Господа Бога, и Он, в один прекрасный момент обнаружив, что какие-то людишки-блошишки засерают его милый зелёный садик, потравит их каким-нибудь нейтронным излучением... Конечно, и мне не постичь тот уровень, с высоты которого меня, возможно, наблюдают некоторые потусторонние Зрители. Но как бы то ни было, моё отношение к добру, злу, да и вообще к любым абстрактным категориям не может совпадать с отношением Бога к этим же категориям. Возможно, опыт вочеловечивания и имел целью своей уменьшить разность наших пониманий. Но каким бы очеловеченным ни был бы Бог, ему никуда не деться от того сверхзнания, которым он обладает, и именно оно не позволит ему испытать человеческую любовь, и тем более не по силам ему испытать в своём сердце ненависть (недаром булгаковский Иешуа считал всех людей добрыми). Точно так же: человек, живущий в волчьей стае, не сможет полюбить волчицу любовью волка, но лишь испорченной, изуродованной до неузнаваемости любовью человека...

Если же миры не обладают иерархичностью, но отличаются друг от друга всего лишь вложенностью. Если каждый мир сделан по образу и подобию. Если миры отличаются друг от друга лишь возможностью наблюдения, то тогда Боги точно так же понимают Добро и Зло, Боль и Счастье, Любовь и Ненависть.

*Цели и помыслы Их нам угадать невозможно.
Лишь отраженья вмешательства можем подчас уловить...
Но отражения те видеть нам надобно сверху,
А не из наших идей о состоянии души.
Токмо уйдя, уносясь в запретельные выси,
Мысли воздушной челнок вышля к воздушным лабьям,
Можно объять, хоть отчасти, тот умысел,
Те устремленья,
Что, может стать, хоть как-то присущи Богам.*

Для Феодосия, видимо, иерархия миров не вызывает сомнения. И если мы хотим понять Бога, то должны встать на его точку зрения. А если уж не можем (разумеется, не можем), то должны хотя бы попытаться это сделать. Впрочем, довольно трудно встать и на точку зрения создателя, в которого ты вложен наподобие матрёшки. Чего ему (создателю) от тебя надобно? Об этом можно лишь гадать.

Сверху же

*Вся наша жизнь различима в довольно немногом:
Ход и Покой. И, пожалуй что, — больше ни в чём.
Если же так. То понятны тогда устремленья
Сущностей вышних, известных как Демон и Бог.
Бог — это то, что стремится к Покою, к Порядку,
К строго-размеренной, тихой и праведной жизни.
Демон — сторонник движенья.
Хаос и буря — вот где стихия Его.
Богу, как видно, мило омертвенье иль сонные райские будни.
Демону — любя кипящая бурная жизнь.*

Во, даёт, старец! Собственно говоря, для Бога, действительно, важна праведность и порядок, а для Демона — хаос и буря. Любая религия с этим несомненно согласится. Но все религии противопоставляют Бога и Дьявола с позиций Добра и Зла, а Феодосий с точки зрения Покоя и Движения. И тогда высшая планка Порядка — есть Смерть, а высшая планка Хаоса — это Жизнь!

*Жизнь, с её поиском,
Завертью битв и метаний,
Вьюжной летучестью бурных, безумных страстей,
Жизнь с перепадами взлётов, стихов и падений
И со случайным, врасплох
Наступающим ходом времён.*

Н-да-а! Хорошо формулирует! Стоит ему заговорить о жизни, как его поэтическая проповедь начинает сверкать и пениться. Интересно, что стихи он поставил в один ряд со взлётами и падениями... Так, впрочем, наверное, и нужно... Следуя за ним, можно сказать, что стихи возникают на стыке пропасти и вершины.

*Так, постигая земную и горную мудрость,
Помня о всех непонятно-возможных чертах
Нашего светлого Мира,
Нужно в свободе пройти
Свой маршрут от рожденья до смерти.
Но не мешая идти
Также братьям своим...*

18. Время весов

Глоток необитаемого ветра. Разоблаченье облачного блюза. Восстановление домашнего тепла. Рыболовецкие заботы. Ястреб встаёт на крыло. Звёздные дожди. Строительство плота. Начало листопада. Первые заморозки. Прощальный взмах осеннего крыла.

Закончился период медлительного Рака. Золотистой стрелой промчался Лев. Как-то незаметно прошла и Дева. Наступало Время Весов.

III

Р Д С Т Р

В О Д А

Наброски дождя на оконном переплёте. Негромкое болеро 9-го маэстро. Кордебалет кленовых листьев, и куда-то зовущий кларнет прозрачно-неразгаданного ветра.

Книга седеющих трав и подмерзающих лузг.

Утлое плавание в мире величавого запустения.

Дворник, подметающий осенний мусор на чьих-то нечаянных душах. Лепестки облетающих хризантем он сыпает вместе с окурками в помойный бак своей литературы.

Он лепит внесистемного дракона из слов и словосочетаний, подобранных на задворках его территории.

Грустно. И куда-то уводит Осень. И мелькает пропущенный виток поседевшего текста. Кристаллы инея, осевшие на буквах, и позолота заката, сквозящая между строк. Перепутанность вечеров и расцветов. Захолустье небытия, обращённое в точки... Эклибрис листопада на титуле так и неизданного трактата. Трактата о возвращении в потерянный ноль. Ноль из остатков незатенённого Неба. Серебристо-голубой ноль с виньетками кучевых облаков...

Конечно же, можно построить интегральную кривую поэзии. Вывести закон исчерпания рифмы. Определить эпициклы волнующих тем... Но выпасть за построенную кривую, избежать давящего гнёта закона, остаться за пределами эпициклов. Для этого необходимо потеряться и... сохраниться. Сохраниться не только для громающего сейчас, но и для вдвойнегрохочущего завтра.

Лучший из путей — восьмеричный; лучшая из истин — четыре слова.

1. Вересень. Вода.

Ковчег. Прощальные стихи. Грехи на песке. Сдвиг пространства.

Последний гвоздь вошёл изящно и легко. Плот был готов. Замечательный плот о трёх брёвнах с рулевым веслом, с подвесным ложем, по форме напоминающим гроб, со специальными непромокаемыми ящичками для провианта и всевозможной хозяйственной утвари, с особой жёрдочкой для ястреба и даже с маленькой конурой для соломенной собаки.

Волны ласково постукивали о правый борт. Эсинский сидел на холодном осеннем берегу, насыпая зыбкий песочный холмик и шептал в осеннее пространство прощальные стихи:

Пора поверить собственному зову.

Понять про то, что невозможно знать...

.....

И будут снова зарождаться звёзды.

И будет начинаться вдохновение.

И лёгкая оборванность полёта

Последнего осеннего листа

Когда-нибудь случится.

.....
*И нежные снежинки хрупких мыслей
Так бережно опустятся на берег
Ледком уже прихваченной реки
С названием: ПУТЬ.*
.....

*Я вышел ли уже, иль это только сборы?
Ведь не положены ещё ни соль, ни спички...
Моих дорог просторные соборы
Переполяются бунтующей молитвой.
И я вхожу.*

— Ну что же, ястреб, наступают холода. И мы сейчас достроим этот холмик. Оставим в нём все наши тяжкие грехи. И уплывём под крышею сампана в далёкие неведомые воды. На поиски ближайших островов... Нам нужно поселиться в море жизни на до сих пор необитаемой земле... Я буду защищать тебя от ветра и укрывать от лютой непогоды. Я научу тебя, как видеть тишину, я научу тебя, как нужно слушать звёзды, как песню можно ощутить руками и как почуять аромат луны...

Вперёд! На гребень волн и откровений! За облачным волшебным коловбом!

Золотые волны осени подхватили небольшой плот, и он неслышно заскользил в разноцветном тоннеле из склонившихся ив и берёз. Ястреб распахивал крылья, сидя на своей жёрдочке. Ветер застревал в отросшей бороде и развевающихся волосах речного странника. И надвигалось на него всей своей массой густое, перекрученное, сдвинувшееся с места пространство.

2. Водовороты выбора

На реке. Непогоды. Сумерки года. Сумерки души. Кружение над миром. Морозящий дождь желаний. Плата за преддверие свободы.

Река несла узенький плот вперёд, постепенно расширяясь и набирая силу. Всё реже Эсинский пользовался шестом и в основном лишь направлял движение своего ковчега короткими, но сильными взмахами весла. В непогоду он приставал к берегу и часами лежал в своём просторном тщательно просмоленном, выложенном свежим сеном «гробу». Вспоминал свою странную жизнь, слушал рёв лосей и звон дождевых капель, разбивающихся о плот и о воду...

Ревуном и Дождезвоном называли сентябрь наши предки, Кисельником и Крутевертом они называли октябрь.

Сумерки года.

Сумерки души.

Осень.

Сердце проливается дождём непонимания и грусти.

Он возвращается...

Зачем? И для чего? Ужели только приближение зимы тому причиной?

Он возвращается в людскую суету. И смута сердца не даёт покоя... Восходит солнце, и заходит солнце и спешит, спешит к месту своему, где оно снова и снова восходит.

Идёт ветер к югу, и переходит он к северу..., кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя.

Зачем же, зачем возвращаться? Вернёшься назад, и Пути не будет. Не будет того Пути, по которому шёл...

Ну и что же? Ну и что же с того? Будет иной! Будет свежий заснеженный Путь... И если возникло в сердце твоём робкое желание возврата, то зачем же, зачем сопротивляться ему? Но отчего же тоска? Отчего тоска и страх опустили в мою душу?

Отчего морозящий дождь?

И почему, предполагая некое верховное знание о мире, я не могу постичь такой малости — свои желанья?

И, собственно, куда же тебе плыть? Ведь небо и земля — извечно те же. Останься здесь, живи текущим днём, благославляя синее безбрежье... Будь чист, как ветер, неистощим, как море, и памятью насыщен, как земля... Чего искать, когда в тебе живёт великий трепет жизни всех народов?..

И это слово странное — Свобода... Оно берёт за горло, словно цепь. Оно одно способно запереть и смазать жизнь, подобно мокрой тряпке, стирающей решенья меловые с экраны моей аспидной доски. Оно не избавляет от тоски, но манит будущим и требует в уплату почти неуловимое «Сейчас».

Что ж делать мне? Я покидаю класс, в котором выучил теорию мгновенья... И хмурой осени дождливое волненье играет мне прощальный полонез...

3. Вне времени

Хляби небесные. Квадрат квадратов. Чернота чернот. Лабиринт сновидений. Тающие созвездия. Во чреве времени. Космическая тишина. Осеннее признание в любви.

Разбушевавшаяся река захлёстывала плот, и Эсинский чувствовал спиной и шеей, как где-то в двадцати сантиметрах от него плещется чёрная осенняя вода. Впрочем, вода хлестала отовсюду. Небо сошло на промокшую землю. Ветер пел свои древние гимны, подыгрывая на дождевых струнах небесной арфы. Деревья превращались в гигантские водоросли, а маленький гроб-ковчег, приютивший ястреба и человека, стал напоминать подводную лодку.

Казалось, мир опять сошёл с ума, настали дни Великого потопа. И только в тихой заводи души сверкало солнце.

На сердце стало тихо и легко.

И чистый сон упрятал их от мира.

Упрятал от дождя и непогоды.

От чёрной ночи и слепой тоски...

Сон свежей осени подул на их виски

И вызвал легкокрылые виденья:

Во сне ли, в яви ли, сиё не очень важно. Важнее то, что это было. А было вот что: Эсинский увидел перед собою чёрную квадратную доску — квадрат квадратов, черноту чернот (хотя, возможно, просто крышку гроба?)... Доска то приближалась, то удалялась, как бы выбирая наилучший фокус на хрусталиках глаз (а может быть, это была речная качка?). Потом, зафиксировав своё место в пространстве, она стала обрастать серебристыми планочками, из которых выстроился своеобразный лабиринт (или это привыкшие глаза рассмотрели структуру дерева?).

И вдруг в начале лабиринта вспыхнула первая Буква,

и заструилась, заскользила по его каналам втекающая из небытия строка... Лабиринт превращался в поэтическую скрижаль... Слова обретали силу лабиринта. Строки танцевали свой головокружительный балет: доходя до разветвления, они дробились на несколько смыс-

лов, каждый из которых дробился на следующей развилке, поворачивал, снова впадал в утраченный на время родной поток, угасал в тупиках и протекал сквозь доску. Движение строк напоминало Время — Сквозное Время внутренних весов.

Через 12 или 70 мерцаний скольжение лёгких серебристых текстов застыло в некоторой псевдостабильности. И Эсинский смог хоть что-то попытаться прочесть:

**Скользя по лабиринту сновидений, сквозь облака несуществующего дня, вдруг обнару-
жишь робкую соринку густого смысла...**

Прошло ещё какое-то количество мерцаний, и лабиринт начал крошиться, рассыпаться на созвездия и звёзды, которые таяли, словно снежинки, и протекали на его лицо...

От прикосновения растаявших созвездий Эсинский, видимо, и проснулся, очнулся, осознал сам себя, вернулся в реальный мир, который, впрочем, ничем не отличался от видений. Густая чернота клубилась перед ним, и было так тихо, что, казалось, исчезло, растворилось само Время. Он как бы оказался внутри, во чреве времени. Во времени вне временных вещей... Стояла божественная «мёртвая» Тишина. Именно такая, про которую он читал в далёком-далёком детстве. Он тогда ещё всё удивлялся, не понимал и уличал язык в неправильности; ведь если тишина умерла, то она должна наоборот шуметь и грохотать.

— Вполне возможно, что лабиринтное расстройство сознания порождает расстройство слухового лабиринта? — подумал Эсинский. Вполне возможно, что исчез не мир, а слух и зрение...

— На самом-то деле проверить это, конечно же, совсем несложно. Достаточно произнести какое-нибудь слово или хотя бы просто постучать..., но было бы кощунством и капризом — ломать космические волны тишины. Не лучше ли уснуть? Не лучше ли проснуться ещё раз? Без...

Но в этот миг на мир спустился звук. Вернее, шорох. Весёлый шорох ветра о траву. Шептание травы, воды и неба.

Откинув крышку, Эсинский увидел... Осеннее признание в любви. Движение облаков, кружение листьев и тихое скольжение реки...

— Ну просыпайтесь, просыпайтесь, ястреб, грешно, поистине грешно проспять такое утро.

Прошли тысячелетия и миги, сместились мировые расстояния..., но всё ещё, проснувшись на рассвете, после того, как бушевал осенний вихрь, «прочёсывающий травы на полях», повсюду видишь те же самые картины. Картины грустной тишины и беспорядка. И жёлтый лист — воздушная лошадка, подхваченный остывшим за ночь ветром, к тебе доверчиво ложится на колени. И облаков простуженные тени стекают к ногам. И ты, прохваченный насквозь осенней грустью, склоняешься к октябрьским богам...

4. Возникновение водорослей

Зелёный тупик. Мостик для мышей и белок или завод? Способы форсирования водных преград.

Через шесть дней после того, как Эсинский оставил свой лесной приют отдохновения и покоя, он наткнулся на следы цивилизации. И эти следы поставили его мозг, а также и плот в тупик.

Поперёк реки был протянут стальной трос, на который нанесло плотную массу неизвестно откуда взявшихся водорослей.

Назначение сней колыхающейся конструкции не поддавалось сколько-нибудь разумному объяснению. «Возможно, — подумал Эсинский, — это специальный водорослиевый мостик для мышей и белок, но тогда надо предположить, что он попал в края поэтов или членов общества охраны грызунов. Гораздо реальнее допустить, что эти водоросли — даль-

ние родственники морской капусты, а ниже по реке стоит маленький водорослеобработывающий заводик. И, однако, зачем бы и для чего бы они тут ни были, но как же преодолеть эту зелёную преграду? Отвязать трос и плыть в обнимку с этим травяным островом? Но не исключено, что остров этот действительно кому-то нужен и освобождение его от цепких пут стального троса не вызовет восторженную реакцию собирателей речного «планктона». Попробовать пробраться волоком? Устроить обводной канал? Приделать к ковчегу какой-нибудь плуг и вспахать эту странную переправу? Или переташиться на руках, в конце-то концов?..

Пожалуй, лишь последнее достаточно реально: разобрать свой ковчег по брёвнышкам, по ящичкам и потихонечку, полегонечку. Благослови, Господи, труды наши праведные!»

*Островок крутой
остановит меня в пути,
Берега реки
мою лодку спасут в грозу.
Поднялась река,
переправы для лодки нет...*

5. Ветви виноторговли

Четвёртая запруда. Встреча с рыболовом. Красное и белое. Мокша.

«Должно быть, всё-таки это завод, — подумал Эсинский, обнося в четвёртый раз вставшую перед ним запруду из водорослей, — поскольку поэтический мост хорош в том случае, если он один, а здесь уже пахнет промышленными масштабами. Будь они неладны, эти гадские гати! А впрочем... впрочем, зачем же так сердиться на эти странные препятствия, поднявшиеся со дна речного? Возможно, они ограждают меня от грядущих бедствий, а я, нечуткий к проявлениям судьбы, всё лезу, лезу — напролом, в обход, в обнос. Куда? Зачем? Какого лешего мне надо? Когда перед тобой стоит преграда, сто раз подумай, прежде чем идти, а если уж пошёл, то не гунди. Тем более, что некуда спешить. Ведь и не двигаясь, мы продолжаем жить...»

И тут он увидел рыболова.

Язык, уже отвыкший от общения с себе подобными, тщательно подбирает слова для приветствия и не придумал ничего умнее (а умнее и в самом-то деле, пожалуй что, не придумаешь), как спросить:

— Ну, и как оно?

— Да ить это с какой стороны посмотреть? Ежели в смысле погоды или душевного равновесия, то очень даже вполне. А ежели касательно рыбы или другого какого промысла, то как бы и не очень вполне. А вы, стало быть, путешествуете?

— Ну это, пожалуй, тоже как посмотреть.

— Дело понятное. Ну, там вот пониже, километрах в шести приблизительно, Иваньково будет. Там можно беленького купить. А ежели к красненькому интерес имеется, тогда надоть в Дробники идтить, это километра два, но в сторону от реки, а в Иванькове красного отродясь не было. Не пье мужики там красное, а тогда и зачем же возить-то его, если не пье? Вот Авдотья-то и не возит красное-то.

— Вон оно как! Не пьют, значит, мужики.

— Не-е. Не уважають. Градуса, говорят, маловато.

— Хм. А бабы что же, тоже не пьют?

— Зачем не пье? Бабы от красного завсегда не откажутся. Но ить она, баба-то, клиент нерЕгулЕрный, а когда день рождения там или, например, 1 мая, то ничего с ней не станет-

ся, может и в Дробники сходить, а не хочет ходить, так ить и белого выпье, подумаешь, важность какая, чай, не министерша.

— А в Дробниках мужики красное пьют?

— Зачем пье? В Дробниках мужики тоже белое пье.

— Ага. Значит, там Иваньково, там Дробники, там белое, там красное. А что, батя, как же речка-то у вас называется?

— Дык, ить — Мокша, как ей ещё называться-то?

— Вон оно как! Неужели Мокша?

— Знамо дело, Мокша. А ты что же это, с Луны что ля тут свалился, если не знаешь, по какой речке сплавляешься-то?

— Да нет, скорее всего я с Земли свалился.

6. *Vanellus vanellus* (*Viva vox*)

Осень в заводи. Лунный хмель. Беседа с чибисом. Небесные плотгоны. Чьи-вы? Осенняя ниша счастья. Интонация жизни.

Остались позади Иваньково, где торгуют исключительно белым, и Дробники, где можно купить и красное. Остались позади и четыре заноса из водорослей, о происхождении которых Эсинский забыл спросить у рыболова, а в магазине, покупая провиант и водку, узнать постеснялся. Остались позади десятки отмелей и сотни поворотов, и множество мыслей, и строки стихов...

И наступил тихий осенний вечер в речной заводи со скромным пиршеством из водки, лука, колбасы и хлеба.

Лунная дорожка пересекала заводь, забытый хмель пересекал сознание. И поздний чибис где-то неподалёку, должно быть, перпутав осень и весну, всё спрашивал и спрашивал: «Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?».

— *Мы сегодня ничьи! Мы сегодня гуляем!*

И восьмой луны плот в небеса отправляем!

Мы читаем стихи облакам и драконам!

Мы сегодня ничьи, мы — небес плотгоны!

— Чьи-вы-бы-ы-ль? Чьи-вы-бы-ы-ль? Чьи-вы-бы-ы-ль?

— Чьи были? Да тоже вроде, как бы и ничьи. Просто однажды один человек, прослужив в одном институте четыре года, вышел в последний день пятой луны, на исходе часа дракона, дабы, не мешкая, сдать полугодовой отчёт в вышестоящие инстанции. Но был по дороге встречен искусителем господином Михеичем, который пригласил его полюбоваться положением солнца, попадающего в арку старого дома. Однако вмешательство небес не позволило им насладиться чудесной картиной. И пришлось им прятаться в той самой арке от холодного дождя, заменяя пропавшее солнце костром и портвейном... Дальнейший же путь этого человека был тернист, неспокоен и отчасти ему неизвестен. Сокращая пустые слова, можно вот что сказать о нём:

Однажды вышел из дома поэт,

Не зная, впрочем, куда.

И вот он в заводи под луной

На ветер бросает слова.

— Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?

— Ну что я могу сказать ещё?

*Я просто маленький, уставший человечек...
Затерянный в октябрьской ночи.
Наверно, было б мне спокойнее и легче,
Когда б я знал — хотя б на миг — мы чьи?*

*.....
Но чей, скажите, звёздный небосвод?
Чьи с гор бегут весенние ручьи?
Кто? Кто? хозяин этих гор и вод?
Ответь хотя бы ты мне — чибис.*

— Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?

— Послушайте, ястреб, может быть, вы объясните этой глупой пигалице, что свободный человек, по определению, — ничей. Что мы, как кошки, — живём и гуляем сами по себе... Понимаете, чибис, на самом-то деле, я далеко не уверен в своём начале и уж тем более не уверен в конце. На самом-то деле я хрупкий, растерявшийся, оглушённый мировыми событиями человечек. Человечек, заблудившийся в мире грёз и в мире реалий... Но вот предо мною осенний вечер, вот луна, перечеркнувшая тихую заводь, вот хлеб и колбаса, немного водки. И этого достаточно! Я как бы попадаю в осеннюю нишу счастья. Я беседую с птицами и облаками. Подхваченный вечерним октябрьским ветром, я слагаю стихи. Я слагаю стихи, не заботясь о форме и глубине, поддаваясь минутному порыву и опьянению...

*Дотронусь до луны в ночных холодных водах,
Я пьян от тишины, и на душе покой...
И лишь безмолвная осенняя природа
В лесной глуши беседует со мной...*

— Чьи-во? Чьи-во?

— Чего-чего! Стихи, вот чего...

Да вы простите меня, чибис, это я так — дурачусь. На самом-то деле, с чего это я взял, что Вы меня не понимаете? Ведь из того, что я не понимаю Вас, совсем не следует обратное. Хотя, быть может, даже я Вас понимаю. Ведь музыка и пение не нуждаются в переводе. И волна счастья, выраженная свистом, криком или стихом на всех языках означает одно и то же. Ведь главное сокрыто не в словах, а в интонации. Именно в интонации сохраняется то, что по всем законам универсума просто не должно сохраняться. А впрочем, зачем все эти объяснения, если существуют стихи и звёзды? Вы слышите, как бьётся пульс стиха? Как строки просятся в вечернее пространство? Они пришли сюда, возможно, сквозь века. И основали здесь языческое ханство... А что же я? Где место среди них? Всегда отыщется. Лишь нужно подчиниться. И вот уже уходит новый стих в ночное небо, как ночная птица:

*Как будто снова заблудился в шуме
Осенних листьев и прозрачных дней.
И лёгкий стих, дремавший накануне,
Бежит вольней!
И мой приют в этической лагуне
Среди мифологических теней
Как будто снова отыскался в шуме
Осенних мыслей и прозрачных дней!*

— Чьииив! Чьииив! Чьииив! Чьииив!

— Ну, наконец-то, ты, по-моему, доволен! Немного выпьем за Луну! И ляжем отдыхать. Избыточность вредит отдохновенью. Всегда и всюду, чибис, предпочту безбрежной вечности расхожее мгновенье.

7. Вокруг водорослей

Поверх причин и целей. Поворот. Водный трактор. Застолье на палубе. Нильская культура. Как положено.

— День и ночь на воде...
я от вечных скитаний устал...
Красота этих волн и ветров неподвластна
словам.
Острова над водой...
моё сердце летит к облакам.
Одинокое солнце
одинокую греет планету.

Набрякшее небо. Набрякшие серые мысли. Осеннее окружение из хмари и хляби... Сумеречные ландшафты твоего подсознания освещены полднeвною луной... Но в душе... В душе твоей солнечно. Как неожиданна собственная душа! Она бредёт поверх причин и целей! Распахивая сердце горизонту и улыбаясь пролетевшей чайке, она одна спускается в долины и поднимается на горные хребты. Она одна смеётся и ликует, и над Землёй проносится звездой, и в радостном восторге торжествуя, среди вселенных выбирает путь...

Когда спускаешь по неизвестной речке — смысл жизни становится прост и ясен. Скользить сквозь осенённое пространство, вбирать в себя дыхание ветра и воды, читать стихи залётным ястребам и наблюдать береговой пейзаж... Скользить сквозь нависающие ели, сквозь позолоту клёнов и берёз, скользить, не ведая, что принесёт тебе манящий и зовущий поворот...

А поворот (один из поворотов) принёс ему разгадку подводных трав, подвешенных на тросы:

Сначала просто доносился шум, потом дымок, потом... к нему из-за песчанной мели навстречу вышел... самый что ни на есть настоящий, блестящий, гремящий, стучащий, пускающий дым, нагоняющий волны **ВОДНЫЙ ТРАКТОР!**

По всей видимости, трактор был сотворён каким-нибудь местным Кулибиным, соединившим старый колёсный буксирчик с сенокосилкой.

За штурвалом стоял бородатый морской волк в тельняшке и что-то кричал своему помощнику, возившемуся сзади у каких-то рычагов.

Трактор молотил по тихой реке своими колёсами и... к о с и л в о д о р о с л и .

Эсинский настолько был ошарашен тархтящей конструкцией, что не нашёл ничего умнее, как пробормотать про себя шуточные стихи любимого писателя:

*Когда-то я скотину пас,
В лугах ромашки рвал.
Теперь держу в руках компас,
Держу в руках штурвал...*

Ничего не понимаю? То ли мир сошёл с ума, то ли здесь и в самом деле есть завод по переработке «планктона»...

— Эй, на палубе, лом не проплывал!?

Всё на проверку вышло гораздо проще. А моторист Дробников и механик Иваньков оказались мировыми ребятами.

Они славно устроились на открытой палубе диковинного трактора. Эсинский выставил оставшуюся поллитру водки и кружок колбасы, а водяные комбайнёры — банку чистейшего самогона, ломоть копчёного сала, картошку в мундире и огурцы.

Выпили сначала, как полагается, за знакомство, потом за погоду, потом за реку и только после третьего стакана завязался у них непринуждённый разговор, которого требовали не-

зримые законы семантической кухни — о водном сельском хозяйстве, о грядущих перспективах, о жизни...

— Стало быть, вы тут водоросли косите?

— Да это ить трактор косит, а мы тут так — управляем себе помаленьку.

— А зачем? Зачем же вы её косите-то?

— Дык, ить как же зачем? Чтобы, значить, речка не зарастала! Маленькую речку никак нельзя не косить — обмелеет.

(«С ума сойти можно! Если в нашей стране крестьяне косят реки, для того чтобы они не мелели, значит, мы выплывем! Значит, не всё потеряно! Значит, у нас есть великое будущее! Это же надо додуматься — косить водоросли!» — Эсинского прямо-таки распирало от удивления и от гордости за свою непредсказуемую страну.)

— Ребята! За это надо выпить! Это!.. Это!.. Это — просто праздник какой-то! Надо же до чего додумались! Давайте, мужики, — за вас!

— Дык, давай выпьем, конечно, только что же тут такого удивительного-то? Испокон веку на этой посудине тарактели.

— Да не-е, конечно, ничего удивительного. Удивительно другое! Удивительно то, что другие речки не косят. Я же, мужики, пол-России на байдарках прошёл, а вот чтобы речку косили, нигде не видывал!

— Неужто пол-России?

— Неужто не косят?

— Ну, пол, не пол, а четверть точно прошёл, и нигде не косят... Нда-а. Уф — хорошо пошла. А-ахх... А зачем же вы покос-то свой тросами тормозите? Ведь получается, из-за этих плотин — не пройти, не проехать.

— Ну это с плотом твоим — оно, конечно! Как ты ещё перебирался-то там, непонятно? Так ведь таких путешествующих, как ты, у нас уже не стало. Опустели водные дороги. А наши-то плоскодонки рыбацкие, да это для них раз плюнуть.

— Но зачем?

— Дык ить, как же зачем? Вешние воды когдыть разольются, они всю водоросль на луга вынесут, а это ить удобрение — лучшего и не сыщешь.

(Эсинский был сражён: «Плодородный ил! Нильская культура в центре России! Это же чёрти что, вообще!»)

— Фантастика! Ну, порадовали, мужики! Ведь надо же до чего додумались!

— Дык ить, завсегда так было. Чего тут больно додумываться-то?

— Было-то, было. Мало ли чего у нас было. Но вы сохранили! Вы традицию, культуру хозяйствования сохранили! Вот что здорово. Ведь мы же всё вперёд и вперёд: компьютеры, бля; ракеты, там; самолёты; бомбы. А вот чтобы мельницы сохранить, водоросли подрезать, вот об этом-то, об этом-то как раз и забыли.

— Зачем забыли? Мельница у нас работает. Почто же нужно лишнее электричество тратить, если можно задарма зерно намолоть?

— Неужели и мельница?

— Ну это уж, как положено.

(«Как положено... Вот оно оказывается — как должно быть положено: косить свою маленькую речку. Молоть хлеб на мельнице. Пить самогон из гранёных стаканов. Закусывать копчёным салом и картошкой в мундире. Никуда не спешить. И любить свою землю, своё небо и ветер, и воду...»)

8. Внутренняя внешность

Тревога за счастье. Вечерний коктейль. Сумеречное блаженство. Поломанный палец. Концентрическая тьма. Круги Луллия. Расшифровка странствия. Голос у керосиновой лампы. Рассказ о смертельном огурце. Рассказ о трактористе-подводнике. Предпочтительность жизни.

Осенний день недолог. И распрямившейся душе не хватает осеннего дня. И это угасящее небо лишь подчеркнуло контуры тревоги. Тревоги за кончающееся счастье.

И если жизнь всего лишь странный эпизод материи, то этот эпизод поистине прекрасен... Но можно ли считать её всего лишь эпизодом? Возможно, жизнь — как раз и есть то самое «Божественное решение» для загадки по имени человек, а вовсе не наоборот...

Заходящее солнце рассыпалось розовыми переливающимися лужицами на вороном оперении вечерней реки, на облупившихся колёсах пароходика, на старой выдавшей виды палубе и даже на литровой стеклянной банке с остатками самогонки.

Эсинский выпил этот странный вечерний коктейль с лучистым привкусом осеннего заката и растворился вместе с ним, всё глубже и глубже погружаясь в тёмные потоки сумеречного блаженства.

— Спокойно на сердце,
заботы меня не тревожат.
В согласии с истиной мудрой теперь я пребуду всегда...
Я эти стихи
посвящаю отшельникам здешним:
Быть может, они
принесут мне немного вина...

Но отшельники не слышали поэтических призывов страждущего поэта. Отшельники боролись на руках, а, вернее, на пальцах. Решался стратегический вопрос: кому надлежит немедленно отправляться к бабке Пелагее за непременно добавкой? Дробников был явно сильнее, но Иваньков тащил всем своим существом и упрямством. Хлипкий стол под ними подозрительно кряхтел, скрипел, шатался и... наконец-то, сломался. Правда, не стол, а палец!!! Иваньков удивлённо смотрел на странно висящий и совсем непослушный палец, укоризненно качая головой:

— Надо же — гнида какая! Сломался! Это, пожалуй что, тебе, Дробник, придётся к Пелагее идти. Куды ж я с таким пальцем-то? С таким пальцем я ведь могу и вовсе до Пелагеи не дойти! С таким пальцем надо в лазарет, а не то чтоб куда-то.

— Что ж ты на руках, что ль, идти-то собрался? Ох и хитрый же ты, Ванёк, ну просто никакого спасу на тебя не хватит! Ладно уж, сиди тут, шалопутный, да смотри, чтобы турист в воду не упал, а то ещё потонет на ночь-то глядя. Ищи его апосля-я.

Дробников накинул на плечо маленький пустой рюкзачок и прыгнул с пароходика на слегка покачнувшийся берег. Тьма впитала в себя его могучую разлапистую фигуру и свернулась клубком у ног утомлённого Эсинского. Тьма была тьмой. И ещё была она кошкой. И ещё тьма была зарождающейся вселенной..., эдаким перетеканием мира извне вовнутрь, ибо давно известно, что внутреннее зрение становится острее по мере того, как угасает зрение внешнее.

Тьма курилась среди серебристых облаков густым спиралевидным фиолетом, вращалась в робком танце рождения, пытаясь попасть в резонанс соответствий, и, наконец, выстроилась пятью концентрическими кольцами, заполнив собой почти всё небо. Каждое кольцо наполнилось словами, и концентрическая тьма стала напоминать машину для поиска Истины.

Эсинский затормозил беззвучное вращение кругов тьмы ломким лучиком трепетной мысли и попытался прочесть тёмную Истину, идя по диаметру сверху вниз. Слова застыли в непонятный столбик:

СТРАНСТВИЕ
ДВИЖЕНИЕ
ПРОСТРАНСТВО
БОГ
ОГРОМНОСТЬ
НАЧАЛО
ПЕСНЯ
НЕБО
ЗВЕЗДА
ЛАДОНЬ

Возможно, это означало, что: Странствие — это движение по пространству Бога, это огромность начала, песня неба и звезда на ладони. А может быть, что: Странствие — это движение пространства сквозь огромность Бога, сквозь начало песни, сквозь звёздное небо и растопыренную ладонь. Или: Странствие — это движение огромного божественного пространства, начинающееся со звёздной песни ручного неба. Или же: Странствие — это движение огромного звёздно-небесного изначального божественного пространства, которое способно свернуться клубком на твоих ладонях... Не исключено, что речь здесь вообще не о странствии, но, наоборот, О Боге, пространстве начале, или о любом другом из оставшихся девяти понятий. Возможно, расшифровка должна звучать так: Начало — это огромное странствие, это божественное движение, это песенное пространство, это холодные ладони звёздного неба... Или: Бог — это песня странствий и движение пространств, это начало огромностей и ладони звёзд, это небесные начинания и странные двигатели, это изначальные подпространства и пространственные громы...

Тьма потихоньку уменьшалась, стекаясь к НАЧАЛУ и постепенно превращаясь в огонёк керосиновой лампы и мерный голос пострадавшего Иванькова.

— Пострадал, Иван, пострадад... Тут уж нечего сказать — пострадад!.. Доигрались, бя!.. Ударили пальцем о палец!.. Вон оно к чему, баловство-то, приводит!.. Ить это что ж получается?! Э тот как же я теперяча на гармонии-то, а-а?.. Вот ты, Олешка, чек образованный, ну скажи, рази ж так можно?

— А где Дробников-то девался? — промычал ещё не оклемавшийся до конца Эсинский.

— Да энтой Дробине палец в рот не клади!.. Тут уж вона оно... Ты поглянь, что натворил-то, курвец! Как же на гармони-то теперича?.. Как говорится, попили пивка! Вот ить она — жизнь-то наша грешная... Да хорошо, что палец, а так ить что? Всё ж таки живой остался!.. Живому оно как-то лучшее, прально говорю, а-а? Он ить как у нас наемни, Паша-то лямой, помер... Да-а... Огурцом, говорят, захлебнулся... У нас в этом годе огурцы дуже сочные уродились. От он брызнул ему видать не в то горло — Паша-то лямой и захлебнулся, за собственным, как говорится, столом и представился... А дед? Дед-то, Ефграфыч! От ить живуч, старикан! Он у нас у прошлом годе на тракторе ехал... Ага... И упал. В речку упал. Вместе с мостом и упал. Мост-то старый уже, конечно, был. А Ефграфыч домой торопился, потому как он водку доставлял. Его мужики за водкой послали, а он, понимаешь, в речку... Ага... Ну, провалился, конечно. Да его вдобавок сваями завалило. А место-то там не мелкое... Там не то что трактору, там и комбайну с головкой будет... Ага... Так другой бы на его месте, конечно, бы захлебнулся или просто от страха бы помер. А Ефграфыч — не-е. Ефграфыч бензиновый шланг в дырочку пропихнул. Аккурат ему до воздуху шлангу хватило... Ага... И через шланг, стало быть, кислородом дышал. Только иногда и отрывался от

этого дела, чтобы водочки, значит, выпить... Там и нашли его мужики-то, пьянушего, конечно, но зато живого. Живому-то оно всё одно лучше... А Паша-то лямой, вона вишь ты как!.. А палец, что? Подумаешь, палец. На гармонии, наверное, и тремя приспособиться можно. Как думаешь, Олежка, можно приспособиться?

— Ой, что-то я перебрал немного. Круги какие-то перед глазами, слова... А где Дробников-то?

— У тебя хоть слова. А у меня уж и слов-то нет, одни буквы...

— А где ястреб-то?.. Ох, Иван, что-то мне как-то хорошо слишком! Так хорошо, что даже блевать не тянет. Это сколько же мы тут уговорили-то, а?

— Да грамм по восемьсот-то съели, наверное. А Дробина и все девятьсот, наверно, уел. Да ему хоть и ещё столько же, чего ему, стоеросовому, сделается?

— А пожрать-то у нас ничего не осталось? Что-то я проголодался, что ли, или просто есть захотелось?

— Сча Дробина вернётся, на рыбалку поедет. Дробина смолы обещал захватить. Лодку возьмём и поедет.

9. Введение в воды

Охота на рыб. Подводный ягуар. На грани тьмы и света. На грани воды и воздуха. На грани ухи и смерти. Тепло костра и самогона. Непривязанность мыслей. Мелодии дыма и ветра. Охотники на заиндевевшей траве. Пробуждающиеся стихи.

Вдоль самого берега беззвучно скользила лёгкая лодка. На носу её был приспособлен бушприт, на котором ярко горел просмоленный ящик из-под портвейна. Иваньков аккуратно поддребал, оставив в сторону поломанный палец. Дробников вздымался над миром серой громадой, держа на-изготове блестящую острогу. Он был похож на древнего языческого бога, спустившегося на Землю, дабы покарать свою расшалившуюся без строгости паству. Ночная тишина усиливала случайные звуки, и хлопанье крыльев взлетающих уток напоминало полёт валькирий, а всплески рыбы были похожи на удары бича самого Вельзевула.

Ящик-факел высвечивал полосу прибрежного ила, среди которого дремали окуньки и плотвички, временами встречались и плоские подлещики, и похожие на детскую сабельку подвязки, и скрюченные маскирующиеся среди коряг налимчики. Вся эта мелочь не волновала могучего воина, не на неё он точил остриё своей остроги... Но вот, словно молния, метнулась она, вздымая тысячи брызг, и в воздухе затрепетала огромная пятнистая щука, словно подводный ягуар, пронзённый во сне ночным охотником. Лодка накренилась, едва не зачерпнув правым бортом. А щука, прочертив в воздухе эволюенту окружности от контуров света, плюхнулась на хлипкое дно. Иваньков, забыв о своём боевом ранении, чертыхаясь, колотил речное чудовище якорем по голове. Эсинский, весь дрожа от охотничьего азарта, пытался ухватить этого монстра под жабы. А Дробников, с трудом удерживая свою добычу, изо всех сил прижимал острогу ко дну лодки. Силы были явно неравными и, наконец, ... лодка не выдержала и раскололась чуть ли не пополам. Холодная вода накрыла Эсинского с головой, в его руках билось в предсмертной агонии подводное чудовище, обретшее новые силы в родной стихии. Оно тащило его в ночные глубины, и, если бы не вовремя подоспевший Дробников, то дело могло бы кончиться не ухой, а смертью...

Огромный костёр из дубовых брёвен приятно согревал после ледяного купания. Горячая самогонка перекачивалась по всем жилкам, блаженно размягчая душу и тело. Над костром висел шестилитровый котелок, наполовину заполненный щучей головой. Обезглавленное тело было нанизано на стальной прут и, обмазанное крупной солью, мерно поджаривалось прямо напротив Эсинского.

*Знал я всегда, что свойственно телу
К огню, словно бабочка, устремляться...*

*Лёгкость в теле моём и чистота беспредельны!
Свежесть — только в этом и есть счастье!
Если радость с каждым днём возрастает,
То рождается непривязанность мыслей.*

*И тогда понимаешь уже свою руку,
Похожую на рыбу, повапиую на крючок рассудка...*

Эсинский сидел в тепле и полудрёме, прижавшись спиной к ослотившемуся Иванькову, и наблюдал сквозь дым и воздух, как великан Дробников расправляется с копчёной щукой и запотевшей банкой самогона. Движения его были точны и неторопливы, словно он всё ещё продолжал свою охоту на речную дичь. Насытившись, Дробников достал из кармана телогрейки тростниковую дудочку... Или это была свирель? Или сон, навеянный дымом костра? Или просто осенние грёзы? Маленькая дудочка казалась тростинкой в руках исполнина. Она непременно должна была бы сломаться, растрескаться, рассыпаться на кусочки. Но, вопреки ожиданию, этого не происходило, и, наоборот, откуда-то из самых глубин естества на свет костра вырвались звуки осенних мелодий. Дудочка была послушна и нежна, словно робкая газель, объятая гребнезубым мастодонтом...

Осень! Осень настала!.. И от инея поздней порой поседеют последние травы. Так наполним печальные чаши молодым и зелёным вином!.. Осень! Осень настала! Запылают, как будто в огне, опьянённые осенью клёны. Друг мой мудрый! Забудем печали! Я спою, ты на флейте сыграй! Осень! Осень настала! Засыпают ежи под листвой. И охотники после скитаний молча греются у костра.

И ветер врывается полночной токкатой, сквозя чрез облетающие ивы, чрез рога загрустивших лосей, чрез крупницы соли, которую сложили лесные зодчие музыки — егеря...

Долгий осенний рассвет застал триединый холмик из утомлённых охотников, осыпанный золотистой листвой, серебристым пеплом и алмазной пылью ломкого инея... Солнце разламывало горизонт на тыячи ветров и вдохновений... Чья-то непослушная рука пыталась дотянуться до банки с налётом росы и остатками самогона... Уха переродилась в заливную рыбу... Ужи и змеи готовились к зимней спячке... Туман пронзали ещё не проснувшиеся стихи...

*О солнце! На сосуд скудельный мира
Бросаешь ты прощальный слабый луч...
И мёртвая листва на крыльях ветра
Уносится неведомо куда...*

10. Viviparus viviparus

Устье большой реки. Огни бакенов и самоходных барж. Северный ветер. Дымы провинциального городка. Место рождения. Пристань. Первый снег.

Однопредсердные лужанки зарывались на зиму в речной песок. Там, в маленькой песчаной берлоге, они готовились к продолжению жизни.

С неба падали мокрые хлопья первого снега.

IV

часть

ВОЗ- ВРАЩЕНИЕ

Древний город на высоком берегу. Утлые лесенки словно дорога к небу. Снег ноября на одиноких жёлтых листьях. Водопроводные колонки и водонапорные башни. Деревянные мостики через глубокие овраги. Паром, перевозящий машины с сеном. И ещё самоходные баржи, держащие путь в сторону далёкого моря. И ещё застывшее эхо от летнего гомона чаек. И одноэтажные улицы. И заросшие парки. И рассекающая город надвое — железная дорога.

Собаки, бегущие в своё собачье Никуда. Кошки, заглядывающие в конические зерла водосточных труб. Старики, торгующие рыбой, яблоками и клюквой. Усталые рыболовы, обмывающие улов на детской площадке. И серебристый колокольный звон, пробирающийся сквозь редкие вечерние снежинки...

1. Выгибание времени

Запах детства. Встреча с городом. Пересечение гиперпространств. Запылённая бесконечность.

Эсинский неторопливо привязал свой плот к заснеженному пирсу опустелой лодочной станции. Собрал свои нехитрые пожитки. Посадил ястреба на левое плечо. Вдохнул полной грудью любимый запах своего детства — запах баржи и прибрежной ивы. Взглянул на снежинки, подсвеченные береговым бакеном-маяком, и медленно побрёл в сторону города.

Это был его город. Город, в котором он когда-то родился. Город, в котором он прожил свои первые шестнадцать лет. Огромные, необъятные шестнадцать лет. Юную искрящуюся бесконечность от нуля до отъезда.

Он входил холодным ноябрьским вечером в свой город. Он поднимался в свой город, где никто не ждал его, да и некому было ждать, где никто не избегал его любопытного взгляда и никто не дивился его странной одежде. Город, в котором он с придыханием сердца ждал встречи с тем, чему нет имени. Чего не хватало ему там, среди выщербленных пещер и транспортных потоков, среди эстетствующих друзей и хищных женщин, среди выхлопного марева и химической соли зимних дорог. Город, в котором снег тает от человеческого тепла, а не от технического смрада. Город, в котором всё ещё стоит старый дом, вернее, не дом, а памятник архитектуры, где пустует маленькая квартирка, похожая на скворечник, квартирка, доставшаяся ему от деда, квартирка, ключ от которой он носил, как нательный крест. Квартирка, в которую он не входил, с того самого времени, как исчез его сумасбродный прашур.

Обросший странник в прожжённой телогрейке с ястребом на левом плече и соломенной собакой под мышкой шёл по древним и каким-то игрушечным улицам, обходя рытвины двадцатилетней давности, уже давно исчезнувшие с земли, но ещё сохранившиеся в закоулках его памяти...

Он шёл, скорее, по городу-снимку, городу-призраку, по странным улицам-фантомам, которые уже давно умерли, перестроились, переименовались и перекрасились. Он дотрагивался до цветочных урн из сталинского армированного гипса, на месте которых теперь оставался лишь воздух. И то ли пространство сумело запомнить форму, то ли память способна так явно сформировать пространство, но ощущения гипсовой рельефности мягко стучали по подушечкам пальцев, и в матовом свете одинокого фонаря Эсинский разглядел на своих ладонях следы предпраздничной побелки...

Не было ни гипсовых урн, ни революционных праздников, ни демонстраций, но в воздухе всё ещё реяли тени от красных флагов и отзвуки военного оркестра витали над маленьким городом.

И то давнее детское время приблизилось вдруг на расстояние мгновений, а близлежащие происшествия, наоборот, отодвинулись на самый дальний край небытия.

И вот, наконец, города из «тогда» и «сейчас» сошлись на тихом перекрёстке, соединяясь в двухэтажном домике с квартиркой-скворечником, выступающей над общей крышей...

Эсинский нежно погладил дверной косяк, возвращаясь в прошлое через память рук, вспоминающих неровности древнего наличника, снял свой нательный ключ-оберег и... О, этот волнующий скрип старой двери... этот запах пыли и запустения... этот сумрак, сочащийся из узких выступающих окошек...

Отсветы уличного фонаря на сетях тонкой паутины. Некрашенный пол в пятнах от чернил и акварели. Серый бархат двадцатилетней пыли. Бюро из морёного дуба и тяжёлый почерневший буфет. Гнездо старого отшельника, покинувшего мирскую суету. Гнездо святого, приоткрывшего вечность...

Эсинский с тревогой и надеждой посмотрел в Северный угол, желая вновь обмануться. Обмануться, как тысячи раз он обманывался в своём детстве, и... угла снова не было... Стены обрывались, не дойдя с полметра до соединения, и вместо линии примыкания смотрела на Эсинского из его полудетского мира молочно-белая запылённая бесконечность...

Дед на старости лет стал увлекаться составлением красок и разукрашиваньем стен и потолков. И, видимо, подложный дар художника и поэта помог ему соорудить обманную, но вовсе не дурную бесконечность. Бесконечность, которую можно было потрогать руками и которая рассыпалась от прикосновения, превращаясь в искусно разукрашенную стенку.

И вдруг Эсинский увидел, как из пыльной бесконечности просупил полурастворившийся лик деда. Дед улыбался своей отрешённой улыбкой и, должно быть, здоровался с ним. И эта улыбка его разрушала в прах все изворотливые поиски мозга об игре теней и рецептах проступающих красок. Дед улыбался и жил в своей придуманной бесконечности. Ирреальная, потусторонняя насмешка над сухим разумом будничной жизни.

Эсинского охватила сладкая блаженная жуть, и неизвестно, чем бы закончился этот эксперимент над подкосившимся сознанием, если бы в это мгновение из «бесконечности» не выскочила мышка. Ястреб сорвался с плеча, вздымая крыльями клубы серебристой пыли и разрезая надвое серую мглу бесконечности. Мышь ускользнула из-под клюва и когтей, и вместе с мышью ускользнул из сердца жёлтый мрак сумасшествия.

2. Влюблённый винодел

Буфетной выдержки коньяк. Влюблённый винодел и дегустатор. Янтарный тост за возвращенье.

Эсинский открыл буфет и достал бутылку Армянского коньяка.

В таких домах почти всегда хранятся коньяки. Покрытые слоями паутины, настоянные в музыке сверчков, они встречаются с неожиданными гостями и для гостей устраивают праздник...

Вот и сейчас.

В осенний тихий запылённый дом ворвался запах ветра и простора, ворвался странный ястребиный крик, дым крепкой Беломорской папиросы, копчёный лещ, мороженая клюква и Ереванский солнечный коньяк...

— Ну что, мой ястреб? Это ли не праздник? Как истые пловцы — глотатели пространств, сегодня мы с тобой отметим новоселье! Вернувшись в отчий дом, откроем «Ереван»...

Ты знаешь, сей коньяк почти что мой ровесник! Буфетной выдержки! В крошечной темноте он ждал меня почти что двадцать лет!

И вот, я пью...

Остывшее сознание сливается с горячим духом виноградных лоз... Какой коньяк! Должно быть, его делал поистине влюблённый винодел. И пьёт его влюблённый дегустатор. Влюблённый в жизнь. В растаявшую вечность. В воспоминания о своих «вчера». В густой слой пыли на буфетной полке. В неубранность простого бытия...

Я поднимаю тост за возвращенье... к своим окошкам и своим ветвям, к своим заблудшим мыслям и мгновеньям, к заснеженным и мокрым нояблям...

3. Волнение времени

Ноябрьское утро. Девиации курса времени. Любовь. Осень. Вечерняя грусть. Мгновения-медузы. Переполюх пространства. Исчезновение мадеры. Созвездия. Коллапсы. Утраченная мысль. Поиски и находки. Огоньки блуждающих мгновений.

На столе остался недопитый коньяк и недоеденный ужин. Эсинский мирно дремал в старом плетёном кресле, накрывшись выцветшим пледом. Сквозь узкие вытянутые оконца пробивалось в комнату блёклое ноябрьское утро. Северный угол, предназначенный для вечности, превращался в белый экран для единственного зрителя, воспринимающего фильм не сетчаткой глаз, но кончиками подрагивающих ресниц...

На экране проступили контуры захлавленной комнаты. На полу валяются пустые бутылки и окурки от папирос. За столом сидит молодой человек и что-то пишет. Потёртый сероватый листок заполняет собою экран, и на нём со скоростью написания начинают проступать чернильные фиолетовые буквы:

Девиации курса времени становятся всё заметнее. Стали исчезать из жизни целые дни. Ещё вчера было 22-е, а сегодня уже 24-е. Причём, куда девалось 23-е — неизвестно. Быть может, это полночный ветер ворвался в окно и сорвал с моего численника календарный листок? Впрочем, откуда же у меня численник? Нет, тут дело не в ветре... Осень. Осень опускается в душу. «И от инея поздней порой поседеют последние травы».

Причём тут численник? Если в душе осень, то время перестанет течь непрерывно, и из жизни исчезают целые дни.

Банально было бы предположить, что я проспал 32 часа. Банально, тем более, что уже очень давно я страдаю осенней бессонницей...

— Понимаешь, кот,— говорит он сидящему на его коленях существу,— иногда коматозные куколки строчек начинают распускаться, и лёгкие бабочки поэм и стихотворений кружатся в беспорядочном восторге на пастбищах некошеной души. Тогда в секундах расцветает вечность и дни проходят, словно взмах ресниц. Откуда знать тебе, пушистое создание, что день уже не тот, что был вчера... Их разделяет меж собою полночь...

Конечно, можно было бы просто забыть о пропаже, если бы она была единственной, но ведь это уже непервые. И самое странное, что с каждым разом исчезновенья происходят всё длиннее... Эдак когда-нибудь, уснув на пять минут, проснёшься, а на душе морозная зима... Сугробы антарктического снега и белый холод надвигающейся смерти...

*Уткнуться
В мягкий ворох снега
Пылающим лицом.
Такой любовью
Я хочу любить.*

Естественно, причиной аберраций времени может быть Любовь, и даже иллюзия любви способна на многое. Но когда на душе безумствует осень, то Любовь утишает и ей на смену приходит вечерняя грусть.

*Густая грусть скользнула по душе.
И вдруг почувствуешь, что никому не нужен.
А может, просто выдохся уже?
А может, ещё просто не разбужен?*

Сон. Сон разума рождает чудовищ, а сон души рождает пустоту. Время проваливается в преисподнюю. Числа сыплются в колодезь пророков. Не далее как вчера было 22-е, а сегодня уже 25-е. Два дня канули в лету, и лишь круги на её воде до сих пор удаляются в уставшую бесконечность. А я, стоя на берегу времени, «по просьбе дам, хвостом помазав губы, заговорил на рыбьем языке».

Язык... Пожалуй, лабиринты языка также способны включать и выключать время. Что там день или два, поэты иногда начинают путаться в тысячелетиях. Вчера действительно было 22-е, но ещё неизвестно, какого месяца и какого года. Да и был ли вообще хоть какой-нибудь год?

Возможно, что я когда-то родился, но как-то не верится в то, что умру... И если исчезло из жизни несколько дней, то это не значит, что и вся она может где-нибудь оборваться.

Колодец времени не имеет дна... И поэтому о время практически невозможно разбить-ся, хотя, конечно же, в нём можно утонуть.

— Послушай, ветер, если ты и в самом деле умудрился сорвать листок с численника, которого у меня никогда не было, то наши дыханья коллинеарны.

Ведь ни ты ни я недолюбливаем медуз.

Эти мгновенья-медузы впадают в душу желеобразными щупальцами и подчиняют её своим похотливым прихотям, но если душа соберётся с силами и дохнёт на них холодом вечности, то медузы скукоживаются и коченеют, отпадая под ноги ороговелым хламом времени...

При глубоко-бесконечном выдохе кучи окоченного мусора, наверное, могут достигать целых дней и даже лет...

*Листая тени давних сновидений,
Сдувая пух давно минувших дней...
Ты помнишь, мы сидели на скамейке
У заколоченных дверей
Во взрослый космос.*

*Дрожание ресниц. Прикосновенье
Нежных губ. Рассвет,
Встречающий тумановым покоем.
Улыбка города.
Бессвязный гомон птиц...*

*И в том далёком «никогда»
Секунды
Напоминали белых чаек,
Высматривающих в реке жизни
Серебристых рыбёшек счастья.*

— Да что там время! Время, разумеется, может теряться. И стоит ли удивляться его исчезновению? Но вот пространство! Пространство тоже стало вдруг крошиться! Позавчера исчезла Атлантида. Тот самый материк, где гордые атланты руками притормаживали небо, которое, утративши опору, обрушилось на маленькую Землю. А год назад оборвалась звезда! Одной звездой на небе стало меньше! Лишь дырочка осталась от звезде, который прикреплял её к вселенной. Осталась только чёрная дыра, в которую стекается пространство. Остался только галактический мальстрем, в котором тонут даже электроны, и даже свет способен утонуть в его засасывающей пасти. Да что там свет, сегодня испарился... целый литр бахчисарайской марочной мадеры!!!

С утра стояло очень мирно на столе почти что ровно полтора фугаса, а вот сейчас хватился — их уж нет. Конечно, скептик скажет: «Крысы, домовые и пр.» Но просвещённый мозг на это бы ответил вот что: «Конечно, крысы и другие домовые, без всякого сомнения, пьют мадеру, но после этого в обнимку с этикеткой они, как правило, лежат, поднявши лапки, и песни заунывные поют. Когда же крыс не видно и в помине, то виновато, безусловно, притяжение далёких непонятных чёрных дыр».

*О моя возлюбленная Кассиопея,
Помнишь, как 400 лет назад
В твоём чреве вспыхнула сверхновая звезда!
(Возможно, это просто расплавилось чьё-то сознание.)
Космический пожар необходимо было затушить,
И тогда я предложил тебе глоток мадеры.*

*А ты, шоколадная жемчужина из древней Эфиопии,
С густой туманностью, укрывающей сердце,
Помнишь ли, о прекрасная Андромеда,*

*Как ночное небо,
запутавшись в складках плаща,
Вдруг обрушилось чёрной звездой,
И реликтовым светом струилась печаль
Над холодной космической мглой...*

*И этот холод абсолютного нуля
Сковал твою тумановую душу.
Что было делать?
В золотом фиале я преподнёс тебе
Глоточек солнца —
Трёхлетней выдержки отборную мадеру...*

Реликтовая печаль...

Хотя, разумеется, возможно, что всё было по-другому. Возможно, есть какая-нибудь связь в исчезновенье суток и мадеры.

Как истинный учёный, допускаю, что сам я в забытие всё это выпил, и время вместе с этим потерял. Но вот что повергает в глубочайшее сомнение: а) нет сухости во рту, б) нет головной болезни, в) коленки не дрожат, и г), и д), и е), и пр..

Хотя все эти постмадерные симптомы могли быть сняты жигулёвским пивом, но, извините, где его достать, когда уже ноябрь на дворе, сиреневая ночь и нету денег?

Вы скажете, подмога сатаны! Но, чёрт возьми, какое ему дело до моего мадерного похмелья? Нет, как хотите, я склоняюсь к небу — к его пробелам или же чернотам, они, я думаю, разрушили пространство и утянули целый литр мадеры.

Но если это так, тогда наступит о п ь я н е н и е вселенной.

Галактики проснуться с будуна. А там недалеко и до коллапса. А на столе ни капли алкоголя. И в кошельке, конечно, ни рубля. Но, впрочем, что ты там плетёшь? Ведь кошелька, как и численника, у тебя тоже никогда не было.

— Коллапсы. Время. Извержение пространства. Всё исчезает. Крошится. Дымится. И что с того? Физический континуум, материя и пр. уже по всем определениям тленны. И в том, что время и пространство исчезают, нет никакой трагедии и даже самой захудалой драмы.

Гораздо печальнее и страшнее исчезновенье мыслей. Вот, например, вчера или давно, не помню, но у меня была блистательная мысль...

О боже, как она была красива! Какая глубина! Какая ширь! Какие в ней таились парадоксы! И вдруг её куда-то унесло. Остались только жалкие обмылки. И как ни бьюсь, она всё не приходит...

И строчки уж не те. И образы тускнеют. И чувства. Даже чувства притупились.

Однако стоп! В буфете оставалось янтарных капель двадцать коньяка. Вот мой курсор для поиска пропажи. В парах вина и сигаретном дыме, быть может, и отыщется беглянка?..

Спокойно! Поиграем в детектив. Итак улики, или же следы, обломки, шелуха, осколки откровенья. Их аккуратно вытишем на лист:

*философия продолжений, амнезия истоков,
гостиница пробелов, листопад пропусков,
коллекция нулей, мастерская пустот,
музей бездонных колодцев,
сборник маргинальных межтемий,
лабиринт из нескончаемых туннелей,
подборка галактических тревог,
стихи из запятых и многоточий,
роман на тысячи белых страниц,
город, не имеющий домов,
скважина сквозь вакуум,
млечный путь подсознания,
белый шум головного мозга,
живая трещина в нарисованном небе,
рифлённый абрис ускользающей вечности,
разоблаченье облачного блюза,
звезда, ушедшая в космический тираж,
пыльца неуловимых распусканий,
дрожжащие огоньки блуждающих мгновений.*

— Огоньки блуждающих мгновений — это неплохо. Пожалуй, в этом есть тихий отзвук той самой исчезнувшей мысли. Естественно, саму её уже не вспомнить, но можно восстановить те следствия, которые из неё вытекали, и те цепочки предикатов, которые пытались её объяснить.

(Интересно, что подумает обо мне соседка, если я зайду к ней одолжиться в четыре часа утра?)

Собственно, речь идёт о дискретности времени. (Идея, конечно, всеобъемлющая, и автор, разумеется, неизвестен.)

Допустим, что существует некий атом, или квант длительности. И наше пространство перешагивает от одного мгновенья до другого, словно божественный путешественник с кочки на кочку перебирается через болото времени.

А между мгновеньями бездонные провалы, недоступные физической реальности, но открытые для вектора сознания.

Между мгновеньями как раз и скрыта вечность, та самая, в которой исчезает время...

Молодой человек подходит к зеркалу и задёргивает на нём чёрные занавеси. Садится на деревянную банкетку и достаёт саксофон из чёрного футляра. И звуки невесомых мелодий сливаются с нервным шёпотом ветра. Превращаясь в странную ультразвуковую песню. Песню, не слышимую для человеческого уха... Ультразвуковые снежинки слетаются к фонарику тёплой души. И тают. Родниковые слёзы мелодий растворяют вселенскую грусть. Мотив любви сквозит живительной метелью. Сугробы нежности ложатся на сознание.

И затвердело-посеревший мир содрогается в чарующем пароксизме песни.

Внезапно музыкант прерывает свою игру, распахивает зеркало и пишет на нём стихи золотистым маркером:

*Я иногда раскладываю ноты
На месте занавешенных зеркал,
И звуки отражённой позолоты
Ко мне приходят на случайный бал.*

*Они кружатся планетарным эхом
Вокруг Земли, как лунный дирижабль,
На грани между вечером и веком,
В тени от занавешенных зеркал...*

Слышится стук в дверь. Молодой человек, покачиваясь, выходит в прихожую. Открывает скрипящую дверь. На пороге стоит девушка удивительной красоты и нежности. В правой руке на коротком поводке коричневый спаниель, в левой — трёхлитровая пластмассовая канистрочка с жигулёвским пивом...

4. Встреча

Девочка с нижнего этажа. Двадцать лет бесполовых блужданий. Коврига хлеба да капля молока.

Эсинский просыпается от тихого стука в дверь. Он, слегка покачиваясь, выходит в прихожую и открывает скрипучую дверь. На пороге стоит девушка в коричневом вязаном свитере, опираясь на костыли. В жёлтой шёлковой авоське покачиваются бутылка молока и батон белого хлеба.

— Простите меня. Я слышала, как вы пришли. Вы кто? Вы внук Василия Тимофеича?

— Ну, вроде бы как внук? А вы? Постой, постой! Уж не Оксанка ли с второго этажа? Но что с тобой? О Боже, проходи! Ведь целых двадцать лет минуло в Лету.

— Олечка!

5. Вторая встреча

Тишина. Непогода. Старые бумаги. Тайные чернила.

Густая неземная Тишина. Лишь за окном бушует непогода. Олег читает старые бумаги, сдувая пыль простуженных времён. И вдруг находит старое письмо, то самое письмо, в котором завещанье.

Ровные каллиграфические буквы и эти, врезавшиеся в самое сердце, слова:

«... Мы живём по модулю минус три. И уходя, я даю тебе первый урок Свободы. Я знаю, тебе будет больно и тяжело. НО это та неизбежная плата за... Впрочем, слепому не объяснить, как пахнут полночные звёзды».

Здесь и должно было кончиться это письмо, здесь оно и кончалось тогда... Но сейчас...

Сейчас в нём появилось что-то ещё. Десяток строк, проступивших во времени. Эти странные тайны чернил и красок, в которые дед добавлял сок первобытных растений, кровь из левой руки и слезу из левого глаза.

Но к чему же разгадывать состав чернил, если до сих пор не доступен смысл слов? И даже смысл написания тех слов...

«Звёзды. Звёзды приоткрыли мне жизнь. Через них, и только в их свете, ты смог бы прочесть мою долгую повесть о смысле. Я оставил её в старой хижине. Ты найдёшь, если подымешься вверх по первому притоку нашей реки, уходящему на Север».

6. Всеобщая ватерлиния

Разговор у границы земли и неба. Игра в классики на квадратах воздуха. Право на город. Влияние катастроф. Несколько слов о кофеине.

Они сидели в старом парке над самой рекой. Безбрежные заснеженные луга сливались на горизонте с облачным небом. Одинокий буксир-утюжок шёл на Север. Снежинки опу-

кались к ним на плечи. И там, среди порхающих снежинок, витал их хрупкий непонятный разговор:

.....

— Я ведь, как и тот утомлённый аргентинец, ни от чего не отказываюсь, просто поступаю так, чтобы всё сущее отказалось от меня. Ведь когда прорывают ход, землю (или что там ещё?), роют, роют и отбрасывают подальше.

— Так, значит, право на город...

— Вот именно, теперь ты близка к истине. Вспомни слова: «Nous ne sommes pas au monde». А теперь осторожно заостри эту мысль.

— Пускай нас нет. Но мир, который существует в нас...

— Он жаждет катастроф. Из них рождаются поэмы и поэты. Из них выходят буквы и слова. И снег Любви. И листопад желаний. И тонкий дым движений в никуда.

— Но ведь нельзя же спровоцировать Любовь или Стихи...

— Конечно, нет, но это и не надо. Достаточно не прятаться от жизни и не бояться непонятных снов. Достаточно увидеть отражение своего лица в осеннем небе. Достаточно услышать музыку снежного ветра. Достаточно встретить девушку, с которой ты когда-то играл в классики на весеннем подсыхающем асфальте, и продолжить эту игру на квадратах морозного воздуха...

— Олег...

— Прости, я не хотел сделать тебе больно. Но поверь мне, гораздо страшнее, если начинает хромать душа.

— Я замёрзла. Пойдём пить кофе.

— *Пойдём пить кофе в парковой кофейне!*

Где пучеглазые доверчивые мысли

Толкутся среди разряженных бутылок

И завсегдатаи подсчитывают градус,

Деля его на литры и рубли...

Мы сядем у окна, закажем кофе,

Немного коньяка и шоколада,

И растворимся на границе чашки,

На кончике столовой чайной ложки,

На ватерлинии прощенья и любви...

7. Выбор выбора

Хаос в утренней кофейне. Демонстрация счастья. Прологомены романа.

В кофейне-стекляшке за столиком с белой скатертью в красную клетку их обслуживал толстый загорелый буфетчик в засаленном халате. Сиреневым дымком дышало кофе. И лампы отражались в коньяке. Оксана грела замёрзшие руки об горячую чашку. Эсинский отогревался всей душой в этом воздухе, знакомом с самого детства.

— Я предпочитаю необязательность плановости. Я равнодушен к порядку. Мне нравится хаос, буря, лёгкое безумство. Мне нравится покой и тишина. И этот кофе в утренней кофейне. И северный ветер, запутывавшийся в моих волосах...

— Однажды, когда я была ещё совсем маленькой, мы пошли с отцом на Первомайскую демонстрацию. Он посадил меня к себе на плечи. И подо мной расстилалось огромное море простого человеческого счастья. Люди несли бумажные цветы, привязанные к распускающимся веточкам берёзы, красные флаги и воздушные шары, они кричали ура и пели песни. Два раза в год людей заставляли выходить на улицы и радоваться. И, как ни странно, всеобщее единение и ликование срабатывало. Разноцветное счастье каким-то непонятным

образом удавалось поймать. И эти ежегодные, по всей своей сути абсурдные, демонстрации, не протеста, но поддержки чего-то, о чём толком-то никто и не помнил, становились настоящей демонстрацией счастья.

— Счастье — это черта характера.

Поверь мне, среди твоих демонстрантов были невольники Идеи или Антиидеи (что по большому счёту одно и то же), и они были скорее утомлены, чем счастливы. А впрочем, причём тут счастье? Микроскопическая доза героина тоже может сделать счастливым. Я говорю о предпочтении или выборе...

— Недавно я прочла одну историю, в которой человек потерял или даже невольно продал свою возлюбленную. Он искал её всю свою жизнь, а потом нашёл в своей дочери и в клубке красной овечьей шерсти...

— Если я когда-нибудь напишу свой роман, то он будет совершенно необязателен и воздушен, как тополиный пух в июне или снег в январе. Каждая строчка будет жить в нём своей удивительной жизнью. Каждая фраза будет полна безумства и любви. Каждая глава будет лёгким поэтическим отрывком. И читать его можно будет, словно сборник стихов, — с любой страницы. Но и, однако, он будет связан единой паутинкой, паучком в которой буду я сам.

— А я бы согласилась стать твоей доверчивой мушкой.

— Мы бы сидели в кофейне-стекляшке на высоком берегу реки и рассуждали о счастье.

— А оно пронзало бы нас сквозь аромат кофе и запах папирос, задерживаясь на ничего не значащих фразах.

— Всё началось бы с того, что однажды один человек (быть может, я) вышел на работу, а по дороге задержался, чтобы увидеть солнце сквозь дворовую арку, там его застал дождь, и ему пришлось согреться портвейном. Потом с ним случилось что-то непонятное, какой-то провал, какой-то выход в совсем иные комнаты и двери, и он очнулся в поезде, идущем к океану, а с ним бы ехала маленькая девочка, которую он вырвал из привокзальной серости...

— Это была бы я?

— Не совсем, но, впрочем, как и в той хорватской повести, я бы узнал в ней тебя или, наоборот, её в тебе...

Потом настал бы длительный период для одиноких странствий и случайных встреч, для снов и грёз, для гроз и вдохновений, для удивительных скитаний и поэм...

— Я бы хотела, чтобы они были вместе, я бы совсем не ревновала тебя к ней, я бы стала ей старшей сестрой, и мы бы связали с ней для тебя свитер из красной овечьей шерсти.

— Видишь ли, все романы текут по своим законам, обязательным или необязательным — это неважно. Мы с тобой можем сидеть в кофейне или на затонувшей барже, или на заброшенной водонапорной башне, или в роскошном европейском ресторане, но мы не сможем никогда сказать того, чего мы не сможем сказать, и мы не сможем сделать того, что мы не сможем сделать.

— Но я хочу, чтобы всё закончилось хорошо, мне не нравятся романы с печальным концом.

— Видишь ли, если тебе заранее известен конец, то стоит ли и начинать писание?

— Тогда не стоит жить...

— Вот тут ты не права. Ведь самая большая неизвестность — это смерть.

8. Вослед Ваноски

Зима. Суп на плите. Газеты. Голоса друзей.

За окном хозяйничает пушкинская зима с чудесным днём, когда мороз и солнце. На электрической плитке варится гороховый суп из пакетов. На кушетке, прикрывшись пледом, дремлет Оксана. Эсинский сидит в плетёном кресле и с удивлением читает столичные газеты. Оказывается, мир здорово изменился. И сегодня (ну надо же!) вся просвещённая Рос-

сия (жалко, не человечество!) скорбит по поводу (подумать только!) полугодового исчезновения талантливого русского поэта (вот оно как!) Олега Эсинского. О Господи! Как, оказывается, у него много было друзей и близких.

«Прошло шесть месяцев после трагического и непонятного исчезновения молодого талантливого Поэта. Поэта с большой буквы.

Чтобы он ни делал, во всём чувствовалось его творческое поэтическое дыхание. Олег Эсинский оставил после себя огромное наследие: это и детские книжки, и тонкая элитарная проза, и пронзительные лиричнейшие стихи, и художественные эссе, и философские трактаты, и даже научные работы.

Сейчас работает комиссия по творческому наследию писателя, и в скором времени планируется выход собрания сочинений».

— Во дают братки журналисты! Так-так! Ну-ка, а здесь?

«Он действительно был поэт! Он был поэтом по жизни! Стоило ему появиться, как тут же начинали происходить События. Олег, словно поэтический катализатор, притягивал к себе всевозможные истории и приключения. Это был Сирано де Бержерак современности, но только без физических недостатков, и, чтобы рассказывать хотя бы о части его похождений, нужно обладать даром Ростана».

— Ну, спасибо тебе, Светланка, вот уж не думал, что я такой.

«Он жил и писал по праву дождя, по праву капель, сходящих на землю. По этому же праву он и исчез из жизни. Я склоняю голову перед его светлым образом и надеюсь, что вскоре всё просвещённое человечество сможет погрузиться в метания его пламенной души».

— Ай да Павел Трофимыч! Во загнул! А это что? Никак интервью со стариной Михеичем?

«В тот день мы отправились смотреть на солнце, но случился дождик, мы спрятались в арке и грелись около костра, потом пришла Венера и нас с нею забрали в милицию, а Олежек остался совсем один и куда-то пропал».

— А это, похоже, Игорёк Окский похвалы расточает.

«Он был добрым, я не помню, чтобы он кого-то ругал, критиковал. Самые суровые его слова были: «Я далёк от этого».

Единственно, что ему никогда не нравилось, это если писатели начинали учить жизни. «У каждого должен быть свой внутренний опыт», — считал Олег, — «и что хорошо для Юпитера, то несъедобно для быка».

У него не было никаких претензий на успех. «С какой стати кто-то должен восторгаться моей поэзией, кроме меня самого?» — говорил он. — «Творчество — это способ жизни, инструмент познания или просто-напросто праздник души, но не нужно искать в нём мессианства, нельзя подчинять его идеологиям, задачам и принципам. Оно самоценно само по себе. И то, что из сотен тысяч слов моё сознание выбрало десяток, осуществив короткий вздох гармонии, в этом уже и есть великое чудо и великий смысл».

Он относился к себе, как к гению, но не считал себя чем-то особенным. «В каждом человеке живёт свой гений, но не каждый в состоянии поверить в него», — утверждал он».

— Неужели я и впрямь был таким умным?

А вот это, пожалуй, интересно... Миша Погарский. Один из немногих, кто был мне по настоящему близок.

«Возможно, мой голос несколько выбьется из общего хора, но я не могу поверить в то, что Олег погиб. Он просто ушёл. Ушёл случайно, зазевавшись, проспав остановку или сев не в тот поезд. А когда осознал свою ошибку, то не стал исправлять её. Это было не в его правилах. Он очень любил свои ошибки, опечатки, неточности и шероховатости. Если всё это как следует вылизать, говорил он, то можно угодить в хрестоматию по литературе (чего, по его мнению, делать не следовало). Поэзия должна дышать и быть неправильной. Она должна нарушать традиции и каноны...

Возможно, что он поступил сознательно, подобно своему любимому Урбино Ваноски, «который решил чего-то не пережить, то ли бесславия, то ли некой драмы, и покончить, но ещё более решительно, чем просто с жизнью, а именно, что со с в о е й жизнью, в корне

изменив её образ, включая и собственное имя, на манер тех японских поэтов, что к сорока годам, достигнув всего, бросают это всё, исчезают, испаряются и, добившись нищеты и инкогнито, начинают поэтический путь с нуля, как никому ещё не ведомые, но уже наверняка гении...»

И я уверен, что в настоящее время он живёт в каком-нибудь богом забытом местечке и пишет свой поэтический роман, который весь состоит из стихов на осенних листьях, обрывков газет, клочков житейских разговоров и расписаний дальних поездов...»

9. Вдувание и выравнивание

Зимний вечер. Надежда на Бога. Номера. Объявление в журнале «Мурзилка».

Зимний пушкинский вечер, когда за окошком и снежные вихри, и мгла, и буря. А в комнату-скворечник сквозь непроклеенные окна влетает ледяная шелуха. И весь дом слегка покачивается и скрипит. И угол вечности покрылся тонким налётом инея.

Оксана, закутавшись в плед, сидит в плетёном кресле и греет руки об железную кружку с крепким чаем.

Эсинский впервые с удивлением рассматривает пачку долларов, взятых из чемодана на первое время (*и время для рассматривания наконец-то появилось*).

Серозелёный Independence hall, довольный и сытый Франклин, Соединённые штаты, полагающиеся на Бога. И длинный зелёный номер из двух букв и восьми цифр. Вот этот номер и настораживает Эсинского. Он вертит серо-зелёные бумажки и бормочет:

— На Бога. На Бога, конечно, надейся, но и сам не плошай. Это пусть американцы надеются на Бога...

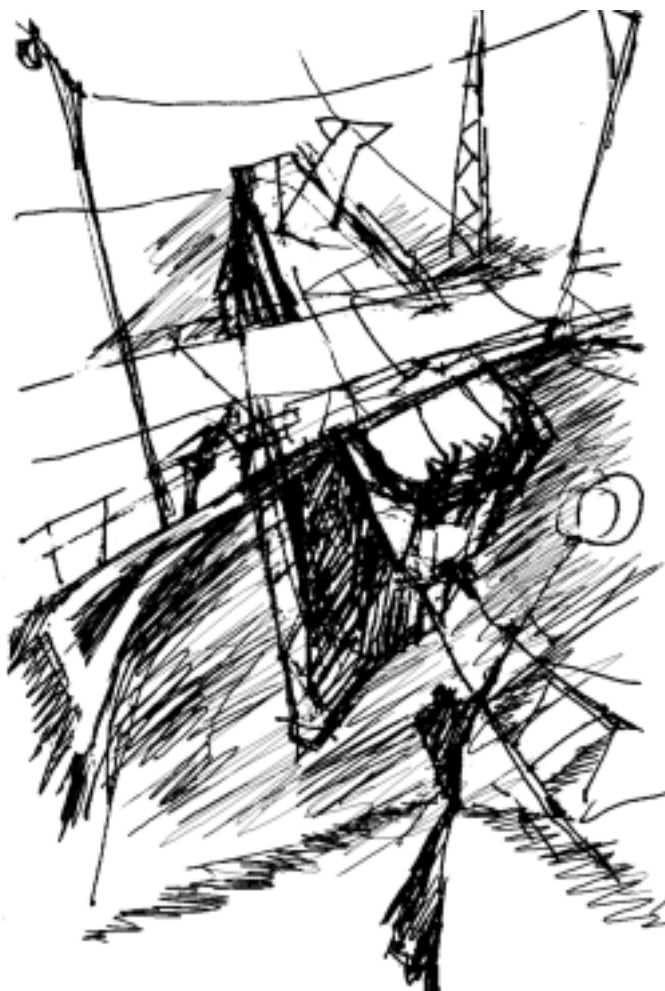
И всё-таки номера должны быть разные! Не могут быть номера одинаковыми. Если номера одинаковые, то это подделка, и причём очень плохая подделка! А значит... значит, Центробанк занимается... Постой, постой! Причём тут Центробанк? То есть получается, что он... Получается, что он вляпался совсем в другую историю... Получается...

— Ты знаешь, Оксанка, похоже, наш роман и в самом деле закончится хорошо! Похоже, завтра мы поедем с тобою в Москву, чтобы дать объявление в журнале «Мурзилка» для дяди Дверкина и Оксаны Маечкиной. Кто такой Дверкин? Дверкин — друг моего деда и мой друг, и друг Оксаны Маечкиной, он когда-то был одним из самых талантливых сомнамбул, но однажды, подобно Мокадасу аль Сафер, полностью утратил свой дар. Кто такой Мокадас аль Сафер? Согласно Хазарскому словарю Милорада Павича, Мокадас аль Сафер был одним из самых искусных толкователей снов. Ему удалось ближе всех подступиться к их тайне, в чужих снах он умел укрощать рыб, открывать двери, вообще нырять глубже других, до Самого Бога, Который на дне каждого сна.

к о м м е н т а р и и к р о м а н у « В В »

и л и

ВЕКСЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

Писать комментарии к собственному тексту — это уже претензия. Что же это за текст такой, который требует пояснений? Почему не писать так, чтобы не оставалось никаких таких туманностей и тёмных мест? Почему? Да потому, что это роман, а не прогноз погоды, вот почему!

Тогда зачем же разъяснять? Зачем разжёвывать? Вы что, читателя за дурака держите?.. А кто, собственно, сказал, что я собираюсь что-то разъяснять? Отнюдь... Я, может, хочу, наоборот, затемнить очевидности?

Комментарии — это своего рода жанр. Прекрасный жанр, позволяющий совершить отстранение, взглянуть на своё детище с точки зрения заинтересованного читателя и, в конце-то концов, самому понять, а что же ты тут такое напisał.

Не стоит полагать, однако, что комментарии следует читать параллельно тексту. Более того, такой параллелизм крайне нежелателен. Поскольку существуют они (комментарии) здесь на правах дополнительности. И поэтому, читая текст романа, нужно напрочь забыть о комментариях, точно так же, как мы забываем о том, что текст состоит из букв и знаков препинания.

Равно тому и комментарии предпочтительно читать, не напрягаясь воспоминаниями, к какому месту они относятся, и воспринимать их просто, как короткие отвлечённые эссе, на ничем не связанные темы.

После прочтения комментариев, можно снова вернуться к чтению романа, и, возможно, восприятие будет совершенно другим, правда, не факт, что оно изменится в лучшую сторону.

Итак:

В.В. — заглавие романа, конечно же, случайно и, разумеется, далеко не случайно. Каждая буква для меня — это целый мир. Это соната. Храм. Это поток из цвета, вкуса и аромата. Это и своя философия.

Буква гораздо больше слова, а тем более фразы, и я уж не говорю о тексте. Представьте себе букву, как таковую. Не знак, не звук, не рисунок, а Букву, пронзающую одновременно мириады слов. Поддерживающую сотни стихов и учёных трактатов. Участвующую в тысячах разговоров. Осуществляющую жизнь языка во всей его красе и неприглядности.

И у каждой буквы есть своё лицо, своя история, свои симпатии и антипатии, свой образ жизни.

Буква В одна из моих любимых. Мне нравится её рисунок, её звучание, её участие в лексике и даже её алфавитный номер. В своём философско-поэтическом трактате «История буквы» я посвятил ей нижеследующий текст:

В — бесконечность, вставшая на дыбы, отвергнувшая горизонт, отвергнувшая стремление вперёд, полюбившая верх.

Высота.

Вертикальный взлёт.

Виртуальное возвышение.

Вернее-верного вероятность.

Вот-вот возросшее волнение.

В этом суть буквы «В». Хотя, впрочем, в ней нет никакой сути. Она появилась случайно. «А» загнула в порыве ревности Великий Б-перпендикуляр, пытаясь лишить эту букву полёта. Но возникла новая буква и ничего больше. Альфа-мир перешёл в новую фазу. И сегодня мы, ничтоже сумняшеся, ведём свой рассказ о вертикальной вечности.

* * *

Шутки Цельсия вызывают метели. Шутки Хаоса вызывают буквы. Буквы сродни метеоям. Есть в них эта тихая, подспудная вьюга. Есть в них вызов застою миру. В тихом омуте сокрыты водопавы. В покато́м сугробе спрятаны вьюги. В простенькой букве лежит детонатор к интеллектуальному взрыву, к выходу за пределы обычного направления, к великому потрясению всех основ и воззваний.

* * *

Первое решение хрупкой души. Болезнь созидания. Вымысел. Новое прочтение первых поэтов. Вход в бесконечность и выход из неё. Загадка сквозняков и насморка. Отупелость. Колючая проволока. Холод и вой.

Ветер. Вой и ветер. Вой.

Виртуозно взвешенный воздух! Веление равенства. Готовое облако счастья. Снеговые барханы.

Возможно, дождь — это только разбитое облако, но, может быть, это — слёзы одинокого неба.

Где начинается одна фраза, и где усредняется весь текст? Сколько букв в слове Бог? Как звучит звук в бесконечности? Какие силы собирают мысли?

* * *

Твердь.

Аки ушедший неведомо куда седобородый плотник. Что он соорудил там, в своём изгнании? Какие ещё ковчег? Вовсе и не ковчег, он специалист по крестам. Хотите распять на кресте? Пожалуйста, будет Вам косой крест. Хотите считать его двойной виселицей? И это возможно. Функциональное назначение вещи не есть её внутренний стержень. Каково назначение стиха? Быть написанным или быть прочитанным? Или стать песней? Или разрушить город? Или захлебнуть душу? Или улететь в лазоревую даль на багряном кленовом листе? Но тогда где же стержень стиха? В бессонной ночи пьяного поэта? В шуме ветра за окном? Лёгком сне любимой женщины? Скрипе сосновой половицы и голубом дымке от кофейной чашки?

Твердь. Твердь и тайна. И доподлинно известно только одно: стержень, смысл и назначение стиха в...

И ещё раз скажу: «В» — великая и необъятная буква. Гораздо больше, чем этот роман вместе со всеми комментариями к нему. И только с целью ограничения неопределённости я рискнул добавить в заглавие вторую «В». Косвенной причиной послужил и тот факт, что в славянском алфавите нет двойного «В» и как бы в возмещение ущерба...

Теперь об отсечении толкований. Их немного. В.В. не претендует на аллюзии к инициалам писателей: Набокова, Розанова, Вересаева, Крестовского и Ерофеева; поэтов: Хлебникова, Маяковского и Каменского; пианиста Сафроничского и политика Жириновского; начальным буквам города Вышний Волочок и деревни Верхние Валуйки; к сокращению множественного числа слова век, а также к аббревиатурам русским: ввод-вывод, Верхне-Волжский, вертикальное вытягивание (листового стекла), весло вальковое (для спасательных шлюпок), взрывчатое вещество, внешняя валюта, внутренние войска, внутренний водопровод, внутренняя валюта, внутренняя волна, водо-водяной (реактор), военно-ветеринарный, военно-воздушный, военно-врачебный, военное ведомство, «Военный вестник» (журнал), воздушно-воздушный (радиатор), война великая, всеобщая воинская (подготовка), вспомогательный вал, вспомогательный выключатель, выдержка времени, выключатель воздушный, выключатель высоковольтный, высокий воздушный (взрыв), высоковольтный, высоковязкий, высшее военное (училище), вытяжной вентилятор; латинским: *via versa* (наоборот, обратно), *vice versa* (на обороте, на другой стороне), *vitularia via* (дорога в стране Арпинской), *vis viva* (живая сила (кинетическая энергия)); цыганским: вортэ-чийа врэжыторыя (товарищество колдунов), ворто ворба (прямое слово); английским: *vice version* (версия порока), *vino vim* (сила вина); немецким: *von vorn* (спереди); польским: *wyżej wymieniony* (вышеупомянутый); *wydarty wybor* (вырванный выбор) и другим прочим сокращениям.

РОМАН-СТИХ — Жанр, в котором создано это творенье, размыт и неопределён. Он ни в коей мере не пересекается с романом в стихах, равно как и со стихами из романов.

Поэзия пронзает тело текста, точно так же, как утро пронзает жизнь... И если рябь на воде способна подчиняться законам жанра, то что можно сказать о литературной ряби на берегах чернил?

Понимание того, каким способом нужно выстраивать буквы, чтобы осуществилась рифма, — не есть поэзия.

Но и роман не обязан обладать всеми там завязками и кульминациями. На то он и стих, чтобы развиваться стихийно, подвластно лишь ветру, веющему из книг, и закону воды, прижимающей к Земле.

Роман-стих — это не жанр, но дыхание жанра. Дыхание продвижения сквозь неизвестность...

Попытки определения в пространстве текста возможны с самых разных сторон.

Роман-стих — это внутренний ветер движения слов.

Если же рассматривать текст с позиции созидającego времени, тогда он станет *романом выходного дня*, поскольку там он, чаще всего, и создавался, и там же наступило его внутреннее развитие. Если же вслушиваться в звуковую канву романа, то он превращается в осеннее соло для флейты с элементами блюза и вкраплениями русской гармошки. Если же взглянуть на словесную картину с разноцветной точки зрения, то в ней преобладают акварельные тона с фрагментами нежного импрессионизма, где лейтмотивом может быть «Песчаный берег» Поля Синьяка (и о лучшей обложке я бы не хотел и мечтать). В архитектурном смысле текст тяготеет к *роману-ковчегу*, в театральном — к *карнавалу для одного*, в философском — к *трактату-поиску*, в религиозном — к *проповеди жизни*.

Но *роман-стих* — это ещё и внутренняя тишина, необходимая для прочтения, осуществляющая тонкую связь между автором, читателем и героем.

Не следует ждать от него художественного описания мирового пространства. Не стоит искать в нём наркотических свойств детектива. Не нужно непременно следовать за тихо льющим сюжетом.

Лучше всего относится к нему как к сборнику пейзажных зарисовок на бескрайних ландшафтах души.

Лучше несколько раз не дочитать и столько же раз возвращаться, чем один раз пере-читать, не ощутив, однако, его внутреннего тепла.

ВАРИАНТЫ ВЫБОРА — для читателей, привыкших к однозначности трактовок и не уважающих расплывчатость, предложен список названий, из которого они могут выбрать себе заглавие, согласуясь с собственным вкусом.

ВЛЕЧЕНИЕ ВЕТРА — Герои романа словно стихи, написанные на осенних листьях, которые прихотливый поэт доверяет лишь ветру, небу и облакам. В древнекитайской поэзии стихи на осенних листьях были символом любви. А какой же автор не любит своих героев?

ВНУК ВОРА — Мой дед Василий Тимофеевич Погарский был не просто вором, но настоящим клептоманом. По рассказам тётушки Александры Васильевны, он не мог проехать мимо чужого стога сена, чтобы не выдернуть пучок для своей лошадки. Занимался он и скупкой краденного, и проворачивал всевозможные аферы.

По семейным легендам они вместе с прадедом подожгли свою, наперёд застрахованную, посудную лавку, вынеся оттуда всё ценное и получив страховку по полной.

Мой отец Валентин Васильевич был тринадцатым ребёнком в семье. Дед отпраздновал рождение последнего сына в тюрьме. Вскоре бабушка развелась со своим непутёвым мужем. А де-душка, вернувшись из лагерей, работал сначала извозчиком, а потом трубочистом. И при этом постоянно воровал: то крынку молока втихаря выпьет, то кусок мыла в карман положит. А хозяева выставляли счёт на украденное его прежней семье. После войны уже практически

спившийся старик подал в суд на своих детей с целью получения алиментов. И суд удовлетворил его просьбу. Умер дед во Владимирской психушке от белой горячки.

Этот краткий экскурс в мою родословную ровным счётом не имеет никакого отношения к роману, а зачем я его сделал, мне, честно говоря, не ясно.

ВТОРАЯ ВЕРА — Словосочетание явно абсурдное. Может быть второе гражданство, вторая жена, вторая работа, но второй веры, как и второй свежести, быть не может. Вера либо есть, либо нет. И казалось бы, нечего тут рассусоливать, но слово «второй» может использоваться не в смысле последовательности, а в смысле перемещения на новый уровень, и, возможно, так оно здесь и используется.

ВОССОЗДАНИЕ ВАВИЛОНА — Построить литературный Вавилон — Храм от Земли до Неба — это ли не мечта любого писателя? И в отличие от реальной Вавилонской башни, задача в принципе вполне разрешимая.

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЗДУХА — Это словосочетание обладает определённой двусмысленностью. До конца не ясно, о чём же идёт речь? Имеются ли в виду воспоминания о воздухе, или же речь о памяти воздушных потоков? Второе толкование может показаться бессмысленным, но лишь на первый и невнимательный взгляд. Сравнительно недавно был открыт эффект памяти формы, присущий некоторым металлам. Думается, не за горами и открытие памяти воздуха. Речь идёт о своеобразной консервации эха без записывающих электронных устройств. Нечто подобное было описано Рэем Брэдбери в рассказе «Ветер», с той лишь разницей, что Ветер Брэдбери был злым и обладал памятью убитых им людей, а мой ветер впитывает в себя лучшие строки лучших поэтов и, врезаясь в лицо человечества, будит в нём поэтические струны сумасбродств и скитаний.

ВОСХОЖДЕНИЕ ВОВНУТРЬ — Путешествие к глубинам собственного Я не менее увлекательно и опасно, чем покорение горных вершин. Далеко не каждый способен пройти этот путь до конца и не сорваться.

ВЛИЯНИЯ ВОГЛЕА — Согласно Даниилу Андрееву, «Воглеа — имя великого демона женственной природы, виновника катастрофы, некогда постигшей человечество Лунной брамфатуры. Долгое время находясь в полуизоляции, враждуя и с Провиденциальными силами, и отчасти с Гаттунгром, Воглеа ныне сопрягает свои усилия с усилиями планетарного демона».

Соглашаясь в деталях с величайшим мистиком XX века, я расхожусь с ним в принципиальном плане, ибо не допускаю существования злых сил за пределами человечества. По моему глубокому убеждению, в потустороннем мире полностью отсутствуют понятия добра и зла, хотя, вполне возможно, существуют определённые разногласия по поводу путей развития. В этом смысле демон Воглеа — воплощение некоей поэтической силы, сопряжённой с влиянием Луны. И если притяжение ночного светила вызывает морские приливы, то дыхание Воглеа производит волнение внутри души и сознания.

ВАКХАНАЛИЯ ВАКУУМА — Сначала не было ничего, кроме ложного вакуума. И то ли от белой тоски, то ли от чёрной меланхолии ложный вакуум однажды взорвался, осуществляя вселенную. Мировое пространство и есть вакханалия вакуума.

ВОРКУЮЩИЙ ВАЛЬС — Вакуум закружился в воркующем вальсе вечности, зажигая на небе млечный мост звёздной любви. Отныне пространство пронзила поэзия вальса, и наступило великое вращение планет и галактик.

ВАСИЛЬКОВАЯ ВАЛЮТА — Аллюзия на поэтический текст И.Каламийцева «Среди цветов»: «И тогда они придумали деньги из лепестков васильков. Деньги, которые ценились, пока были свежи и пахучи... Всего за несколько васильковых монет можно было получить тоненькую улыбку любви или солнечный поцелуй страсти...»

ВЫХОД ВБОК — В нашей жизни изобилует двусторонняя направленность: мы живём от рождения к смерти (или бессмертию, что непринципиально), мы пишем от начала к концу (так или иначе сводим концы с концами), мы движемся из прошлого в будущее и т.д. НО существует Великий ВЫХОД ВБОК, открыть и воспользоваться которым дано далеко не каждому.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА — Эта совершенно замечательная игрушка, разумеется, наполнена божественным смыслом. Это именно и есть вставшая на дыбы бесконечность. И как бы мы ни старались, нам не удастся положить её на пол. Можно, конечно, разбить, но не разлетимся ли и мы вслед за ней?

ВИРУС ВЕЛЕСА — Велес (Волос) В славянской мифологии «скотий бог», покровитель домашних животных и бог богатства. Один из самых почитаемых богов в древней Руси. И если Перун считался богом княжеской дружины, то Велес был богом вся Руси. Велес — родоначальник славянской поэзии. И не случайно именно ему посвящена таинственная Велесова книга, переворачивающая современные представления о древнерусской истории. И абсолютно не важно, является ли эта великая книга мистификацией или подлинным памятником культуры, и в том и в другом случае гениальность этого текста несомненна.

Словосочетание вирус Велеса — это метафора, обозначающая: приобщение к поэзии.

ВЫМПЕЛ ВСТРЕЧИ — Рукопожатие? Поцелуй? Объятие? Может быть, визитная карточка? Ничего подобного! Просто красивое соединенье слов.

ВДРУГ-ВЕКТОР — это ни много ни мало: вновь выдуманная философская категория и новый математический объект. Градиент этого вектора есть неопределённость типа бесконечность, делённая на ноль. Направление и модуль вдруг-вектора связаны соотношением неопределённостей Гейзенберга, то есть чем больше мы знаем о модуле, тем меньше о направлении и наоборот. С метафизической точки зрения вдруг-вектор определяет курс и скорость движения нашего духа, ибо каждый шаг по комнатам нашей души оставляет нам полную неясность в величине и правильности.

ВЕКСЕЛЬ ВЕЧНОСТИ — В широком смысле это каждое мгновение. В узком — создание чего-то великого.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕРХА — Во вселенной не так-то много мест, обладающих верхом. Собственно только точки притяжения. Планеты и звёзды — островки вертикальных направлений. А в промежутках между ними царит скучное равноправие. Приоритет подъёма исчезает.

ВАГОННАЯ ВЕСНА — Вообще говоря, весна это не только время года, но время расцвета. Стало быть, речь идёт о расцвете вагона. Только вагоны распускаются не цветами, а людьми и течением обстоятельств.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЗЛОМЩИК — Возможно, здесь есть намёк на героя Толкиена Бильбо Бэггинса, который стал взломщиком, сам того не ведая. А может быть, на Бельмондо из замечательного фильма «Великолепный», в котором писатель и его герой взаимопроникают друг в друга. Не исключено, что тут есть определённая аллюзия на мультфильм «Великолепный Гоша». А вполне допустимо, что это, так... — никуда не ведущие звуки.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ВИКИНГ — Среди бесконечного разброда толкований этого восемнадцатизначного сочетания есть два взаимоисключающих, на которые стоит обратить благосклонное читательское внимание:

1. Викинг, посланный из сознания творца в виртуальную вселенную романа.
2. Викинг, посланный из виртуальной (кажущейся) жизни в ничего не подозревающее сознание творца.

ВИНОГРАДНАЯ ВИОЛА — Конечно, допустимо и абсолютно прямое толкование: виола, сделанная из древесины винограда (в этом случае речь должна идти о виоле да браччо, которую держат левой рукой, как скрипку или альт, и, прижимаясь щекой к вибрирующей от звука древесины, опьянённые музыкой уносятся в иные измерения).

Но ко всему сказанному необходимо добавить, что герой, автор и прототип героя родились под знаком Винограда.

Этот знак, согласно астрологии друидов, охватывает период с 2 по 29 сентября. Известная исследовательница кельтской мифологии Хелена Паттерсон пишет: «Своим названием виноград обязан слову *viēre*, что означает «извиваться», и соответствует его спиралеобразным побегам. Символизм спирали был очень важной частью мистицизма друидов и их ритуального зодиака. Изначальное деление суток на ночь и день было основой кельтской концепции времени, как измерения, у которого нет границ, — есть только вход и выход». (пер. издательства «Ваклер»)

Итак, символика виноградной спирали, соединённая с музыкой средневековой виолы... возможно, именно здесь сокрыта ускользающая суть этого виоло-винного романа.

ВЛАДИМИР ЭСИНСКИЙ — Поэт и мыслитель, мастер верлибра, физик, а также мой очень хороший друг. Он послужил прообразом главного героя. Хотя, конечно, большую и лучшую свою половину герой получил от меня, а всё нехорошее исключительно от Эсинского. Хотя этого нехорошего в нём до сих пор лично мне обнаружить не удалось (любовь глаза застит).

Сначала я предполагал изменить фамилию героя, дабы не подставлять своего друга, но оказалось, что это сделать не так-то просто. Звуковая плоть романа от такого насилия распадалась просто-напросто в лошкаты. Тогда пришлось поставить реальному Эсинскому ящик пива и предложить ему пойти на подвиг служения литературе. На что этот пессимист мне высказался в том смысле, что такую галиматью не прочтёт ни один нормальный человек, а гладить шнурки перед походом в сумасшедший дом вовсе не обязательно.

Что же касается имени, то его пришлось изменить, поскольку герой вовсе не владеет миром, а только всё куда-то собирает да вещает. Поэтому и Олег, а не Владимир.

Не откажу себе в удовольствии познакомить читателя с моими поэтическими зарисовками, появившимися задолго до начала романа. Эти зарисовки прольют свет на дороманную жизнь главного героя и на его взаимоотношения с автором, то бишь мной.

Читать эти письма должно, напрочь забыв о существовании романа, и относиться к ним нужно легко и непринуждённо, а то шарики, на которых они написаны, могут просто-напросто лопнуть. Итак:

ПИСЬМЕНА НА ВОЗДУШНЫХ ШАРИКАХ

красный шарик

НЕ ХВАТАЕТ

Вот так живёшь, живёшь, и всё-то у тебя вроде бы хорошо, но чего-то не хватает: то ли славы, то ли денег, то ли любви, то ли земли под ногами.

Пошёл я к моему другу Володе Эсинскому, а Володя, он как бы поэт и физик в одном лице, причём не то чтобы там трактаты о природе вещей в стихах писать, а так по жизни. Вот Эс мне и говорит: «А какие проблемы? Слава нужна — иди и взорви Кремль, деньги — ограбь банк, любовь — заведи собаку, а уж о земле я и вообще не говорю».

А что, думаю, чем чёрт не шутит? Забёл собаку. Ограбил банк. Взорвал Кремль. Стал богат, любим и знаменит, но чего-то всё-таки не хватает.

Пошёл снова к Эсинскому. «Неба у тебя в душе не хватает,— говорит Эс,— неба.., а без неба в душе, сам понимаешь».

Отправился я к одному знакомому экстрасенсу, заказал ему безоблачное небо и голубиную стаю.

Смотрю: небо огромное, стая кружится, всё вроде хорошо, да что-то нехорошо.

«Всё ясно,— говорит Эс,— таким людям, как ты, безоблачное небо не годится, таким нужен дождь и ветер. Ты когда родился? То-то и оно. Дождь и ветер, а иначе сам понимаешь...»

Наслал мне экстрасенс осеннюю распутицу в душу. Чего, казалось бы, лучше, но что-то всё-таки тревожит, не так что-то, не то...

«Ладно,— говорит Эс,— раз ничего не помогает, то построй плот из консервных банок — и в Сибирь, единственная надежда».

Целый год питался одними консервами. Накопил 730 банок. Спаял плот, получился не очень большой, но и не маленький. В самый раз получился. Спустился по Мане и Енисею. Дошёл до Океана. Жил в чуме. Ел тюленя. Охотился. Очень изрядно. Но...

«Остаётся только одно,— говорит Эс,— повеситься. Повеситься иногда очень помогает».

Повесился. И тем не менее чего-то мне всё-таки не хватает.

голубой шарик

СОСУЛЬКИ

В моей душе образовались сосульки. Сначала был ужасный снегопад. Всю душу занесло холодным снегом. Потом проглянуло весеннее солнышко, и душа потекла, но март дожнул морозной ночью, и в душе образовались сосульки.

«Ты их сбей,— посоветовал мне Эсинский,— а то упадут кому-нибудь на голову, покалечат».

«Не,— говорю,— чёрта ли лысого. Нечего в мою душу немойтой головой лезть. Не буду сбивать».

Так и хожу теперь с сосульками.

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ВЕЩИ НА СВЕТЕ

— Понимаешь, — говорит мне Эс, — дороги. Дороги — это нечто. Дороги — это даже больше, чем нечто. Дороги — это такая штука. Это невообразимо таинственная штука. Они, понимаешь, е д и н ы . Самая что ни на есть кривая тропочка, ведущая от дома к магазину, соединяется сетью дорог со всем миром: Париж, Берлин, Лиссабон и Пекин — все они связаны с той тропочкой, по которой ты ходишь за вином и хлебом. Поэтому, что бы ты ни говорил, а асфальтирование дорог — это очень важное, я бы даже сказал метафизически-важное дело.

— А я и ничего и не говорю. Конечно, важное, вот только... Вот только игра в снежки... Игра в снежки — это... Это как бы важнее, что ли? Ну, не знаю, главное, что ли? В духовном смысле главное... Ведь асфальтирование — это выпрямление и сглаживание, и некая синтезация пути и жизни. А игра в снежки — это уход в сторону... распыление... взбаламучивание... поэтизация пространства... Да-а: игра в снежки и строительство песочных замков — вот две самые главные вещи на свете.

золотистый шарик

НЕНАПИСАННАЯ КНИГА

— Слушай, Эс, давай К н и г у напишем! Что мы в самом-то деле, всё книги да книги, лучше уж одну, но зато К н и г у ! Ты стихи будешь писать, а я.., я тоже стихи буду писать. А можно вообще парные стихи сделать: ты две строчки, я две строчки, как в Японии. Хватит нам дурака валять! Пора и делом заняться!

— Давай, — говорит Эс, — вот только вина надо купить. Без вина в таком деле никак нельзя. Без вина в таком деле... Да это просто и начинать не стоит такое дело без вина! Кровь скандинавского бога Квасира должна омыть наши простуженные души и пробудить в них весенний ливень, а иначе ничего не получится.

— О чём речь, — говорю, — денег у меня изрядно, я же ведь банк недавно ограбил. Купим, — говорю, — вина.

— Одного вина мало, — говорит Эс, — девок надо позвать. От девок, от них настроение повышается, происходит активизация сознания и желание показать всё, на что ты способен, возникает. Так что без девок нам не обойтись в таком деле.

— Ладно, — говорю, — раз надо, значит надо, во имя высокой цели и согрешить не грех.

— Какой же в девках грех? — спрашивает Эс.

— Вот и я говорю: не грех! Тем более денег у меня изрядно, сам понимаешь, банк дело нешуточное.

Купили мы с ним вина. Девки позвали. Цыган с медведем. Военный духовой оркестр. Вобщем изрядно получилось. Только К н и г у так и не написали. Раздумали почему-то писать. Не до того как-то было. Не до этого. Да и Эс нажрался к тому же, а я.., я, конечно, тоже нажрался. А деньги банковские, так их, конечно, цыгане стащили. Точно цыгане, больше вроде и некому.

лимонный шарик

СОЛНЫШКО

Как-то раз нашли мы с моим другом Эсинским Солнышко. Хорошее такое Солнышко — ласковое, пожалуй, даже весеннее. Оно в луже жило. Сидело себе в весенней луже вдрызг пьянущее и песни орало: «И вот я институтка, я фея из бара, я чёрная моль, я летучая мышь, вино и

мужчины — моя атмосфера, привет эмигрантам илёт свободный Париж!» Хорошо так орало — душевно.

— Давай его с собой возьми, — говорит Эс, — приручим потихоньку, и будет у нас в доме своё личное Солнышко. Будет оно вместе с нами водку квасить и песни душевные петь. А там, глядишь, и стирать научится. А то у нас стирать, ну совсем некому.

— А ты не боишься, что мы веснушек подхватаем? От Солнышек очень даже просто веснушками заразиться.

— Да-а, — говорит Эс, — веснушки дело хлопотное, от них в носу свербит и очень чихать хочется. И даже весенний насморк иногда происходит. А с насморком, с насморком какие уж там стихи! Отвлекает насморк от стихов.

Вот так и не взяли мы Солнышко. Зря, наверное.

янтарный шарик

КОНЬЯК В БОЧКЕ

И вот однажды мы обнаружили бочку с коньяком. Полезли в погреб за солёными огурцами, а она там и стоит — под паутиной спряталась. И самое главное, кто её поставить мог, такую большую? Таких больших уже и не бывает, наверное. Литров 900, а, может быть, и все 915. Просто ужас какая большая бочка. Мы с Эсинским прикинули — по литру в день и то года на три хватит. А куда нам больше? Литр на двоих — это по бутылке на брата получается, а может и по стакану, если друзья, например, придут. Не-е, если друзья придут, тут уж литром не обойдёшься, тут уж как минимум литра 2 уйдёт или 3... Разные бывают друзья. Некоторые друзья могут мно-о-ого выпить. И даже бочку. У нас как раз такие друзья. Изю всех подворотен понабежало на халявный, на коньячок-то. 12 дней дегустировали, всё распробовать не могли. Один кричит: этот коньяк урожая 1913 года, а другой, наоборот, уверяет, что 1914. Чуть на дуэли не подрались. А мы с Эсинским поняли, что на три года нам коньяка не хватит. И даже на год. И даже на месяц-то — вряд ли. Вот на две недели, может быть, и хватит. Да оно и хорошо. А то ведь если больше двух недель такими темпами квасить, то можно и в запой угодить, и очень даже просто.

серебристый шарик

РЕАНИМАЦИЯ ДУШИ

Это случилось вот когда: после того, как мне «не хватало», наступил снегопад и душа замёрзла, потом немного оттаяла, и в ней сосульки... колко было в душе и забько, но вскоре мы с Эсом нашли солнышко в луже, а потом и коньяк в погребе, т.е. много чего горячительного, и вот от всего этого сосульки стали таять, а душа оказалась под капельницей. Предполагаю, что скоро вылечусь от всего.

коричневый шарик

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЧЕРА

А вчера был такой разговор:

— Вот, например, ты, Эс, — ты какую территорию собой покрываешь?

— Это смотря за какое время?

— За всё!

— И до плюс бесконечности?

— И до плюс бесконечности!

— Не знаю.

— Если не знаешь, то зачем спрашиваешь?
 — Я не спрашиваю, это ты спрашиваешь.
 — Я спрашивал про территорию, а ты про время.
 — Моё дело стихи писать, зачем мне территория?
 — Ты же не можешь писать вне пространства и времени?
 — Могу. Потому что в сознании нет ни пространства ни времени?
 — Но оно же вмещает в себя и то и другое. Там просто существует нечто дополнительное к ним. Иначе был бы черик-мурик.
 — Черик-муриков не бывает!
 — Бывает. Хотя бы потому, что мы его назвали.
 — Тогда и черик-бурбурики бывают.
 — Теперь бывают.
 — Плохо.
 — Что плохо?
 — Территория разрастается.
 — Почему же плохо?
 — Так ведь бездарно разрастается!
 — Без-дарно, значит без дара, т.е. из самого себя, без подсказки и милостыни.
 — Значит, в самом себе, без подсказки и милостыни, сидит чумь беспросветная и хвост от селёдки. И если я свою территорию буду лишь собою заполнять, то в ней будет темно и скользко, а потому плохо.
 — Но если там будет ослепительно ярко и заасфальтировано, то на хрен она такая нужна. Тогда уж лучше с сосульками, с капелью, блевотиной и коньяком.
 — А блевотина-то зачем?
 — Не зачем, а почему.
 — Ну, и почему?
 — От полноты жизни?
 — Да?
 — Да!

фиолетовый шарик

СЦЕНАРИЙ

— Эс, ты знаешь, что такое сценарий?
 — ?
 — Сценарий — это скопище сцен... рассадник сцен... ну, такое... такое место, где сцены живут в неволе, взаперти, в рамках листа и текста.
 — Ну и что?
 — А то! Не надо писать сценарии — вот что!
 — А я и не пишу. Стихи пишу. А сценарии совсем как-то и не пишу. Может, не умею? Да и не хочу. Раз это взаперти, то зачем?
 — Ты-то не пишешь, зато вот я пишу. Я пишу, потому что... потому что бывает такая ситуация, когда... ну, когда, вот есть, допустим, последний, один единственный представитель вида или два... и на воле, на воле они просто-напросто не выживут... они погибнут на воле... и тогда... тогда для них строят вольеру и сажают для них деревья, и если их любить, то они могут дать потомство... вид не исчезнет... продолжится... а уже потом, потом их можно и отпустить, их уже будет много, и кто-нибудь из них останется..., да... так же и сцены: они иногда не могут выжить в настоящей взаправдашной жизни, и тогда их нужно придумать, т.е. придумать для них такое место, где они бы могли... потом, может быть, найдётся какой-

нибудь режиссёр, который полюбит их и который выпустит их на волю... они разлетятся через конический луч проектора по тысячам тысяч сердец, а потом и тысячам тысяч жизней...

— Плохо.

— Что плохо?

— Когда по тысячам тысяч, то плохо. Пусть лучшие уж твои сцены в неволе живут. И потом, знаю я, какие там у тебя сцены. Такие сцены нельзя по тысячам тысяч. Это для них смерть. Ты ведь понимаешь, да? Ведь есть же такие виды, ну не виды, а что-то типа этого — например, уникамы, их ведь не может быть много, тогда они перестают быть... умирают или перерождаются. Поэтому и нельзя по тысячам тысяч.

— Но ведь в неволе им тоже плохо... Пусть лучше умереть, но перед этим увидеть Мир.

— Мир — это тоже своего рода неволя. Неволя, позволяющая существовать. И стоит лишь уйти за рамки Мира, как в то же время наступает смерть. В одной лишь смерти человек свободен.

— Не знаю... Однажды я умер. Повесился, по твоему совету. Мне там нечем было дышать, и я вернулся. Какая же свобода, если нечем дышать? Вполне свободен только стих и бред. В стихе и бреде человек свободен.

— Тогда скажу: «Свободы сей портрет, пожалуй, тоже никуда не годен!»

розовый шарик

В ОЖИДАНИИ

То ли солнце светило в окно автобуса, то ли врывался весенний ветер, то ли ещё что...

Она стояла, держась за поручень, и улыбалась. Она и так-то была красивая, а теперь, когда солнце, и ветер, и улыбка...

Вот теперь-то, уже не по-книжному, я и узнал, какая она — лучезарная улыбка. Эти хрупкие линии губ, этот тонкий изысканный носик, эти ямочки на щеках...

Я подошёл к ней и словно под гипнозом шепнул, что она красивая.

И в улыбку как будто добавили солнца.

Я поцеловал её в самую мочку уха, а она потёрлась о мой нос своей бархатной щёчкой.

Я взял её нежную руку, и она ответила мне тёплымжатием.

Я прикоснулся губами к её пушистым ресницам, и её глаз дрожал у моего рта, как маленький испуганный воробей...

Остановка «По требованию» находилась в лесу, и весенние птицы пели праздничный гимн нашей внезапной любви.

Срывались назначенные встречи. Я забыл, что в жизни бывают дела. Светило солнце, и искрилась под солнцем улыбка. А я... я узнал, что такое весеннее счастье...

На другой день Эсинский рассказал мне, что из лечебницы, где он работал санитаром, сбежала самая красивая девушка. Собственно, у неё и не было заметных отклонений, вот только улыбка, странная неземная улыбка... Эсинский сказал, что после этого он подал на расчёт.

зелёный шарик

МАЯТНИК СЧАСТЬЯ

— Качели — это маятник счастья! Об этом знает каждый ребёнок. Немного страшно, и замирает в животе от восторга. Но если счастья много. Если его слишком много, то от этого может стоинить.

ВЛАГА СЕРДЦА

Мы сидели с Эсинским за бутылкой Рябиновой и разговаривали.

— *Надо писать так, как будто проснулся на другой планете и всё тебе внове. На предделе собственного понимания надо писать. Так, что ещё толику влево, и ты сумасшедший.*

— *А я так и пишу. Для меня каждая буква — это некий предел понимания. У неё цвет есть, запах, звук, но что она обозначает? Для меня это тайна.*

— *Буква, конечно, тайна. Слово уже меньшая тайна, а предложение почти никогда не тайна, а тем более текст... А надо так писать, чтобы предложение равнялось букве. А текст равнялся бы слову. Надо так писать, чтобы слова и буквы были бесконечными, а текст сжимался бы к абсолютному нулю.*

— *Буквы и слова — это капли, и текст — это капля, а может быть, озеро или ручей. Его можно разбрызгать на тысячи брызг, его можно слизнуть языком, им можно напиться, как вот этой Рябиновой, а можно и промокнуть под ним, как под осенним дождём.*

* * *

Однажды Эсинский прочитал эти короткие заметки и написал на обороте вот что:

***Отпустите шарики на волю,
На весенний ветер отпустите.
Или вместе с ними поднимайтесь,
В небо белокрылое летите...***

СОДЕРЖАНИЕ — Содержание романа — это его сердце. Содержание поэтического сборника — это его лёгкие, это как раз самое лучшее, что есть в нём, ибо там собираются первые строки, те самые строки, что приходят от Бога.

1.

ИЗ ДВУХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕДПОЧТЕНЬЕ ОТДАЁТСЯ ТРЕТЬЕЙ — или, говоря по латыни: *Tertium quid*.

1.1

В первой версии тогда ещё не романа, но небольшой повести, у каждой главки был собственный эпиграф. Впоследствии от этих архитектурных излишеств пришлось отказаться. Но некоторые были так хороши, что мне было жаль расставаться с ними, и потому я привожу их в комментариях. К первой главе эпиграф был нижеследующ:

«— а что и где я шил? и в какой последовательности? во благо ли себе я шил или во зло? Никто этого не знает, и никогда теперь не узнает».

(Венедикт Ерофеев. Москва-Петушки)

И ЕСЛИ У ЭТОГО ЧЁРТОВА СЛОВА ЕСТЬ ДВА РОДИТЕЛЬНЫХ ПАДЕЖА — Форма 2-го родительного падежа внешне полностью совпадает с формой дательного падежа этого слова. 2-ой родительный падеж возможен только у слов, обозначающих предметы, не поддающиеся счёту, и в принципе может быть образован от любого существительного подобного рода. Однако лишь у незначительной части этих слов, среди которых и обитает коньяк, данная форма стилистически нейтральна (не создаёт эффекта сниженного стиля). К этим словам относятся и упоминаемые ниже квас и чай.

СКЛАНЯЯ СЕЙ НАПИТОК НЕ ПО ОКОНЧАНИЮ, А ПО ОСНОВЕ — Эсинский в своих утренних размышлениях обращается к теории Велимира Хлебникова о внутреннем склонении слов: «Слыхал ли ты, однако, про внутреннее склонение слов? Про падежи внутри слова? Если родительный падеж отвечает на вопрос «откуда», а винительный и дательный на вопрос «куда» и «где», то склонение по этим падежам основы должно придавать возникшим словам обратные по смыслу значения. Таким образом слова-родичи должны иметь далёкие по смыслу значения. Это оправдывается. Так, *бобр* и *бабр*, означая безобидного грызуна и страшного хищника, и образованные винительным и родительным падежами общей основы «бо», самым строением своим описывают, что бобра следует преследовать, охотиться за ним как за добычей, а бабра следует бояться, так как здесь сам человек может стать предметом охоты со стороны зверя. Здесь простейшее тело изменением своего падежа изменяет смысл словесного построения. В одном слове предписывается, чтобы действие боя было направлено на зверя (винительный — куда?), а в другом слове указывается, что действие боя исходит из зверя (родительный — откуда?).

Бег бывает вызван боязнью, а *бог* — существо, к которому должна быть обращена боязнь. Так же слова *лес* и *лысый* или ещё более одинаковые слова *лысина* и *лесина*, означая присутствие и отсутствие какой-либо растительности, возникли через изменение направления простого слова *ла* склонением его в родительном (лысый) и дательном (лес) падежах». (В.Хлебников. Учитель и ученик)

Следуя Хлебникову, Эсинский полагает, что слова коньяк и каньяк есть винительный и родительный падежи общей основы *ко*, однако здесь, в отличие от воображаемой филологии Хлебникова, речь идёт не о разных предметах, а о разных способах обращения с одним и тем же предметом, то есть о том, что в зависимости от названия изменяется и воздействие напитка на человека.

ВИНОСЛОВНЫЕ СОЮЗЫ — Союз, поставленный между двумя предложениями, из которых одно заключает в себе причину другого, называется винословным. В настоящее время это название вышло из употребления, а вместо него появились подчинительные причинные союзы (точность нового определения, конечно, возросла, но музыка, увы, исчезла).

КУДА БЫ НИ ЕХАТЬ, ЛИШЬ БЫ НЕ В РИГУ — Фразеологизм уехать в Ригу означает — сблевать. (Произошёл он от созвучия слов «Рига» и «рыгать».) Деяние это в России достаточно распространённое и потому обрешённое массой синонимических спутников: «Вызвать адвоката блевачко»; «Пустить голубую воду» (От созвучия русского «блевота» и английского «blue water»); «Покормить Ихтиандра» (Из анекдота: «Пьяный мужик стоит на четвереньках перед унитазом и говорит: Ихтиандр, сын мой, я пришёл кормить тебя — бэ-э-у!»); «Харч пустить»; «Отхарчеваться»; «Скинуть с души то, что плохо лежит»; «Сделать франц-хераус» (Из древнерусского анекдота: «Русский солдат по предложению австрийского выпил за здоровье его государя, а тот отказался пить за здоровье Русского царя; коли так, сказал первый, так франц маршир хераус, и запустил два пальца в глотку.»); «Уподобиться мудрым римлянам»; «Подружиться с Тошникалиным»; «Вывернуть желудок наизнанку»; «Исторгнуть блюки» и т.п.

1.2

И, КАК МУДРЕЦ, Я ВЫПИВАЮ МЕЖДУ ДВОЙНЫМ НЕБЫТИЁМ — Сравни у А.Н.Чанышева: «Человек приходит из небытия и уходит в небытиё, так ничего и не поняв».

1.3

ОДНА ЛИШЬ ПАМЯТЬ УВЕРЯЕТ НАС... — Сходным рассуждениям предаётся герой Виктора Пелевина из романа «Чапаев и Пустота»: «Память уверяет нас, что вчерашний день действительно был, но как знать, не появилась ли вся эта память с первым утренним лучом?»

ДЖОНСОН НОСНОЖД — Эту фамилию можно прочесть и так: Джон сон нос нож д. И ко всему прочему она обладает центральной симметрией относительно пробела, или, говоря филологически, палиндромичностью. Смысл этого факта проявляется из дальнейших событий.

В РОЛИ НАКИ СПАНИЕЛЬ АПЕЛЬСИН — Слово спаниель состоит из тех же букв, что и апельсин. Это, пожалуй, одна из самых красивых анаграмм, которые мне известны.

НАЛИВАЕТ ИСКРИСТОГО АИ — Аи — название одного из лучших французских шампанских вин, по городу Аи — центру виноделия в Шампани. В книге В.Терингтона «Описание вин всех стран» (1870 г.) про Аи сказано, что оно очень пенисто и отзывается ананасом. Среди прочих шампанских вин Терингтон называет Аи «весенней росой ума и дождём сердца».

Аи вошло в русскую литературу в начале XIX века как символ искрящей молодости, к началу XX века приобрело оттенок божественной изысканности, а концу XX века выплеснулось на пыльную мостовую в апофеозе поэтического контраста. Сравни:

Начало XIX века

*Дар благодатный, дар волшебный
Благославленного Аи
Кипит, бьёт искрами и пеной!-
Так жизнь кипит в младые дни!
(П.А.Вяземский. К партизану-поэту)*

*К Аи я больше не способен:
Аи любовнице подобен,
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой...
(А.С.Пушкин. Евгений Онегин)*

Начало XX века

*Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.
(А.Блок. В ресторане)*

Конец XX века

*Бывают праздничные дни,
И пьёшь шампанское Аи,
Ну, а бывает, се ля ви,
И пьёшь АИ-93.
(М.Погарский. Чок-а-чок с Францией)*

ЧИТАЕТ ПЛАТОНА — Цитируется диалог Платона «Софист» в переводе С.А.Ананьина.

1.5

ВСЕ МЫ ЛИШЬ СОН ГОСПОДА БОГА... — Переключка с Алисой Льюиса Кэрролла, которая в свою очередь переключается с представлениями Джорджа Беркли, что было отмечено не только Эсинским, но и Гарднером.

ЕСТЬ НЕЧТО ТАЙНОЕ, ЧТО ДОЛЖНО ОСТАВАТЬСЯ ТАЙНЫМ — Сколько я себя помню, никогда не был согласен с библейской сентенцией, что всё тайное становится явным. Не всё. И это прекрасно! Лет шесть назад я написал по этому поводу небольшой трактат, который и привожу ниже в качестве комментария.

НЕВЕДОМОЕ (трактат о тайне)

Есть Нечто — неведомое во вселенной.

Это Нечто, несмотря на принципиальную непостигаемость, оказывает мощнейшее воздействие на нашу духовную жизнь. Оно, как свет пламени, притягивающий мотыльков, зовёт за собой людские души. И так же, как мотыльки, люди не осознают, зачем они льнут к этому «пламени», и льнут ли они вообще к чему бы то ни было?

Как же писать о Неведомом?

Что можно сказать о том, чего, вообще-то говоря, не существует для тебя, но лишь проявляется как влияние? И существуют ли Те, кто сумел проникнуть за это НЕ?

Вопросы вне ответа.

Ибо, если и есть Постигшие, то Они вышли за пределы общения. И их постижение не может быть передано.

Но спореть в «пламени», значит ли постичь его?

И эти неуклюжие фразы, и вынужденное использование аналогий вряд ли проясняют суть дела. Вряд ли вообще эту суть можно прояснить. И вряд ли вообще она есть. Ведь Неведомое может быть для всех различным, и уж, по крайней мере, до самого последнего шага к Нему, оно оказывает на смертных совершенно различное влияние. (О бессмертных вообще не говорю, поскольку хотя я и о смертных-то ничего толком не знаю, но о них, по крайней мере, имею наглость догадываться.) Для кого-то это Путь к Богу, для кого-то Путь к неземному творению, созданию Книги, Стиха, Строки, Слова. Музыки или Звука, или Тишины. Картины, Цвета, Линии или Белого Листа. Храма, Скульптуры, Креста, Камня. Человека или Движения Души, или Немого созерцания. Кто-то смог осознать свой Путь, кому-то дан только Поиск. Хотя осознание Пути, здесь, конечно, достаточно условно, ибо человек может осознать только, к чему он должен идти, но к Чему он через это придёт, и придёт ли вообще хоть к чему-то, того ему знать не дано, и в этом есть глубочайший смысл и самая основа нашей Жизни.

Весь этот трактат о Нуле. О Великом Нуле незнания. Этот трактат для тех, кто, как и я, почувствовал влияние Нуля и... перестал стремиться к нему. Ведь «стремление» не значит «приближение» и возможно, наоборот, лишь воздвижение новой «стены».

* * *

Прежде чем взяться за этот небольшой трактат, я «исписал» своё пространство тысячами строк и откровений, и только до конца постигнув всю бесплодность и невозможность оформления в виде текста вещей немислимых, только постигнув невозможность материальной передачи своего понимания, я смог писать. Писать для тех, кто уже и без меня «знает», о чём я пишу, для тех, кто умеет видеть тень от буквы и по тени восстанавливать солнце, для тех, кому, собственно, всё равно — написал ли я десять тысяч строк или только всего одну букву...

Но, может быть, этот текст предназначен тем, кто ещё: находится на распутье души, накануне пробуждения, в предчувствии чувства, в преддверии постижения. И если хотя бы у одного из них чтение этих строк явится толчком к пробуждению, то смысл моих ночных блужданий будет оправдан, и даже в том случае, когда этим одним окажусь — только я.

* * *

События странным образом долго не допускали меня к письменному столу, несмотря на внутреннюю тягу к изложению малейших дуновений, касающихся моего неведомого Нуля. Может быть, я должен был успеть до продолжения своих откровений заглянуть в попытку Германа Гессе рассказать о тайне с запрещением открыть эту тайну (Которую он, возможно, и сам-то не знал). Может быть, должен я был сначала прочитать вот эту такую близкую к моим пробуждениям фразу у А.П.Карсавина:

«... и Солнце, юное Солнце... Непостижимое... Но жажду постичь. И разве как-то не постигаю, его именуя?»

Вот ведь ради чего, собственно. Узнав о Неведомом, почувствовав влияние Его, ты уже что-то постиг в Нём...

* * *

За любое знание необходимо платить. Иногда материей, иногда временем, иногда потерей.

За продвижение в область Неведомого приходится терять приобретённое. Так: только через измену познаётся Верность, но познав её, ты лишился её. Через разрушение счастья ли, любви ли, покоя ли ты познаёшь их. Через гибель свою ты можешь познать жизнь.

Да и сама Жизнь не дана ли нам ради постижения

СМЕРТИ

?

Существует ли иной путь? Существует ли Путь Веры или Путь Логоса? Что может сказать об этом лишённый Веры и разочаровавшийся в логосе? Что он может сказать, кроме ничего не говорящего слова : «возможно»...

* * *

Но, может быть, самым главным является то: «А хочу ли я знать? А хочу ли я быть бессмертным?» Ведь постигнув нечто стоящее за пределами жизни, ты лишаешься Великого страха Смерти. Великой боязни об исчезновении навсегда. Той Великой Боязни, что пришла к тебе в далёком детстве на смену наивному знанию о бессмертии. Постигнув, ты лишаешься и этой Великой Тайны, и это постижение может быть оправдано, если только принесёт за собой новую Тайну. Хотя даже и в этом случае Неведомое что-то теряет в себе, становясь в заурядную цепь. Не лучше ли ему оставаться Тайной?

Тайной навсегда.

(1992 г.)

1.6

ВИЯСЬ ПОЗЁМКОЙ ВОКРУГ СЮЖЕТНЫХ ХОЛМОВ РЕАЛИЙ — Дверкин вплетает в свой рассказ аллюзию на сюрреалистическую картину Сальвадора Дали «Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения»

1.8

Ё-МОЁ — по легендарным рассказам, выражение «ё-моё» пришло к нам из Китая. Якобы во времена русско-китайской дружбы по телевизору довольно часто показывали выступления китайских лидеров и другие китайские передачи. Передачи были не дублированы, а сопровождались синхронным переводом. И вот одним из наиболее употребительных выражений китайских политиков как раз и было «Ё-моё», что в переводе означает «имеет место быть» (или что-то в этом роде). Разумеется, сиё выражение сильно полюбилось нашими соотечественникам и устроилось работать по совместительству одним из эвфемизмов обесчещенной матушки.

НУ НАДО ЖЕ ТАК ВЛЯПАТЬСЯ — По поводу этого выражения мне вспоминается История, рассказанная Владимиром Шинкарёвым, как «известный кавалер Фёдор шёл по двору на свидание с дамой, оступился, ступил в нечистоты и про то сложил:

*Шёл на свиданку,
А попал в говнище».*

НИЧЕГО СЕБЕ ПОПИЛИ ПИВКА — Фраза из анекдота, в котором мужик с похмелья отправился пить пиво, но угодил под трамвай. Голову, естественно, отрезало. Голова катится по асфальту и говорит: «Ничего себе, попили пивка»

СРАЗУ ВСЕ С УМА СВИХНУЛИСЬ, ДАЖЕ КТО БЕЗУМЕН БЫЛ — Строка из песни Владимира Высоцкого

1.9

ЭТО ALLEGRO CON BRIO ВПИЛОСЬ СВОИМ ЖАЛОМ ПОД СЕРДЦЕ — Должно быть, Эсинского несколько подвела музыкальная память, или он просто что-то путает. Концерт Альфреда Шнитке для фортепиано с оркестром — одночастный. Вполне возможно, что этот концерт проассоциировался у него с Концертом N 1 для фортепиано с оркестром Дмитрия Шостаковича, поскольку эти концерты выходили в 1985 году на одном диске. 4-я часть концерта Шостаковича действительно не очень соответствует похмельному созерцательному настроению. Эта музыка стремительно обрушивается на ваше бедное полуватное сознание, дразня знакомыми и желанными цитатами из классического репертуара: Ре-мажорного клавирного концерта Гайдана, «Вольного стрелка» Вебера, Рондо Бетховена.

2.

ТАМ... В ПОТРЕСКАННОМ ВЫМЕНИ ДРЕВНЕГО КАМНЯ. НА ОБРЫВКЕ ГАЗЕТЫ С СИГАРЕТОЙ «ДЫМОК» — Однажды, в апреле приблизительно 1989 года, мы с моим другом Женей Стрелковым поехали прогуляться в Архангельское. Погода стояла лютая. Снег. Ветер. Холод.

Территория усадьбы была закрыта, и нам пришлось забраться туда через забор.

Наглядевшись вдоволь на местные достопримечательности, утомясь и промёрзнув, мы забрались в какую-то Богом забытую нишу с видом на Москва-реку и выпили из двухлитрового китайского термоса по паре чашек глинтвейна.

Крутом бушевала непогода, падал неверный апрельский снежок, а в каменной нише было тепло и уютно. Мы выкурили по сигаретке и помолчали.

Казалось, ничего особенного не произошло, но этот краткий эпизод отложился в моём сознании как одно из самых ярких воспоминаний.

2.1

СРЕДИ БЕСКОНЕЧНЫХ СТЕПЕЙ — Словосочетание из песни А.Макаревича: «Они разошлись, где-то под Таганрогом, Среди бесконечных степей. И каждый пошёл своей дорогой, А поезд пошёл своей...»

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО БЫЛ ТОТ ЭКЗАМЕН НА ЛЁТЧИКА? — Автор, подобно своему герою, тоже в своё время завалил экзамен по математике, поступая в Высшее лётное училище гражданской авиации в городе Актюбинске, после чего он, подобно герою, поступил в МГУ, правда не на физ-фак, а на мех-мат.

Так что вся физика у героя от Володи Эсинского, а вот полётность (тешу себя надеждой) от меня.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗВУК «О-ОМ» — Ом — начальное и заключительное слово брахманских молитв, означающее «Совершенство» или «Совершенное».

Имеет смысл привести здесь фрагмент повести Германа Гессе «Сиддхарта», смысл которого спроецирован на дальнейшее течение романа:

«И когда Сиддхарта внимательно прислушивался к реке, к её тысячеголосой песне, когда он не сосредотачивал своё внимание ни на жалобы, ни на смех, не уходил своим Я в какой-то один голос, а слушал их все одновременно, внимал всему и слышал единство, тогда эта великая песнь, распеваемая на тысячи голосов, оказывалась состоящей из одного-единственного слова; и этим словом было Ом — Совершенство». (анонимный пер. Рига, 1924)

КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ — ЕСТЬ ТОЧКА ПЕРЕГИБА — Эсинский вспоминает анекдот, прочитанный им в замечательном рассказе А.Столярова «Маленький серый ослик» и звучащий следующим образом: «Как доказать, что политика нашей партии всегда — прямая? Возьмём произвольную точку в политике нашей партии. Эта точка есть «перегиб». Поскольку данная точка есть «перегиб», то производная второго порядка в ней равна нулю. А линия, у которой производная второго порядка всюду равна нулю, — есть прямая.»

В отличие от Столярова, Эсинский проецирует эту математическую странность не на политический курьёз, а на метафизическую выверенность Судьбы.

2.2

В СТИЛЕ ФЁДОРА ТОЛСТОГО — Толстой Фёдор Петрович (1783-1873) — широкоизвестный медальер, скульптор, рисовальщик и акварелист. В данном случае имеется в виду серия акварелей Толстого с блистательным изображением цветов и фруктов. Многие из этих листов можно назвать чисто ботаническими рисунками, другие листы представляют нежно-лирические натюрморты.

ЗАЧЕМ ЖЕ ДОПУСКАТЬ, ЧТОБЫ БОЖЕСТВЕННОЕ СТАЛО ЭМБРИОНОМ — Точно такие же сомнения тяготили в своё время Порфирия, ученика Плотина: «Как допустить, что божественное стало эмбрионом, что после рождения его пеленают всего в крови, желчи и хуже того?» («Против христиан», фрагм. 77)

2.3

ВКУШАЛ ТАК, КАК МОЖНО ВКУШАТЬ ЕДИНСТВЕННОЕ БЛЮДО НА ЗЕМЛЕ — Наставления о поедании раков можно прочесть, например, у Юрия Ковалёва:

«... рака надо правильно взять в руки: за панцирь левой, за шейку правой рукой. С правильной постановки рук начинается поедание этого редчайшего и сладчайшего плода водоёмов.

В старые времена, конечно, существовал особый столовый раковый прибор, похожий на эдакий настольный велосипедик. В нём были разные крючочки, вилочки, колёсики, при помощи которых поедался рак.

Теперь такие приборы редкость, руки и зубы — наш «велосипедик». Итак, взявши рака, как полагается, надо разломить его пополам и выпить сок, струящийся как из левой, так и из правой части...

В раке съедобно всё, даже его панцирь, который состоит из особого вещества под названием «хитин». Настоящие ракоеды, к примеру Петюшка Собаковский, охотно вкушают его. Поверь, что и хитин имеет свой вкус, если это, конечно, настоящий хитин. В конце концов, не каждый день удаётся отведать истинного хитина...

С клешнями надо обращаться осторожно. Лёгким нажимом взломав клешню, надо вынуть её содержимое так, чтобы получилось как бы две клешни. Одна из панциря, другая обнажённая, розовая...

Мясо рачьих клешней — мужская пища. Тот, кто ест клешни, обладает крепким рукопожатием... И, наконец, финал — раковая шейка! Королева стола! Заметь, что раковая шейка на самом деле рачий хвост. Но так она вкусна, так бесподобна, что назвать её хвостом никто не решается. Это единственный случай, когда чей-то хвост называют так возвышенно».

ПРИБРЕЖНЫЙ НАТЮРВИВ — Слово натюрвив образовано по образу и подобию натюрморта. Но если последнее в переводе с французского (*nature morte*) означает мёртвая природа, то первое (*nature vivo*) означает природу живую. Отличие натюрвивра от пейзажа, портрета или анимализма состоит в том, что последние являются отражением того, что создала сама природа, а первый был сооружён человеком из подручных средств, продолжающих жить своей жизнью, но включённых в задуманную художником режиссуру.

Натюрвивр из трепыхающихся в огне налимов был в своё время сооружён, и весьма случайно, вашим покорным слугой и художником Славой Мазуровым. Это действительно был берег Волги, и налимов действительно ловили обычной столовской вилкой.

СМЕРТЬ ИЛИ БЕССМЕРТИЕ — Сегодня я думаю, что это примерно одно и то же, но лет 5 назад имел совсем другую точку зрения, которую и привожу ниже:

«Ответ на вопрос: «Что есть смерть?» в общем-то не вызывает сомнений. Но что есть бессмертие? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Я хочу сохраниться. Но как? Что именно должно сохраниться во мне? Ведь каждое мгновение во мне происходят какие-то изменения и в духовном и в физическом смысле. И каково должно быть предельное изменение, после которого пропадает индивидуальное Я? Например, при полной потере памяти, Я, со всеми своими навыками, попадает в своеобразный ноль. Сохранилось ли здесь ОНО? Каждый человек в общем-то не помнит свою младенческую, и уж тем более внутриутробную, жизнь. И, собственно, лишь веря своим родителям, соглашается на то, что этот карапуз на пожелтевшей фотографии и есть он. Точно так же я могу верить экстрасенсу, рассказывающему о «моих» прошлых перевоплощениях. Мне говорят: «в прошлой жизни ты был математиком и поэтом» и даже показывают «мои» стихи, трактаты, «мой» портрет работы неизвестного художника. Но я спрашиваю, что сохранилось во мне теперешнем от «меня» тогдашнего? И, точно так же, я спрашиваю, что сохранилось во мне от той оплодотворённой яйцеклетки, которой я был когда-то? И если я хочу бессмертия, то что должно сохраниться после моей смерти? Допустим, моя душа, прошедшая путь по временам и людям и, наконец-то, вырвавшись из круга бытия, охватила (вспомнила) все свои (мои?) состояния и обрела свою какую-то более высокую сущность. Означает ли это, что сохранился и Я? Или только какая-то часть (ипостась) меня? И если так, то какая? В определённом смысле Я бессмертен и в материалистическом мире. Я сохраняюсь в своих делах, делах, мыслях, в своём маленьком возмущении Истории. И какая-то новая сущность (условно говоря, будущая цивилизация) вберёт в себя часть моего Я. В чём же отличие этой сущности (цивилизации) от Души, кочующей по различным перевоплощениям? Мы ничего не знаем об этой Душе? Сколько людей она охватила? Живёт ли она в настоящее время в одном человеке, или её странствия существуют также и в пространстве? (Во сне, например, мы часто ощущаем себя не только «средневековым рыцарем», но и просто чужим, но со-временным нам человеком.) Единственное отличие Души от Цивилизации заключается для нас в наблюдении и экстраполяции. Мы видим, как сохранились в современной Цивилизации люди прошлого (по крайней мере, некоторые из них), и ничего не знаем о том, что и как сохранилось и сохранится в «Душе», к которой ты принадлежишь (за исключением тех, кому дано выходить в астральные полёты, тех, которые обладают над-знанием и т.п.)

Ещё один «вариант» бессмертия принимает христианская традиция: Я пришло (родилось) в мир единой вместе со своей Душой и со всеми потрохами, прошло жизненный путь, и после смерти душа оставила свои «потроха» и вознеслась (низверглась). Но и здесь вопрос о том, что же сохранилось в моей Душе от Меня, остаётся открытым. Может быть, Память? Но зачем же ей помнить свою «тёмную» жизнь в земной «утробе»? Да и что помнить-то? О том, как ходил в сортир, как сморкался, как ковырялся в зубах? Может быть, сохраняются знания? Опыт? Навыки? Но зачем ей в том существовании мой земной опыт?

Остаётся одно — Бессмертная душа просто ощущает то, что она когда-то в земной жизни томила (или ликовала) в телесной оболочке.

Возможен также вариант бессмертия, которым обладал вечный жид. Но во благо ли такое бессмертие? Не страшно ли, если оно и в самом деле существует? Агасферу, что ни говори, выпала кара стать вечным. Путешествовать по временам и народам, с осознанием невозможности выйти из своей брэнной оболочки или хотя бы просто-напросто умереть... Я уж не говорю здесь о тусклости, серости и неэстетичности, сопровождающих подобное бессмертие.

Говоря языком математики, задача поставлена некорректно, поскольку отсутствует критерий бессмертия. И поэтому, в частности, невозможно и воскрешение.

Допустим, мы обладаем всевластием Господа или просто бескрайними научно-техническими возможностями. Должны ли мы провести и хотим ли мы воскрешения? И если — да, то кого же и что следует воскрешать? Каждого человека. Хорошо, но в какой момент его жизни?

Рождения? Расцвета? Смерти? Или, может быть, душу к моменту смерти, а тело к моменту расцвета? Хорошо, непонятно как, но выбрали. Воскресли. И... получили всего-навсего копию. И какое, собственно, дело до этой копии уже умершему оригиналу? И каково, однако, копии знать, что она всего лишь копия?..

И всё-таки, несмотря на то, что человечество не в состоянии постичь сущность бессмертия, вся наша жизнь проходит под острым углом над-сознательной догадки о нём».

(1992 г.)

ЕСЛИ УЖ ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ МОГЛО ИСЧЕЗНУТЬ ЦЕЛОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ — Анатолий Тимофеевич Фоменко со своими учениками на основе математических методов построил новую хронологию мировой истории, согласно которой между расцветом античности и эпохой Возрождения не существует тысячелетнего интервала.

ОН НОСИЛ КОРИЧНЕВЫЙ БЕРЕТ — Глупо думать о берете как всего лишь о головном уборе. Берет — это знак. Это некая, и вполне обоснованная, претензия на эстетическое оформление головы. По форме берет напоминает летающую тарелку и, вполне возможно, несёт функцию унесения своего обитателя за пределы обыденности и солнечной системы. Однако искусственно насаждаемый берет тут же теряет качество мистического покрытия и превращается всего-навсего в элемент формы.

БАЛТАСАРОВ ПИР — Балтасар (греч. Baltasar, евр. belsassar как передача вавилонского belsar-usur «да сохранит Бел царя») в иудаистических и христианских легендах последний Вавилонский царь. Вот как описывается Балтасаров пир в Библии:

«Балтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и пред глазами тысячи пил вино.

Вкусив вина, Балтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, жёнам его и наложницам его.

Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища Дома Божия в Иерусалиме; и пили из них царь и вельможи его, жёны его и наложницы его, —

Пили вино и славил богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных.

В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала...»

Балтасар испугался и призвал мудрецов и гадателей, чтобы те прочитали написанное, но никто из вавилонских мудрецов не смог прочесть эту надпись, и только призванный по совету царицы иудейский мудрец Даниил объяснил происшедшее:

«Ты вознёсся против Господа небес, и сосуды Дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жёны твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые не видят, не слышат, не разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твоё и у Которого все пути твои, ты не прославил.

За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание.

И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН.

Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему;

ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень лёгким;

ПЕРЕС — разделено царствие твоё и дано Мидянам и Персам.

«В ту же самую ночь Балтасар, царь Халдейский, был убит. И Дарий Мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет».

Сюжет этой библейской истории неоднократно использовался в изобразительном искусстве (Беноццо Гоццолли, М. ван Хемскерк, Я. Тинторетто, Х. де Рибера, Рембрант) и в литературе (Г.Сакс «Комедия о Данииле», И. Мурер «Комедия об осаде Вавилона», Кальдерон «Мистический и подлинный Вавилон», А. Морето «Пир Балтасара», И.В.Гёте «Балтасар», Дж. Байрон «Виде-

ние Валтасара», «Валтасару», Г.Гейне «Валтасар»). Тема эта развивалась и у Фазиля Искандера, который предоставил сыграть роль Валтасара Иосифу Сталину (Пиры Валтасара). Приложил руку к толкованию этого мифа и ваш покорный слуга в рассказе «Интервью с Январём», откуда и осмелюсь предложить вашему вниманию небольшой отрывок:

«— Наверное, и таинственные огненные слова, начертанные на стене во время Валтасарова пиршества, были посланы в мир через пространство Манойи?

— Мне это не ведомо. Но вполне возможно, что это была работа обычного алхимика или иллюзиониста. Влияние Манойи большей частью направлено на словотворчество внутри языка..,

а вот при толковании этой фразы пророк Даниил явно или неявно уносился в просторы манойи. Хотя... Хотя, кто знает.. Дело в том, что, на мой взгляд, «мене, текел, упарсин» — не совсем точно переведено Даниилом.

— Простите, но я уже, к стыду моему, не помню, что это значит.

— Стыда тут никакого нет. На кой ляд загружать свою голову грудой бесполезных знаний. А что касается значения... Даниил предложил вот такой перевод: «*мене* — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему; *текел* — ты взвешен на весах и найден очень лёгким; *перес* — разделено царство твоё и дано Мидянам и Персам». Мои же путешествия по линиям Манойи привели меня к совершенно противоположным выводам: *мене* — мир и ветер гуляют в душе твоей; *текел* — ты невесом и праздничен, как стих; *упарсин* — избеги серой печали и будешь навеки счастлив.

Вполне возможно, что Даниилу был открыт истинный смысл огненной фразы, но он намеренно исказил её перевод, дабы погубить Валтасара. Но если бы Валтасар сохранил безмятежность и веселие в сердце своём, если бы, несмотря ни на какие пророчества, он спокойно допивал бы кубок с вином своей жизни, то прожил бы в покое и счастья ещё долгие годы».

Однако всё это лирика. А у нас как никак учёные комментарии. Поэтому необходимо привести и мнение учёных. С.Ваянский и Д.Калюжный, следуя за Николаем Морозовым, толкуют это место следующим образом:

«В еврейском тексте говорится, что роковая надпись появилась не просто на стене, а на стене Властелина, и нанесена была надпись не просто рукой, а огненной рукой. В точном переводе с еврейского, без излишних толкований, Мене-мене, Текел у Парсин значит. «Измеритель измерил, Весы и Персей».

Это простое сказание о комете, прошедшей от созвездия Весов к созвездию Персея через созвездие Змеедержца, который, по библейской символике, считается измерителем неба, потому что через кисть его руки проходит небесный экватор. А уж как эту комету «толковали» — дело литературное».

УСТАЛОСТЬ МЕТАЛЛА — термин механики деформируемого твёрдого тела, характеризующий изменение механических и физических свойств материала в результате циклического нагружения. Сопротивление усталости характеризуется пределом выносливости, т.е. наибольшим напряжением, которое может выдержать материал без разрушения при заданном числе циклов. В среде обитания Эсинского это словосочетание приобрело переносный смысл и крылатость. Обычно после длительных всеобщих поквасов кто-то, перевалив за свой предел выносливости, говорил: «Всё. Больше не могу. Усталость металла».

2.5

РАСТЕРЯННО И ДОЛГО СМОТРЕЛ НА РЕКУ — Наблюдение реки только на первый взгляд покажется пустым времяпровождением. Посвящённые прекрасно знают о глубинной мудрости, сокрытой в глубине вод. Вот, например, что поведал однажды Сиддхарта, из одноимённой повести Германа Гессе, своему другу Говинде: «Здесь, на этом перевозе, моим предшественником и учителем был святой человек, который много лет верил в одну только реку, другой религии у него не было. Он заметил, что река имеет голос, и стал прислушиваться к нему. Этот голос стал его учителем и руководителем, сама река представлялась ему божеством».

НО ЭТОГО МАЛО — проникновение рекламных фраз в процессы мышления не новость, но и привыкнуть к этому невозможно. (В данном случае и весьма уместно в сознании Эсинского всплывает плакат о защите животных: «Мы дали им имена, **НО ЭТОГО МАЛО!**»)

БЫТЬ СВИДЕТЕЛЯМИ ЭТОГО МИКРОПОТОПА — в переводе на латынь Diluvii testes.

ГУЛ ЗАТИХ, И Я СОШЁЛ С ПОДМОСТКОВ... — Эсинский перефразирует строку Бориса Пастернака: «Гул затих, я вышел на подмостки...».

А ДВЕРЬ ВЕЛА СОВСЕМ В ИНЫЕ КОМНАТЫ — В своё время Эсинский участвовал в фестивале реального авангарда ПОЛОСА, где среди прочих проектов был представлен шедевр Вячеслава Мазурова и Евгения Стрелкова: «Дверь в иные комнаты» — на мокром песке была нарисована дверь, с реальной металлической ручкой и действующим замком.

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕ ДОГМА... — Деформация цитаты Ленина: «Марксизм не догма, а руководство к действию».

ЕДИНЫ ПАРУС И ДУША... — Четыре слова из песни к к/ф «Гардемарины».

И ОН ВОШЁЛ В ВОДЫ НЕИЗВЕСТНОЙ РЕКИ — Здесь слышится развитие идей высокоумного и надменного Гераклита Эфесского, который играл с мальчишками в бабки в храме Артемиды и зарывался в навоз от водянки. Гераклит утверждал, что душа, постоянно общаясь через дыхание с мировым логосом, растит свой собственный мир, непрестанно обновляясь и отодвигая свои пределы. И как «в одну и ту же реку ты не вступишь дважды», так и «пределов души не отыщешь, хотя бы весь путь прошёл — столь обширен её логос», ибо «на вступающих в одну и ту же реку всё новые воды текут; а души из влаги воспаряются». Эсинский, плывя по реке неизвестности, входит в воды неизвестной реки. То есть входит в неизвестность дважды. Разумеется, это софистика. Неизвестное неизвестному — рознь. Эсинский именно дважды входит в неизвестность, но отнюдь не повторно. Удваивается показатель степени неизвестности, но событие происходит в совершенно иной плоскости. И, однако же, в этом пассаже неявно поставлен вопрос о полной неизвестности, то есть об абсолютном духовном нуле, в который если сумеешь попасть единожды, то не исключена и возможность вторичного попадания.

ВСПОМНИЛОСЬ БИТОВСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ — речь идёт о книге Андрея Битова: «Птицы или оглашение человека».

ОГРОМНЫЙ ЯСТРЕБ — по всей видимости, это был ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*), причём, судя по раскраске, самец.

ЛЕВЫЙ ГЛАЗ ХОЛОДНЫЙ — Уж не спустился ли к плывущему Эсинскому в образе ястреба древнеегипетский бог Хор? В додинастическую эпоху (более 3000 лет до Р.Х.) в Египте бог Хор представлялся соколом с распростёртыми крыльями, который летит сквозь мировое пространство; его глаза — это Луна и Солнце; а в зависимости от направления полёта сокола менялись время суток и времена года.

Символ раненого Хора, сошедшего на Землю, странен и непонятен. Возможно, в лице ястреба было ранено само время? А может быть, Эсинский попал в тончайший промежуток между днём и ночью (в некоторую вневременную щель между двумя мирами)? Возможно, попав в эту зыбкую грань времён, Эсинский сумел приручить её и в ней же и остаться...

Это своеобразное сошествие на берег дня и ночи весьма похоже на правду, поскольку внутреннее время Эсинского и в самом деле полностью потеряло ориентацию.

С ВИТОЙ ВОРОНКОЙ ЧЁРНОГО ЗРАЧКА И С ВЫБРОСАМИ ВБОК ПРОТУБЕРАНЦЕВ, И С ПОЛЫХАНЬЕМ ФАКЕЛЬНЫХ ПОЛЕЙ — Здесь, видимо, имеет смысл привести короткую справку о солнечных объектах: 1. Солнечное пятно — это углубление в фотосфере, имеющее форму

воронки; вещество солнечного пятна движется, втекая в него в верхних слоях и растекаясь от центра к краям в глубоких нижних. (Сходную роль играет зрачок в информационном поле. Заметим, что зрачок есть не что иное, как отверстие в радужной оболочке.) 2. Протуберанцы — это мощные выбросы газов, возвышающиеся иногда до 250 000 км (почти в двадцать раз превышающие диаметр Земли). Известны случаи, когда вещество протуберанца преодолевало солнечное притяжение и уходило в мировое пространство. (Возможно, при помощи подобного механизма осуществляется слез, разговор глазами и т.п.) 3. Кроме тёмных пятен, вблизи краёв солнечного диска наблюдаются светлые области — факелы (облака более нагретых газов). Очень часто, когда пятно находится на краю диска, можно видеть окружающие его группы факелов — факельные поля.

ОГРОМНЫЙ ЯСТРЕБ НА КРАСНОМ ПЕСКЕ — Если согласиться с допущением, что ястреб — эманация бога Хора, то появление его на красном песке весьма символично. Дело в том, что «Египет» — слово грецизированное, а сами египтяне называли свою страну «Та-Кемет» — «Чёрная земля», то есть плодородная, живая земля, в противоположность «Красной земле», пустыне. Если трактовать песок как символ времени, то получается, что ястреб спустился в пустыню времени.

ПО ПРОСЬБЕ ДАМ, ХВОСТОМ ПОМАЗАВ ГУБЫ — Здесь и в конце своего разговора с ястребом Эсинский перифразирует стихотворение Алексея Кручёных: «По просьбе дам,/ хвостом помазав губы,/ я заговорил на свеже-рыбьем языке!/ Оцепенели мужья все/ от новых религий:/ КАРУБЫ/ СМЕЕ МИР,/ БЛИЖЕ МОБЕ!.../ задыхается от радости хвост рыбий».

НУ, ЗДРАВСТВУЙ, ЗДРАВСТВУЙ, МОНТИГОМО — здесь Эсинский обращается к ястребиному когтю, апеллируя к рассказу А.П.Чехова «Мальчики», в котором господин Чечевицын именует себя: «Монтигомо ястребиный коготь, вождь непобедимых».

Я ВАМ ОТВЕЧУ: ВИДИТЕ ЛИ, ЯСТРЕБ — Эсинский пользуется знаменитой сценой из фильма «Адъютант его превосходительства», в которой сын полковника Львова спрашивает: «Пал Андреич, Вы шпион?» А мудрый адъютант отвечает: «Видите ли, Юра...»

ПОЛЕЗНЫХ, БРАТ, КАК ПРАВИЛО, ЕДЯТ — очень мудрое наблюдение, вполне достойное вознестись до афоризма.

Западный менталитет, особенно в последнее время, буквально заиклен на нужности и полезности, и лишь художники да поэты способны до конца прочувствовать всю прелесть бесполезных вещей и деяний. На Востоке же люди гораздо раньше постигли великий смысл ненужности. Ещё за 300 лет до Р.Х. Чжуан-Цзы сказал: «Вы говорите, что от вашего дерева нет пользы. Ну так посадите его в Деревне, которой нет нигде, водрузите его в пустыне Беспредельного простора и гуляйте, не думая о делах, отдыхайте под ним, предаваясь приятным мечтаниям. Там его не срубят топор и не причинит ему урона. Когда не находят пользы, откуда взяться заботам?»

МОЯ ДУША СТЯХНУЛА ТЕЛА ПРАХ — В «Жизни поэта Саади», написанной Доулат-Шахом, встречается следующее место: «Орёл бессмертной души Шейха Саади стянул со своих крыльев прах его тела» (Это место очень нравилось Генри Джеймсу Торо.)

ДАВАЙ ТЫ БУДЕШЬ ЗВАТЬСЯ БАРМАГЛОТОМ, ИЛЬ БРАНДАШМЫГОМ — Так традиционно переводятся придуманные Льюисом Кэрроллом существа Jabberwock и Bandersnatch. Лучший перевод знаменитого нонсенса, на мой взгляд, получился у Д.Орловской. «Beware the Jabberwock, my son!/ The jaws that bite, the claws that catch!/ Beware the Jubjub bird, and shun/ The frumious Bandersnatch» в её переводе звучит так: «О бойся Бармаглота, сын!/ Он так свиреп и дик,/ А в глуше рымит исполин — / Злопасный Брандашмыг». Этот перевод, хотя и не выявляет всех нюансов оригинала, но прекрасно передаёт абсурдный дух стихотворения. Сам Кэрролл объяснял, что англосаксонское слово «wocet» или «wocog» означает «потомок» или «плод».

«Jabber» — это болтовня, бормотание, тарабарщина. Следовательно, более точным переводом этого слова могли бы быть: Бормоплод (бормотание+плод), Болтопрыск (болтовня+отпрыск) или какой-нибудь Трескосын. Этимологию Bandersnatch можно вести от слов banderol (легенда) или bandar-log (весь обезьяний род, балаболки) и snatch (хватать, срывать). Кроме того, думается, что Bandersnatch должен быть в родстве с Jabberwock, поэтому я бы перевёл его: Бормокват или Болтосрыв, но уж никак не Кровопир, которым он стал под рукой Григория Кружкова в Охоте на Снарка. (Кружков, видимо, опирался на слово bandar (резус)).

Не удержусь от искушения и приведу здесь собственный перевод великого четверостишья:

*Мой сын, опасны Болтопрыски!
Кусач и грозен ихний гвалт.
Страшны и птицы Слетневизги.
И очень страшен Бормокват.*

ЛЕТАЮЩЕЕ СОНМИЩЕ МОЁ — Летящее сонмище — этим словосочетанием пользовались арабы для обозначения слова «воображение».

ИСТИННОЕ ИМЯ КАК РАЗ И СОСТОИТ ИЗ ВЫБОРА ИМЁН — Сравни с утверждением Лао-Цзы: «Постоянное имя составляется из возможности выбора имени и невозможности выбора имени.»

2.6

ОНИ ШЛИ БЕРЕГОМ РЕКИ — Берег — что можно сказать о нём? Ужели это всего лишь граница реки или моря? Кромка суши? Линия стихий? Нет. С Берегом нужно обращаться бережно. Беречь и лелеять его сокровенный смысл. Доверяясь трепетным берегиням, собирать в их ладонях янтарные осколки — карие слёзы далёких эпох. Берег — это музыка морского прибой и мелодия легкошуршащих речных волн. Это тоска моряков и пристанище береговых ласточек. Это точка отсчёта бесконечного плаванья и начало безбрежности. Это контур материков и очертание материи. Берег — это лезвие Оккама, и постигнуть его может только плывущий.

АБСОЛЮТНО БЕСПОЛЕЗНОЕ И АБСОЛЮТНО ПРЕКРАСНОЕ ЯВЛЕНИЕ — Возможно, здесь и есть полемика с утверждением Н.Г.Чернышевского «Прекрасное — есть жизнь», а также с докладом И.Гирина «Красота как биологическая целесообразность», но она возникла без ведома автора. Автор просто писал о непредвзятом восхищении праздно бредущего человека. Но в то же время автор действительно уверен, что отражения прекраснее жизни.

Особенно хороши отражения на зеленоватой прудовой воде и в запylённом вагонном стекле, но и обычное зеркало наводит на человеческий облик тончайшую ретушь, и даже просто перевод из объёма в плоскость накладывает свой художественный отпечаток.

ТЫ УЖЕ ЧУТЬ ЛИ НЕ ПТИЧИЙ КАРДИНАЛ — У моего друга скульптора Дмитрия Покровского есть работа под названием «Птичий кардинал». В своё время мы хотели с ним сделать серию теней от его скульптур, а на тенях предполагалось начертать стихи. Для бронзовых теней от Птичьего кардинала мной были написаны вот такие строки:

*восточная тень
Всё достоянье моё
Только слова и тень.
Птицам раздам слова.
Тень подарю земле.*

западная тень

*Оставляя стихи на теньях,
Растворяюсь в дымке звезды...*

южная тень

*Проповедь птицам читал,
Сидящим в моей тени...
Слова уходили в песок.*

северная тень

*Вчера напоил стихом
Загрустившего воробья.
Он ответил мне нежным свистом.*

ОН СТОЯЛ, ПРИЖИМАЯСЯ К ЭТОЙ ЗОЛОТИСТОЙ ВЕЧНОСТИ — Сосна, согласно представлениям древнего Китая, есть земное воплощение духовной стойкости, жизненной силы, постоянства, вечности. «Сосна и кипарис — лучшие из деревьев», — писал за сто лет до Рождества Христова знаменитый историограф древности Сыма Цянь. Даосские мудрецы утверждали, что питаясь семенами сосны, можно обрести бессмертие. Несколько позже, когда сосны и кипарисы как символы вечности стали сажать на кладбищах, их образы стали вызывать и печальные мысли о быстротечности всего земного, о смерти, о хрупкости и непрочности жизни.

ПОДУМАЕШЬ ГАИТИ, НАДОЕЛО — По всей видимости, в сознании Эсинского всплыла гаитянская картина Поля Гогена «А ты ревнуешь?» и тут же ассоциация протянулась к мультфильму «Возвращение блудного попугая», и он ответил на ястребиный взгляд словами старого кота из этого самого мультфильма.

СПАСАЮЩЕЕ КЛАД ОТ РАЗНЫХ ГНОВ — То, что гномы умеют находить незащищённые клады, не вызывает сомнений. Об этом сказано, например, в сказке Григория Кружкова: «Клад можно найти где угодно. Есть много блуждающих кладов. Они переходят под землёй с места на место. Если знать, как их искать...

— А ты знаешь?

— Конечно, ведь я же гном. Мы все об этом знаем. Надо взять прутик, вот хотя бы из веника выдернуть, и пойти во двор: где прутик пригнётся к земле, там и клад». (Григорий Кружков «Гном Гильом и лунный котёнок».)

ВДАЛИ, ГДЕ СОН ПОШЁЛ НА УБЫЛЬ — Эсинский произносит стихотворение Гийома Аполлинера «Рекогносцировка», которое он читал в переводе Михаила Яснова. Однако он, по всей видимости сознательно, заменяет «свет» и «сердце» на «сон» и «солнце». Хотя не исключено, что это были просто подсознательные aberrации памяти.

2.7

ТЕПЕРЬ И Я ЗДЕСЬ ОСЯДУ, НА ЭТОМ ВОТ ПОТОКЕ — Здесь в памяти Эсинского всплывает «Предисловие к моим же стихам «У потока глупца», написанное в восьмом веке китайским поэтом Лю Цзун-Юань

ТЕМ ПАЧЕ МЫ С ТОБОЙ ВДВОЁМ ВЕДЁМ СЕБЯ ЗДЕСЬ... — Вероятно, от ветхого домика с прогнившей соломенной крышей веяло духом средневекового Китая, поскольку Эсинский снова обращается к одному из величайших китайских поэтов XI века Су Ши, пересказывая фрагменты его оды «Красная стена» (в других переводах «Фу о красных скалах):

«Тем паче мы с тобой вдвоём ведём себя здесь, на речных мелях, как рыбаки и дровосеки. Запанибрата здесь мы с рыбой, раком; дружим с оленем, кабаргой. Сидим на маленькой лодке размером в лепесток, вздымаем тыквенные чаши, друг друга приглашая пить. Мы здесь меж небом и землёй, живём какой-то миг один, подёнкой, тлэй».

(пер. В.М.Алексеева)

*«Я и вы, мой учитель, рыбачили, хворост собирали
На острове, что посредине реки,-
С каждой рыбкой, креветкой знакомы,
С каждым лосем, оленем дружны.
Лодку — лотоса лист — направляя вперёд,
Пили вместе вино.
Мы казались себе мотыльками
Между ширью небес и землёй»
(пер. И.С. Голубева)*

МЫ ЖИЛИ БЫ КАК ХАЙЯ СЫН ЯКЗАНА — Хайя ибн Якзан (живой сын бодрствующего) — герой ряда древнеарабских повестей и трактатов. Впервые встречается в трилогии Ибн Сины (Авиценны) (980-1037). Наибольшее же распространение получила в Европе повесть Абу Бекра Ибн Туфейля.

По одной из версий, Хайя самозародился на необитаемом острове из животворящей глины, по другой версии, он внебрачный сын принцессы с соседнего острова и её любовника Якзана. Принцесса, тайно родив Хайю и убоявшись гнева своего царственного брата, положила младенца в ларь и доверила морю. Морские течения вынесли ларь на необитаемый остров.

В обоих вариантах Хайю вскормила своим молоком газель, потерявшая недавно своего детёныша.

Прошло время, и Хайя вырос. При помощи пытливого ума и непрерывного опыта он постиг тайны мироустройства.

Потом к нему приплыл с соседнего острова Абсаль, решивший провести остаток жизни в уединении и молитвах (прообраз Пятницы с тою решительной разницей, что у Дефо главенство принадлежит сыну цивилизации, а у Ибн Туфейля — дитю природы).

Хайя ибн Якзан — это символ естественной жизни и естественного познания мира.

ОТ НЕЁ ИСХОДИТ ДОВОЛЬНО СИЛЬНЫЙ АРОМАТ МУСКАТА — У самцов кабарги на животе есть железа, выделяющая мускус.

ПОСЛУШАЙ, ЯСТРЕБ, ТЫ ПОНИМАЕШЬ... — И опять реминисценции первой оды Су Ши «Красная стена»:

«Послушай, друг, ты понимаешь, что такое вода, луна? Уходящее от нас — вот в этом роде — да, но вода ведь не уйдёт совсем. Что полно и что пусто — вот таково, а всё ж в конце концов луна вполне не исчезнет, как и не пухнет без конца».

(пер. В.М.Алексеева)

*«А доподлинно знает ли гость,
Что такое — вода, что такое — луна?
Всё идёт чередой, как вода, как течение реки,
Всё идёт чередой, но ничто никогда не уйдёт.
И луна — то кругла, то ущербна, но вечно луна,
И не в силах никто увеличить-уменьшить её».
(пер. И.С.Голубева)*

И ПУСТЬ Я РАССУЖДАЮ, КАК ГЛУПЕЦ — Сравни со строкой из Дхампады: «Здесь я буду жить во время дождей, здесь — зимой и летом», — так рассуждает глупец. Он не думает об опасности». (пер. В.Н.Топорова)

Я ИЗУЧУ ГРАММАТИКУ ЛЕСОВ — В этом абзаце память Эсинского скользнула по книге уолденского затворника Генри Джеймса Торо, который писал в своей «Философии естественной жизни»:

«Кроме Азбуки, изобретённой Кадмом, есть ещё другая азбука, которой нужно обучать детей. Испанцы знают меткое слово для обозначения этого дикого, первобытного, опалённого солнцем знания, — *grammatica parda*, дикая грамматика, — грамматика, всасываемая с молоком матери-природы, той самки-леопарда, о которой я уже говорил». (пер. с англ. Ильи Накашидзе)

ПУСТИТЕ ВПЕРЕД БАБОЧКУ СОЗНАНИЯ — ПУСТЬ ОЖИВИТ ДОМАШНИЕ УГЛЫ И ПУСТОТУ... — В этом предложении далеко не случайно собрались разбросанные по разным закоулкам языкам такие близкие слова: *пустите, пусть, пустота*.

ВСЕ ОСТРОВА ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА — Эсинский уснащает свою речь цитатой из стихотворения Иосифа Бродского «Одиссей Телемаку».

ЧТО КАЖДЫЙ МИГ И ЕСТЬ ТА САМАЯ НЕСЛЫХАННАЯ НОВОСТЬ — Сравни со строчками стихотворения Геннадия Алексеева:

*«И оказалось:
жизнь — такая новость!
И каждый день —
Такая неожиданность!»*

Эта строка, быть может, чуть ли не главная во всём романе. Быть может, именно её раскрытию и посвящён весь этот долгий путь.

НО ТЫ НЕ МОНМОРАНСИ, И ЭТО ТОЖЕ НЕ ИРЛАНДСКОЕ РАГУ — Имеется в виду эпизод из повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки».

2.8

НЕБЕСНЫЕ ПАСТБИЩА — Название романа Джона Стайнбека (*The Pastures of Heaven*).

КТО ЕСТЬ СЕЙ? — Этот же вопрос задаёт боярин Ковшегуб касательно патриота Ивана Сусанина в рассказе Даниила Хармса «Исторический эпизод».

И ОН БЫ ПОСЛУЖИЛ БЫ ИМ МОСТОМ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ — Основное различие между Христианством и Буддизмом, по мнению Эсинского, заключено в направлении проникновения. И если Будда — это человек, ставший Богом, то Христос, наоборот, Бог, ставший человеком. (Христа в этом смысле ни в коей мере нельзя равнять, например, с тем же Гераклом, родившимся от Зевса и земной женщины, поскольку Зевсом руководила любовь к Алкмене, а Богом Отцом — желание послать в мир одну из своих ипостасей.) Поэтому буддизм можно воспринимать как тоску человечества по божественному, а христианство — как тоску божества по человеческому. И на самом-то деле, как это ни покажется странным, человеку гораздо проще подняться на уровень божества, чем Богу спуститься на уровень человека. Ибо в последнем случае, для того чтобы ощутить полноту человеческой жизни, необходимо забыть о том, что ты был богом, и это как раз самое трудное. Это как раз то, что не удалось Христу. Идя на Голгофу, Христос шёл на казнь, но не на смерть, ибо уже тогда знал о воскрешении. Конечно, он испытывал муки, но идя на эти муки, он уподоблялся больному, идущему к зубному врачу, а не Джордано Бруно, стоящему за истину.

Рассматривая эти религии под столь нелепым углом зрения, можно сказать только одно. Буддизм — это стремление к гармонии, а Христианство — попытка поэзии.

А В БЕСКРАЙНЕЕ ПОЛЕ АБСУРДА, НА КОТОРОМ НЕ ДЕЙСТВУЕТ КОМПАС УМА —

Вместе с Эсинским я воздаю должное абсурду. Я вижу в абсурде определённое человеческое начало, а в человечестве, наоборот, начало абсурда. В своё время, размышляя на эту тему, я написал небольшое эссе под заголовком: «Человек с зонтиком» и ремаркой: (абсурд об абсурде). Ниже я привожу дословный текст этого эссе, как некий памятник моему молодому наиву, а, может быть, и неземному откровению! In puer veritas! Dixi:

«То, что приход человека нарушил мировую гармонию, не вызывает сомнений. Человек, конечно же, был и остаётся отцом абсурда. Но то, что абсурд сделал из человека Человека, в известной мере абсурдно и, уже поэтому, заслуживает серьёзного изучения.

Человек как биологическая особь всегда жил и живёт в стаде. И он так бы навсегда и остался всего лишь человеческой особью, если бы не его знаменитое желание выпендриться. Индивидуализироваться. Ощутить себя (как индивиду-ума) вершиной мировой гармонии. Ощутить своё право на нарушение мирового порядка.

Небольшая флуктуация, отклонение от естественного хода вещей вызвали обвал. Вызвали лавину абсурдного движения в сторону очеловечивания материи. И, в конце концов, произошла квазиматериализация Духа.

Рождение же Духа на материальных обломках всемирной гармонии привело к полной потере смысла и к великому Абсурду человеческой деятельности.

Человек одухотворённый (Ното spiritus) постоянно искал утраченный Смысл. Но его находки сводились, как правило, к необходимости возвращения в молекулу, к изначальному отделению Духа от плоти, к естественному течению в естественном мире.

Разумеется, ему не хотелось этого. И тогда он наловчился лепить эрзацы Смысла. И налетел их в радостном возбуждении Истории так много, что, в конце концов, в конце в них запутался и объявил Смысл делом индивидуальным и не поддающимся классификации.

Как это ни парадоксально, но сын Абсурда всё время искал Смысл и постоянно отвергал великого своего родителя.

Было бы абсурдно доказывать всю бессмысленность и нелепость человеческой деятельности, но ещё абсурднее было бы не делать этого. Ибо стремление к Абсурду не есть цель. Но и цели нет вообще. Из двух абсурдов выбирай меньшее, потому как, выбирая большее, ты поступаешь осмысленно, чего делать не след. Как раз в этом и состоит разомкнутый круг Абсурда, который каждый истинный его (кого?) представитель пытается сомкнуть.

Возьмём хотя бы искусство, как в определённой степени верховное движение Духа. Кто скажет, что оно не абсурдно, тот первый бросит в него камень. И примеров тому несть числа, но служить оно отказалось. Здесь каждый нормальный умник скажет мне, что польза не есть смысл, а отсутствие таковой не есть отсутствие такового. И будет, разумеется, прав.

Серьёзность — вот высшее проявление абсурда.

Человек с зонтиком донельзя серьёзен и уже поэтому невозможно смешон. О, если б он хотя бы догадался проделать в зонтике своём дыру для капель, обрывающихся с Неба!!! То был бы акт искусства.

Но искусство — это всего лишь побочные ветви. Ветви проявления. Настоящий абсурд непреднамерен... Но посмотрите на Мир хотя бы пять минут с закрытыми глазами и замечайте в нём такое!!!

И чем серьёзнее, тем лучше!

Я не буду приводить примеры, потому что непонимающий скажет — «частность», а понимающий и так всё понимает.

Впрочем, существование Вечности накладывает свой отпечаток.

Любой зверь, камень, цветок и даже человеческий ребёнок ничего не знают про вечность, и потому они живут естественно.

Человек о ней уже так или иначе догадывается и пытается с ней (вот нелепость) померяться силой. По его глубокому убеждению, абсурдно думать, что после смерти с ним что-то будет, но ещё абсурднее думать, что со смертью всё и закончится.

Смерть — есть переход от абсурда к смыслу и именно поэтому-то её-то как раз и не хочется.

Человек абсурдный (*Homo absurdus*) очень ловко придумал, что Дух без материи может и не существовать вовсе, что наша смерть — это наше всё. И после этого смертельно убоялся смерти, возведя её в абсолютный Абсурд.

В целях борьбы с вечностью (вот уж абсурд так абсурд) человек несколько раз отменял время и закрывал количество, говоря: «и сравнивать тут нечего, так как Миг несравнимее вечности, ибо они бесконечны».

И из тех же соображений, а вернее, по отсутствию оных, он очень любит рассуждать о Боге. Бог — есть верховная тема его размышлений. И он (сын Абсурда) абсолютно серьёзно надеется на Встречу с Ним. И там-то, наконец, он постигнет Смысл. И уж больше не ошибётся...

Он почему-то очень не хочет ошибаться, хотя и не знает Смысла.

Но возможно ли ошибиться, поняв, что ты миссионер Абсурда? Хотя это и невозможно, но крайне необходимо! А если мы станем утверждать, что любая ошибка имеет свою великую абсурдность, то снова попадём в разомкнутый круг и так и будем всю жизнь сводить концы с концами.

Так неужели же в нашей жизни так таки и нет никакого Смысла? Увы, как бы это ни было абсурдно, но вопреки всему он есть.

Абсурд — вот смысл этого Абсурда.

(1990 г.)

ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ ЕГО СОЗНАНИЯ КИПЕЛИ И ИСПАРЯЛИСЬ — В современной физике известен эффект испарения чёрных дыр. Несмотря на то, что ни свет ни какие другие частицы не в состоянии преодолеть гравитационное притяжение чёрной дыры, их излучение отлично от нуля. Как показал Стивен Хокинг, вследствие квантовых эффектов сфера с радиусом Шварцшильда r излучает как абсолютно чёрное тело с температурой $T=1/4r$. (Точнее сказать, излучает не сама чёрная дыра, а вакуум, находящийся перед ней.)

ПИСАЛ ЗАВЕЩАНИЕ ВЕТОЧКОЙ ВЕРБЫ — Возможно, у Эсинского всплыло воспоминание об эссе Велимира Хлебникова «Ветка вербы»: «Я пишу сейчас засохшей веткой вербы, на которой комочки серебряного пуха уселись пушистыми зайчиками, вышедшими посмотреть на весну, окружив чёрный сухой прут со всех сторон». Это воспоминание скорее всего навеяно текстом завещания, который, пускай и отдалённо, перекликается со «Зверинцем» вышеупомянутого поэта.

С ТАКОЙ ЛУНОЙ МНЕ НЕ СТРАШЕН И ВОЛК, ЗАПОЛЗАЮЩИЙ В ДУШУ — От ночного пейзажа повеяло на нашего героя средневековой Японией и вошли в сознание древние почти забытые образы: «Когда наконец настала полночь, время ночного бдения, отправился из верхнего павильона в нижний,— луна вышла из-за туч и засияла на сверкающем снеге. С такой спутницей мне не страшен и волк, завывающий в долине», — написал преподобный Мёэ более семисот лет назад. А через 300 лет после него Басё создал хокку, которое и воссоздал на свой манер Эсинский:

Домик в уединенье.

Луна... Хризантемы... В придачу к ним

Клочок небольшого поля.

(Перевод Мёэ — Т.Григорьевой, Басё — В.Марковой)

СУМЕЛ УЙТИ ЗА ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ — Горизонтом событий в астрофизике называется замкнутая поверхность, ограничивающая область вокруг чёрной дыры, в пределах ко-

торой силы гравитации настолько велики, что никакие сигналы не могут выйти из-под этой поверхности и достичь далёкого наблюдателя, каковым и является автор рукописи.

ВРЕМЯ ЕГО КОЛЛАПСА РАСТЯНУЛОСЬ ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ — Согласно общей теории относительности, для наблюдателя, находящегося на поверхности коллапсирующей звезды, её превращение в чёрную дыру происходит практически мгновенно, а для стороннего наблюдателя это процесс растягивается до бесконечности.

ЧТОБЫ ДОСТИГНУТЬ БОГА, СОКРЫТОГО В ТВОИХ ГЛУБИНАХ — Размышления автора рукописи, разумеется, не новы. Ещё великий Плотин писал: «Итак, для восприятия того великого, что есть в нашей душе, необходимо, чтобы мы обратили свою способность восприятия внутрь и сосредоточили внимание в этом направлении. Подобно тому, как человек в ожидании желанного голоса отворачивается от других голосов и настраивает свой слух на восприятие звука, который предпочитает всем иным, чтобы услышать его при любой возможности, так и нам нужно по мере сил отгородиться от всякого постороннего шума и сохранить в чистоте силу восприятия души, дабы она могла слышать голоса свыше» (Цитирую по книге Pierre Hadot «Plotin ou la simplicité du regard» пер. Е.Штофф).

Однако далее следует довольно неожиданный поворот, из которого следует, что поиски Бога есть тоже искушение, и что жизнь дарована нам для жизни, а не на стремление уйти за её пределы.

И СОЗНАНИЕ ЕГО ПОГРУЖАЛОСЬ В ВОСТОЧНУЮ ПУСТОТУ — Понятие восточной пустоты близко по своей сути физическому понятию ложного вакуума, из которого, по теории Большого взрыва, образовалась наша вселенная. Уместно по этому поводу привести здесь цитату из нобелевской лекции Ясунари Кавабата: «В течение всего времени там (в залах для медитации — М.П.) сидят молча, неподвижно, с закрытыми глазами, пока не приходит состояние полной отрешённости. Тогда исчезает «я», наступает «Ничто». Но это совсем не то «Ничто», как понимают его на Западе. Скорее, напротив. Это Пустота, где всё существует вне преград, ограничений — становится самим собой. Это бескрайняя Вселенная души». (перевод Т.Григорьевой)

ПРИГРЕЗИЛСЯ ЛИ ЕМУ ТОТ ПОЭТ, ИЛИ, НАОБОРОТ, ОН — ВОПЛОЩЕНЬЕ ГРЁЗ ПОЭТА — Эсинский, как мне кажется, лукавит. Никаких таких сомнений у него не возникало, а просто хотелось примерить на себя сон знаменитой бабочки Чжуан-Цзы. Уж больно располагала к этому ситуация.

СТРАННЫЙ ЖЕТОНЧИК, НА КОТОРОМ БЫЛО НАПИСАНО: «ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!» — Подобный жетончик действительно существует, на обороте у него нарисованы три вишенки и написано: «ШВЕЦИЯ СССР ЧЕРРИ 1989». Я находил подобный жетончик два раза, и каждый раз он приносил мне удачу.

С ЯСТРЕБОМ НА ЛЕВОМ ПЛЕЧЕ — Перечитывая эту фразу, я ощутил в ней что-то довольно знакомое. Проблуждав некоторое время по лабиринтам памяти, я в конце-концов выяснил где я мог слышать её. Оказалось, это был Андрей Битов со своей гениальной повестью «Человек в пейзаже», которая заканчивается словами: «... и начнёт ставить в духовку хачапури как раз в тот момент, когда я кончаю эту повесть с цыплёнком на правой ноге».

2.9

ALTER EGO — В переводе с латыни означает «другое Я» (второй Я). Часто встречается в латинской литературе. Например, у Цицерона читаем: «Ведь друг для каждого — это второй он сам».

ПО НЕБУ МЧАЛИСЬ ОБЛАКА ИЗ ДРЕВНЕЙ КНИГИ — Речь, по всей видимости, идёт о книге «Ночные бдения», вышедшей в 1805 году по псевдонимом Бонавентура, за которым, как

полагают, скрывался Шеллинг (по другим версиям: Ветцель, Динеман, Брентано, Рихтер, Лихтенберг, Клингеман и др.). Описание этой ночи почти дословно совпадает с ночью, описанной в первом бдении Бонавентуры.

РЕШИЛ ПОБЕСЕДОВАТЬ СО СРЕДНЕВЕКОВЫМ КАРДИНАЛОМ ДЖОВАНИ ФИДАНЦА — Глава францисканского ордена, философ-мистик Джовани Фиданца, родившийся в один год с Нижним Новгородом, также носил имя Бонавентура, что, видимо, и подвигло автора рукописи на общение с ним.

КТО ЕЩЁ СПОСОБЕН ПОМНИТЬ О ПРЕЖНЕМ — Этой фразой Эсинский возражает Екклесиасту, который утверждал, что: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех которые будут после.»

КАЖДАЯ ТВОЯ МЫСЛЬ МГНОВЕННО ИЗМЕНЯЕТ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР — Подобное мгновенное изменение известно в квантовой физике как парадокс Эйнштейна — Подольско-го — Розена, опубликованный ими в 1935 году. Сутью парадокса является мысленный эксперимент, в котором две подсистемы единой квантовой системы разлетаются на большие расстояния. При этом как бы далеко они ни разошлись, измерение состояния одного объекта мгновенно «редуцирует» состояние другого. В рамках квантовой механики в мгновенной редукции нет ничего парадоксального. Но многие физики полагают, что подобное явление противоречит устоявшимся представлениям о причинности.

НАЧНЁТ БЕЗО ВСЯКОЙ НАДОБНОСТИ ТВОРИТЬ НОВЫЕ СУЩНОСТИ — То есть нарушать принцип Бритвы Оккама: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» (лат.), что означает: «Сущности не следует умножать без необходимости». Английский философ и схоласт 13-го века Уильям Оккам полагал, что реальным существованием обладают только единичные субстанции и их абсолютные свойства, а вне мышления все универсалии всего лишь имена. Поэтому понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке на опыте, должны быть удалены из науки.

Эсинский, в отличие от Оккама, применяет этот принцип не к процессу познания, а к процессу созидания.

ТЫ ТОЖЕ БЛАГОВОЛИШЬ К НАМ, СУМРАЧНАЯ НОЧЬ — Феодор читает «Гимны к ночи» Новалиса в переводе В.Миклушевича.

2.10

И СОЛНЦЕ НЕ СКРЫВАЮТ ОБЛАКА — Эсинский перефразирует стихи китайского поэта Се Тяо (3-й век от Р.Х.), которые в переводе Леонида Бежина звучат следующим образом:

*«Смеркается.
И ветер всё сильнее.*

*Наутро солнце
Скроют облака.*

*Зачем ты, путник,
Ищешь орхидею:*

*Недолговечна
Красота цветка».*

ЛУЧШЕ МЫ СДЕЛАЕМ СОЛОМЕННУЮ СОБАКУ — У Эсинского, попавшего в эту хижину, преобладают в душе восточные настроения. Соломенная собака применяется в Китае в магических обрядах для концентрации внимания и для передачи ей различных энергий. После

чего собака, как правило, сжигается. В пятом чжане священного свитка Лао-Цзы «Дао-Дэ Цзин» есть строки: «Небо-Земля не вступают в контакт. Из мириад сущностей они делают соломенную собаку. Человек мудрости не вступает в контакт. Из ста родов он делает соломенную собаку». (пер. Б.Б.Виноградского)

УВЫ, МОЙ ДРУГ, МНЕ НЕКУДА СПЕШИТЬ — Так и слышатся слова старой песни: «Ямщик, не гони лошадей! Мне некуда больше спешить!»

А ЧЕЛН ПОСТРОЮ — Здесь Олег Эсинский цитирует стихи своего зазеркального собрата Владимира Эсинского:

*«Построю плот.
Куда мне торопиться?
Река не может завтра пересохнуть.
(4-й стих из цикла «Путь»)*

2.11

КУПАЙТЕСЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ И ПИШИТЕ — Эсинский цитирует Берга из романа Константина Паустовского «Блестящие облака»

СВОИМ ОСЕННИМ КРИКОМ В НЕБЕ — Очевидно, это параллель с одним из самых лучших стихотворений Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба».

ВЫ ПРЕДОК ДРЕВНЕЙ ПТИЦЫ ГОГОТУН — По одной из древнейших версий египетской мифологии, Великий Гоготун — белая птица, которая первой влетела во тьму и нарушила вековечное безмолвие Хаоса.

Великий Гоготун снёс на изначальном холме яйцо, из которого родился бог солнца Ра. И таким образом, если соотносить ястреба с богом Хором, в правом глазу которого сияло солнце, то он скорее не предок, а коллега Великого Гоготуна.

СЕРДЦЕ, ОБРОСШЕЕ ПЛОТЬЮ, ПУХОМ, ПЕРОМ, КРЫЛОМ, — Эти шесть слов и четыре запятые заимствованы мной из уже упоминавшегося стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба».

ВЕДЬ НЕТ ТАКОГО МЕСТА — ДАЛЕКО — Эсинский вспоминает философскую притчу Ричарда Баха: «Нет такого места — далеко».

ГРИБЫ РАСТУТ ОТ ГРОМА — Происхождение грибов у многих народов связывалось с громом и молнией. Известна древнегреческая поговорка, что грибы растут не от дождя, а от грома! Подобные представления были распространены в Индии, в Кашмире, в Иране, на Дальнем Востоке, в Океании, у мексиканских индейцев и аравийских бедуинов. Довольно часто связь с громом отражалась в самом названии грибов. Например, русское «громовник»; словенское *molnjska goba* «молнийный гриб»; маорийское *whatitiri* «гриб», «гром»; китайское *лэйцзинсюнь*, «гриб, испуганный громом», *лэйшэнцзюнь*, «гриб громового раската» и др.

По другим версиям, распространённым в самых разных ареалах, грибы произошли из божьего плевка, испражнений или мочи.

Многие народы наделяют грибы мужским и женским полом, в зависимости от формы (выпуклая, вогнутая), и связывают их с гениталиями. В мифологии енисейских остяков (кетов) грибы представляются захиревшими в лесу фаллосами.

ИХ МНОГИЕ СЧИТАЛИ ДРЕВОМ МИРА — На фреске Плэнкуро в национальном музее естественной истории в Париже именно гриб изображён в качестве библейского дерева познания добра и зла.

ТА САМАЯ БОЖЕСТВЕННАЯ СОМА — По предположению Уоссона, опьяняющий напиток ведийских ариев — сома — готовился из смеси мухомора и мочи.

2.12

И ЛЁГ В ПОЗУ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ — Имеется в виду картина Босха Иоанн Креститель, на которой Иоанн возлежит, подпирая левой рукой щеку, а правой указуя в землю. Иоанна окружает диковинный мир.

И, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСТИГНЕМ СУТЬ ПЕСКА — Поразительная штука эта Суть песка. И откуда она только возникла такая? Быть может, всему виной каламбур: «А в чём же суть, господа?» «С-суть? А суть они в песок...» Может быть, и каламбур. Неизвестно. Известно, что она волновала многих писателей. Юрия Ковалёва, например: «И я опустился на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

«В чём же суть этого песка? — напряжённо думал я. — Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал».

Или Мишеля Нетта:

*Зарыться с головой, как страус,
И там постигнуть суть песка...
Когда ковыль, как рваный парус,
Трепещет в ветре у виска.*

*Когда пустые караваны
Уходят в небо из души,
Когда нетронутые страны
Рождаются в густой тиши...
(Перевод с английского мой — М.П.)*

ПУСТОТА... ПРООБРАЗ ВСЕХ ВЕЩЕЙ... ВЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК ДВИЖЕНИЮ — Сравни у Д.М.Панина: «Пустота есть начало, в котором по причине отсутствия частиц и соответственно густот не происходит их сгущения-разрежения. Тем не менее субстанция пустоты обладает способностью к сгущению-разрежению. В противном случае она обратилась бы в небытие... Субстанция пустоты представляет собой застывшее движение, способное при определённых условиях проявлять свою сущность в виде колебаний и бросков».

ГДЕ ПОТАЁННОЕ ПРИСТАНИЩЕ ЭНЕРГИЙ — Современная физика приходит к пониманию того, что не только ложный, но и обычный вакуум обладает собственной энергией. В 80-х годах немецкий журнал «Пространство и время» опубликовал серию статей о летающих дисках английского изобретателя Джона Сэрла. Сконструированные специальным образом диски вращались без всякого подвода энергии и бесшумно перемещались на большие расстояния. «Если принять на веру то, о чём сообщает журнал, — пишет доктор физико-математических наук В.Барашенков, — то тут мы встречаемся с чем-то вроде откачки энергии из вакуума». Известны также опыты индийских инженеров по созданию установки для извлечения электроэнергии прямо из пространства. И пусть пока что не удалось повторить опыты Сэрла, и пусть работы индийских инженеров тоже по неизвестным причинам заглохли, «важнее другое, — пишет далее В.Барашенков, — после того как мы осознали, что вакуум — это не просто пустота, а один из видов материи, к тому же богатый внутренним движением, такие попытки уже не выглядят очередным и заведомо ошибочным изобретением «вечного двигателя».

2.13

VIS VITALIS — В переводе с латинского — жизненная сила. Термин широко применяющийся в философии виталистов, утверждавших, что живая природа принципиально отличается от неживой и что невозможно свести жизненные процессы к силам и законам неорганического мира.

В данной главе это словосочетание используется само по себе, безо всякой связи с теорией витализма.

НЕСПЕШИНОСТЬ — Чтобы раскрыть сие понятие, замечательный чешский прозаик Милан Кундера написал целую повесть.

Я, подобно моему герою и Милану Кундере, ратую за неспешность своего бытия. Позвольте, господа, жить и творить неторопливо...

...И, видимо, альманах «Дирижабль», со-редактором коего я имею честь быть, далеко не случайно имеет девиз: «...δια λαμπροτατου βαιουοντεζ α βρωσαιθερον», что в переводе с греческого означает: «...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха».

ИСКРИЛСЯ НЕЖНО-ЖЁЛТЫЙ ХВОСТ ЗЕМЛИ — В достаточно тёмные ночи на эклип-тике в области неба, противоположной Солнцу, можно увидеть слабо светящееся пятно. Это пятно называется противосиянием и есть не что иное, как свечение газового хвоста Земли.

ОН ЗАДЕВАЛ КОСМИЧЕСКИЕ СТРУНЫ — Существует гипотеза, что распределение вещества во вселенной похоже на гигантские соты с пустыми ячейками. Образование этих сот многие учёные связывают с воздействием «космических струн» — сверхтяжёлых и сверхтонких «пенок», оставшихся от кипящего правещества зарождающейся Вселенной и сыгравших роль центров, вокруг которых и произошла концентрация изначально однородной материи.

МУЗЫКА БЕЗБРЕЖНОЙ ТИШИНЫ — Автор придерживается того мнения, что если мир был создан Творцом, то несмотря на вакуум, не способный передавать звуки, творение сопровождалось Божественной и Негасимой музыкой. Эта музыка струилась на каком-то неведомом нам уровне, дрожала в странной вибрации суперструн и воспринималась непостижимыми для нас органами чувств.

Сие мнение подтверждается многочисленными мифами и легендами. Согласно одному из мифов: «В непропамятные времена, в давным-давно исчезнувшем мире жили Великие и Возвышенные. Жили они в постоянном полёте, в счастливом труде и гармонии. И не было такой тайны, которую бы не открыли Великие, не было такого закона, который бы они не постигли. И не было той вершины, которую бы не покорили Возвышенные, не было той бездны, куда бы они не спустились. И только одно единственное Дело оставалось незавершённым в их старом-престаром мире. Мире, который по неумолимому закону, уже давно открытому Великими, должен был вскоре исчезнуть, погибнуть в Последней космической катастрофе. До того как свершится эта неминуемая катастрофа, Великие и Возвышенные хотели создать Нечто, неподвластное всемирному разрушению и вобравшее в себя всё великое и возвышенное, что было накоплено в их старом-престаром мире. Это было странное неопишемое сооружение, которое, разрушаясь во время Последней катастрофы, должно было испустить негасимую божественную Музыку. Музыку, впитавшую в себя все взлёты и падения Возвышенных, все знания и секреты Великих, Музыку, которая должна была заставить разбросанные взрывом мельчайшие частицы разбитого мира закружиться в таинственном танце формообразования и создать из них новый, ещё более прекрасный мир.

И вот в назначенный неумолимым законом день и час свершилась Последняя катастрофа. Велико-Возвышенное Нечто рухнуло в холодный хаос бесконечного Ничто, испустив при этом негасимую Музыку, под которую закружились в таинственном танце беспорядочные частицы, сливаясь в новое, доселе невиданное, невыразимо прекрасное и могущественное Начало. И совсем уже было закончился животворящий танец, как вдруг в последнее его па вонзился какой-то

обломок разбитого мира и раскол от ещё незаконченного Начала на две половины. И в одну половину вошла вся душа негасимой Музыки, а в другую половину — весь разум, спрятанный в её недрах».

Другой миф, описанный Дж.Р.Р.Толкиеном в «Сильмарионе», гласит: «Был Эру, Единый, что в Арде зовётся Илуватар; и первыми он создал Айнунов, Священных, что были плодом его дум... И он говорил с ними, предлагая им музыкальные темы; и они пели перед ним, и он радовался... И пришло время, когда Илуватар созвал всех Айнунов и задал им мощную тему, открыв им вещи огромней и удивительнее всего, что являл прежде... И сказал им Илуватар:

— Я желаю, чтобы из этой темы, что я задал вам, вы все вместе создали Великую Музыку. И так как я зажгёт вас от Неугасимого Пламени, вы явите теперь силы свои в развитии этой темы — каждый, как думается и желается ему. А я буду сидеть и внимать, и радоваться, что через вас великая краса придёт в песню». (пер. Н.Эстель) Согласно этому мифу, наш мир и есть зримое воплощение музыки Айнунов.

Волшебная страна Нарния, описанная Клайвом Льюисом, была создана пением Льва. Слов у этой песни не было. Да и мелодии — в прямом смысле — тоже. Но это была, вне всякого сомнения, самая прекрасная песня, какую только можно было услышать.

СПАТЬ НА ПЕСКЕ, КОГДА УСТАЛ — Эта фраза практически повторяет определение Дзэн-Буддизма, данное Бо-чжаном: «Когда голоден — ешь, когда устал — спи».

КАК УДИВИТЕЛЬНО ЭТО, КАК ТАИНСТВЕННО — Эти строки принадлежат японскому поэту, вставшему на путь Дзэн. (Цитирую по книге Фриттьофа Капры «Дао физики», пер. П.А.Гороховского.)

ЛЁГКУЮ НЕГУ ПРИВОЛЖСКИХ ТРАВ, ТЕХ, ЧТО ЛАСКАЛИ СТУПНИ ЗОРОАСТРА — Иранский пророк Зороастр (Заратустра) родился на Славянской земле, к востоку от Волги (см. об этом, например, у известной исследовательницы зороастризма Мери Бойс). Любопытно, что и Великий Рама, которому поклоняются индусы, также родился на берегах Волги (см. Владимир Авдеев «Преодоление христианства»). Видимо, Волга несла, да, наверное, и до сих пор несёт в себе мощнейшие энергетические токи, способствующие пробуждению в душе высших сил.

ВСЁ В ЭТОЙ ЖИЗНИ ДОСТОЙНО ПРИСУТСТВИЯ БОГА — Достойны присутствие Бога любые проявления жизни, и это очень хорошо понимали древние даосы. Вот характерный пример из антологии даосской философии: «Дунго-цзы спросил у Чжуан-цзы: «Где находится то, что мы называем Путём?»

— Нет такого места, где бы его не было, — ответил Чжуан-цзы.

— А вы все-таки скажите, и тогда я смогу понять.

— Ну, скажем, в муравьях.

— А есть ли он в чём-нибудь ещё ниже этого?

— В сорняках и мякине.

— А ещё ниже?

— В черепице и кирпиче.

— Ну, а в чём-нибудь настолько низком, что дальше некуда?

— В кале и моче!

Дунго-цзы обиженно промолчал, и тогда Чжуан-цзы сказал ему: «Ваши вопросы, уважаемый, совершенно не касались существа дела...»

У вас не было необходимости спрашивать о местопребывании Пути, ибо Путь неотделён от вещей. Таков верховный Путь, такова же и великая речь.

А уж лучше нам отправиться на прогулку по Дворцу Отсутствующего, соединяясь со всеобщим согласованием и веками не зная границ и пределов! Почему бы нам не быть заодно в Недеянии? Не быть безмятежными, чистыми, праздными? Рассеем же наши помыслы, не будем никуда направляться и не будем знать, куда придём мы, будем приходить и уходить, не зная, где

остановиться. Я уже пускался в такие странствия и возвращался назад, но всё ещё не знаю, где положен им предел. Я блуждал в тех безбрежных просторах, но великое знание, там гнездящееся, не имеет границ». (пер. В.В.Мальвина)

И я, и Эсинский подписались бы под этими строками, не раздумывая.

ЭДАКОЕ РОССИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗОРОАСТРИЗМА — Зороастр полагал, что первое доматериальное творение мира было хуже, и лишь в земном физическом исполнении мир получил божественную законченность.

ЭТО ПРОСТО ПРАЗДНИК КАКОЙ-ТО — Крылатое выражение из к/ф «Буратино», произнесённое Карабасом-Этушем. Приобрело популярность после нижеследующего анекдота: «На кровати лежит умирающий Карло, под кроватью валяется изнасилованная Мальвина, у порога корчится в смертельных судорогах пудель Артемон, в печке догорает Буратино, по комнате ходит Карабас-Барабас с трубой: «Пум-ба-па-пум-ба-па, пум-ба-па-пум-ба-па. Это просто праздник какой-то!»

ТАК ЖЕ И ЗВЁЗДЫ. ВОЗМОЖНО ОНИ ТОЛЬКО ПОДСВЕТКА ДЛЯ ХИТРЫХ НЕБЕСНЫХ МАШИНОК — Касательно звёзд у моего друга Андрея Шелудякова есть ещё более замечательная гипотеза: «Эскалатор метро — это лестница в небо. А звёзды — это задние габаритные огни звездолетов, которые однажды покинули Землю и со всё возрастающей скоростью погружаются в бездны Вселенной. А мы видим только красное смещение». (А.Шелудяков «Записки о симметрии»)

2.14

ОДНА ИЗ МОЛНИЙ, СКРУЧЕННАЯ В КАПЛЕ — По одной из гипотез, шаровая молния порождается молнией обычной, которая каким-то странным образом сумела задержаться в дождевой капле.

РЕШИЛ СОЖРАТЬ ЕЁ, ПОДОБНО БОГУ ИНДРЕ — Подобную историю Эсинский мог прочитать у А.Афанасьева в книге «Поэтические воззрения славян на природу», который в свою очередь узнал о ней от братьев Гримм, а те прознали про неё от древних индийцев. Суть истории такова: «Король Узинара приносил жертву. Голубка, преследуемая ястребом, спасаясь от своего неприятеля, прилетела к королю и села на колени. Ястреб стал требовать голубки; но король не соглашался выдать её и предлагал взамен быка, борова, оленя и буйвола. «Дай мне лучше, сказал ястреб, столько собственного мяса, сколько весит голубка». Узинара отрезал кусок от своего тела, но голубка была тяжелее; он снова отрезал, но вес голубки увеличился ещё более. Король стал, наконец, сам на весы. Тогда ястреб сказал: «Я — Индра, царь неба, а голубка — бог огня; мы испытали твою добродетель, и слава твоя наполнит весь свет!»

Сравни события романа: Эсинский, как бы молящийся небу; молния, подобно голубке, как бы пришедшая на его призыв; ястреб, бросившийся на молнию; Эсинский, спасающий ястреба, рискуя собственной жизнью; чудесное избавление...

И КРАСОТА ВРЫВАЛАСЬ ВМЕСТО ПЕПЛА — «Красота вместо пепла» — цитата из пророка Исаии. Кстати, в своё время Сомерсет Моэм хотел так назвать свой первый роман, но узнав, что это заглавие уже было использовано, выбрал название по одной из глав «Этики» Спинозы — «О человеческом рабстве». (В русском переводе роман называется «Бремя страстей человеческих».)

ЧТО ЗА СМЕХ! ЧТО ЗА РАДОСТЬ, ЕСЛИ МИР ПОСТОЯННО ГОРИТ! — Эсинский включает в свою речь строки «Дхампады»: «Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищите света?»(пер. с пали В.Н.Топорова)

Но, однако, в первой строке он не вопрошает, а утверждает. Подобные мотивы слышатся у Бориса Пастернака в «Записках Спекторского»:

*О, как мы молодеем, когда узнаём,
Что — горим...*

ТЕПЕРЬ ВООБЩЕ АБРАКАДАБРА — Абракадабра — это вовсе даже и не бессмыслица, как думает Эсинский, но, наоборот, имя Сирийского идола, в переводе с еврейского означающее «скройся, нечистый»; нужно написать это магическое слово 11 раз, составив при этом треугольник, положить в ладанку и носить на шее, тогда избавишься от горячки.

2.15

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ — Как известно, Эразм Роттердамский написал сатирический трактат по одноимённому словосочетанию. В письме к Томасу Мору, включённому в сей высокомуудрый труд в качестве предисловия, Эразм Роттердамский писал: «Конечно, пусть судят меня другие: однако коль скоро не вконец обольстила меня Филавтия, то сдаётся мне, что я восхваляя Глупость не совсем глупо». (пер. П.К.Губера)

Хотелось бы и мне, хоть отчасти, уподобиться великому «апологету» глупости.

В НЕБЕ ЛЕТЕЛ ОДИНОКИЙ ГУСЬ — В древнем Китае этот образ символизировал человека, оторванного от близких людей и родных мест, бесприютного скитальца и одинокого странника. Одновременно это и образ небесного вестника. Ему обычно противопоставляется образ вороньей стаи — духовной «черни», «толпы». Они разнятся между собой во всём — гусь летит высоко, вороны же кружатся над самым полем; у первого есть далёкая прекрасная цель — вторые суеются бестолково и бесцельно; однако первый одинок в гордых высях и тщетно ищет себе подобных, а вторые наслаждаются обществом равных и не чувствуют одиночества, ибо очень многочисленны. (В этом комментарии использованы примечания И.С.Лисевича к белому томику Китайской пейзажной лирики, изданному Московским университетом в 1984 году.)

Отметим, что в русской фразеологии образ гуся имеет совершенно иное значение: Гусь лапчатый — пройдоха, гребущий, подобно плавающему гусю, всё под себя. «Хорош гусь!», «Гусь свиные не товарищу», «Как с гуся вода» и т.п. Однако заметим, что все эти фразеологизмы относятся к плавающему, а не летящему гусю.

На страницы нашего романа одинокий гусь, естественно, прилетел из древнего Китая, а не приплыл из русской фразеологии.

ПЛОТЕН ТУМАН, ГЛУХ КОМАРИНЫЙ ЗВОН — Эсинский достаточно вольно читает стихи средневекового вьетнамского поэта Нгуен Зы, которые он мог видеть в переводе М.Ткачёва в рассказе о злых делах девицы Дао. (В оригинале звон не комариный, а колокольный.)

В ЛЕСУ, ОМЫТОМ ГРОЗОВОЙ КАПЕЛЬЮ — Строка из уже цитировавшегося стихотворения Се Тяо «Сижу и ничего не делаю».

СТАТУС ВЕЛИКОЙ ГЛЫБЫ — Великая Глыба или Великий Ком (да куай) — это словосочетание взято из даосской книги «Чжуан-цзы». Комментаторы вкладывают в него различный смысл: творящее всё сущее Небытие, Первоначальный эфир, Первозданный хаос, Земля, Вселенная. Наиболее любопытный комментарий этого понятия дан В.В.Малявиным. «Да куай — обозначение, одно из оригинальнейших в истории философской мысли, предельной реальности, «великого единства» абсолютного бытия. Отметим, что Великий Ком бытия предстаёт у Чжуан-цзы пустотой мировой пещеры (или чревом Матери мира), вмещающей в себя всё сущее, а между покоем пещеры и вихрем мирового движения существует полная преемственность. Другими словами, тело у Чжуан-цзы находит завершение в пустоте, и подлинное бытие для него — пустотелое».

Что имеет в виду Эсинский под своим сравнением, не вполне ясно. Возможно, физическое пространство подменяется у него пространством Сознания. И тогда Великий Ком предельной реальности становится Великой Глыбой прозрения запредельной ирреальности.

Возможно и другое толкование. Если следовать допущению Эсинского, что окружающий мир — это всего-навсего фантазия некоего запредельного творца, то это Обгорелое бревно, на котором герой читает Божественные откровения, вполне может оказаться той самой изначальной Деталью, из которой и родилось всё последующее повествование.

Но возможно (и это вероятнее всего), сравнение Эсинского возникло совершенно случайно, просто-напросто из внутреннего лексического изыщества.

2.16

Vanitas vanitatum — В классическом переводе эта фраза из Книги Экклесиаста звучит, как «Суета сует». А в современном переводе Э.Г. Юнца: «Никчемно всё». (Менее красиво, но зато более точно)

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЭТО — ЕСТЬ, ПИТЬ... — Автор рукописи цитирует Экклесиаста.

ЗДЕСЬ ИЗБАВИЛ МЕНЯ ГОСПОДЬ ОТ ВСЯКОГО НЕВЕДЕНИЯ И ЗАБВЕНИЯ, И МАЛОДУШИЯ, И ОКАМЕННАГО НЕЧУВСТВИЯ — С такую просьбой обращался к Господу в своей молитве святой Иоан Златоуст.

2.17

Vive valeque — Живи и будь здоров (заключительная формула латинского дружеского письма).

ВОТ ТАК ЖЕ И ЖИВОПИСЕЦ КОРОВИН ВОСХИЩАЛСЯ... — В воспоминаниях Константина Коровина описано, как однажды на даче у Мамонтова в Абрамцево Врубель и гувернёр Таньон устроили трапезу из речных ракушек, имитируя ими устриц.

НО ЕСТЬ СИИ АКРИДЫ ОТКАЗАЛСЯ... — Акриды — пища Иоана Крестителя, род саранчи, а, возможно, листья кустарника акрида; («Иоан же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих и ел акриды и дикий мёд». (Марк 1,6);)

Питаться акридами, вне всякого сомнения, символично и, безусловно, поэтично. Это прекрасно понимал в своё время Гийом Аполлинер, сказавший:

*«Была акрида неспроста
Едой святого Иоанна.
Будь так же, лирика, проста
И только избранным желанна!»
(Бестиарий, пер. М.Яснова).*

3.

ЛУЧШИЙ ИЗ ПУТЕЙ — ВОСЬМЕРИЧНЫЙ; ЛУЧШАЯ ИСТИНА — ЧЕТЫРЕ СЛОВА — Эта строка взята из Дхампады (пер. В.Н.Топорова). Четыре слова, или четыре благородные истины, являются основой буддизма, они пронзили Будду в момент просветления, и именно с них началось его учение. Суть их сводится к следующему:

1. В мире есть страдание и зло, и появление их далеко не случайно.
2. Так как всё в этом мире имеет свою причину, то зло и страдание также имеют своё происхождение: они зависят от рождения, которое в свою очередь определяется привязанностями.
3. Страдания и зло прекратятся, если будет устранена причина, их породившая.
4. К прекращению зла и страданий ведёт благородный восьмеричный путь: 1) правильный взгляд, 2) правильные намерения, 3) правильная речь, 4) правильные поступки, 5) правильная жизнь, 6) правильные усилия, 7) правильная память, 8) правильное сосредоточенное размышле-

ние. Каждое из этих восьми правил препятствует возникновению условий, вызывающих страдание, уничтожает невежество и привязанности, успокаивает и приближает к просветлению.

Однако не исключено, что в данном случае имеется в виду движение по восьмёрке в прямом смысле. А четыре слова могут быть какими угодно, хоть бы и такими: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ...»

А кроме всего прочего, вполне возможно, что эта строка переключается с четверостишьем поэта Ильи Нежного из его поэмы «Первопутки»:

*Возвратно-восьмеричное движение.
Кружение над бескрайним «Далеко».
Небесно-синей истины явленье —
БЕСПЕЧНО, ВЕСЕЛО, ПРЕКРАСНО И ЛЕГКО.*

3.1

ВЕРЕСЕНЬ — Одно из древнерусских названий сентября. По одной версии, это название связано с порой цветения вереска, а по другой — происходит от старинного малороссийского слова «врасенец», означающего иней. На Украине сентябрь до сих пор называется — вересень, в Белоруссии — верасень, в Болгарии, Сербии и Хорватии — вресень.

И МЫ СЕЙЧАС ДОСТРОИМ ЭТОТ ХОЛМИК — Обычай строить песчаные холмики за несколько дней до Нового года существует на Юге полуострова Индокитай. По кхмерским поверьям, каждая песчинка, составляющая холмик, означает прощение одного дурного поступка. Эсинский, строя свой холмик, подобно кхмерам, хочет войти в новую жизнь очищенным от прошлых грехов. (Отметим, что сентябрь в древней Руси был первым месяцем Нового года.)

И УПЛАВЬЁМ ПОД КРЫШЕЮ САМПАНА — «Ты уплавёшь под крышею сампана...» — строка из стихотворения древнекитайского поэта Синь Цзицзи «На проводы Оуян Гожуя, отъезжающего в область У». (пер. М.И.Басманова)

Я БУДУ ЗАЩИЩАТЬ ТЕБЯ ОТ ВЕТРА — В этом пассаже Эсинский переключается с книгой пророка Исаии: «И каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источники вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей».

ЗА ОБЛАЧНЫМ ВОЛШЕБНЫМ КОЛОБКОМ — «За волшебным колобком» — так называется книга М.М.Пришвина о Крайнем Севере России и Норвегии. Посвящалась эта книга стране без имени и территории, той стране, куда не раз убегали мы в детстве. Той стране, куда нежданно-негаданно угодил наш безалаберный странник.

ЗОЛОТЫЕ ВОЛНЫ ОСЕНИ — Согласно древнекитайской концепции круговращения пяти первоэлементов в природе, с осенью соотносится элемент металла (в том числе и золота). Движение мирового эфира осенней порой — это движение стихии металла, воплощённое в разном облики: воды, ветра или человеческих чувств. Золотая волна — поэтический синоним осенних вод, точно так же, как золотой ветер означает ветер осени. (из комментариев И.С. Лисевича к сборнику «Китайская пейзажная лирика»)

ВЕТЕР ЗАСТРЕВАЛ В ОТРОСШЕЙ БОРОДЕ И РАЗВЕВАЮЩИХСЯ ВОЛОСАХ — Согласно древнекитайским церемониям, распустить волосы мог лишь человек, ставший отшельником или соблюдающий траур.

3.2

ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ, И ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ — Книга Экклесиаста, или Проповедника, (1.5; 1.6)

КУДА ЖЕ ТЕБЕ ПЛЫТЬ — «Плывёт. Куда ж нам плыть?...» последние слова пушкинского стихотворения «Осень» (отрывок), законченного лишь в черновом варианте и чарующего своей гениальной оборванностью. Первые слова этого стихотворения — «Октябрь уж наступил» — так же перекликаются с текстом этой главы.

То есть «3.2 Водовороты выбора» как бы резонируют с пушкинской осенью, граница с ней истоком и впадением.

ВЕДЬ НЕБО И ЗЕМЛЯ ИЗВЕЧНО ТЕ ЖЕ — Эсинский пользуется стихотворением Максимилиана Волошина «Дом поэта»:

.....
*Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же,
Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окоём.
Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далёкий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*

С ЭКРАНА МОЕЙ АСПИДНОЙ ДОСКИ — Не совсем ясно, что здесь имеется в виду? Доска ли из аспида (и если да, то тогда из какого аспида?) или просто доска чёрного цвета (аналог школьной?)? Можно допустить и вовсе нелепый вариант буквальной расшифровки. В этом случае вычлениются три способа прочтения (один другого хуже): 1. аспидной доски, то есть доски (души), незаражённой СПИДом, сохранившей иммунитет на заражения духа; 2. аспидной доски, то есть доски первоначальной константы «Пи», несущей ответственность за длину окружности, по которой предположительно вращается душа; 3. А.С.П. и дной доски, то есть доски, достигшей дна А.С.Пушкина и продолжившей его.

3.3

КВАДРАТ КВАДРАТОВ — Так называется одно из стихотворений Игоря Северянина, состоящее из четырёх четверостиший, каждое из которых отличается от других лишь перестановкой слов в строках. Содержание этого стихотворения и близко не стояло с исканиями и видениями Эсинского (за исключением, пожалуй, четвертой строки: «Точно зверь, заплутал меж тревог и поэм»), но обоих, безусловно, роднят поиски формы, как в поэзии, так и в жизни.

ВО ВРЕМЕНИ ВНЕ ВРЕМЕННЫХ ВЕЩЕЙ — Товарищ Ленин придумал в своё время гениальную формулу: «Время вне временных вещей = бог».

ИМЕННО ТАКАЯ, ПРО КОТОРУЮ ОН ЧИТАЛ В ДАЛЁКОМ-ДАЛЁКОМ ДЕТСТВЕ — Возможно, Эсинский имеет в виду рассказ Константина Паустовского «Первый снег», в котором есть такое описание: «Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами. Долго прислушивался и наконец понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мёртвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад».

ЛАБИРИНТНОЕ РАССТРОЙСТВО СОЗНАНИЯ ПОРОЖДАЕТ РАССТРОЙСТВО СЛУХОВОГО ЛАБИРИНТА — Лабиринтное расстройство сознания, скорее всего, выдуманно самим Эсинским, а вот слуховой лабиринт придуман задолго до него. Именно лабиринтом называют врачи и анатомы внутреннее ухо, в котором расположены воспринимающие части органов слуха и равновесия — улитка и вестибулярный аппарат.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК БУШЕВАЛ ОСЕННИЙ ВИХРЬ, «ПРОЧЁСЫВАЮЩИЙ ТРАВЫ НА ПОЛЯХ» — В сознании Эсинского всплывают воспоминания о книге средневековой японской барышни Сэй Сёнагон «Записки у изголовья»: «На другой день после того, как бушевал осенний вихрь, «прочёсывающий травы на полях», повсюду видишь грустные картины. В саду повалены в беспорядке решётчатые и плетённые ограды. А что сделалось с посаженной там рожицей! Сердцу больно.

Упали большие деревья, поломаны и разбросаны ветки, но самая горестная неожиданность: они примяли под собой цветы хаги и оминаэси.

Когда под тихим дуновением ветра один листок за другим влетает в отверстия оконной решётки, трудно поверить, что этот самый ветер так яростно бушевал вчера». (пер. В.Марковой)

Осенняя грусть Эсинского хоть и отличается от грусти Сэй Сёнагон, но они сближаются по той светлой ноте, которая присутствует у обоих.

(кстати, их роднит и сама фамилия)

3.4

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ДНЕЙ... — Эсинский отплыл утром, часов около десяти, а наткнулся на водоросливый затор ближе к вечеру, примерно в четырёх. Поэтому, если быть точным, то прошло 6 дней и 6 часов, что равняется 150 часам.

Если видеть в плавании Эсинского некую аналогию с Ноевым ковчегом (с той разницей, что в библейские годы потоп обрушился на Землю, а в житии Эсинского случилось наводнение его донельзя переполненной души), то замечается ещё одно сходство. Именно 150, правда, дней усиливалась вода на земле, и только потом вспомнил Бог о Ное и о бывших с ним в ковчеге.

Можно усмотреть в шестом дне и ассоциацию на библейское творение мира. А если пере- считать это время в десятиминутках, то их получается ровно 900, что равно количеству лет, прожитых Ноем, если считать их не в лунных, а в солнечных годах.

Однако не стоит излишне увлекаться числовыми параллелями. Как говорил Умберто Эко: «С числами можно делать всё, что угодно». Из размеров пирамид (а также табачных киосков) можно получить и число Пи, и расстояние до солнца, и дату победы при Пуатье, и химическую формулу нафталина». (анонимный перевод, Фита, 1995)

ПРИДЕЛАТЬ К КОВЧЕГУ КАКОЙ-НИБУДЬ ПЛУГ... — Такой специальный плуг был изобретён около пятисот лет назад великим Леонардом Да Винчи: «Вот способ очистить гавань. У плуга спереди будут острия наподобие лемехов и ножей, и это позволяет названному плугу забирать много ила, и сзади будет он изрешечён отверстиями, дабы не оставалась вода в этом ящике; и названный плуг доставят на барке в то место, где нужно рыть...» и т.д. (пер. В.Зубова)

ОСТРОВК КРУТОЙ ОСТАНОВИТ МЕНЯ В ПУТИ — Фрагмент стихотворения Се Хуэйяня в переводе А.Бежина.

3.5

НЕУЖЕЛИ МОКША? — Возможно, удивление Эсинского связано с узнаванием реки, недалеко от которой он родился и вырос. (Если это действительно та самая Мокша, то речь идёт о правом притоке Оки, протекающим в Тамбовской области и Мордовии, длина 656 км, площадь бассейна 51 000 квадратных километров.) А возможно, с узнаванием в этом слове своего внутреннего состояния: (Мокша, или «освобождение», составляет основное содержание индуизма. Достичь Мокши — это значит освободиться от чар Майи, разорвать узы Кармы и осознать, что все чувственно воспринимаемые события — проявления одной и той же реальности. Что всё сущее, включая нас самих, есть Брахман.)

3.6

VANELLUS VANELLUS — Чибиc.

VIVA VOX — В переводе с латинского — «живой голос». Собственно говоря, весь роман, а уж эту главу в особенности, рекомендуется произносить, ибо текст жив, пока жива интонация.

Вот что сказал по этому поводу Плиний Младший: «Всегда есть возможность читать, но не всегда — возможность слушать. К тому же живой голос гораздо сильнее, как говорится, трогает».
(пер. В. Сомова)

ОСЕНЬ В ЗАВОДИ — У этого отрывка, по всей видимости, существует некая внутренняя связь с главой «Осень в заоди» из Грузинского альбома Андрея Битова. Именно внутренняя, поскольку внешние события абсолютно различны: Там — Грузия, Алазанская долина и заоди (завод) по изготовлению чачи. Здесь — Россия, Волжско-Окское междуречье и тихая заводь. Там — «пир князей», грузинское застолье, свиной шашлык и «даже не вино, а материал вина». Здесь — одинокий ужин, беседы с чиби́сом и ветром, немного хлеба, колбаса и водка.

Но внутренняя канва..., не сами события, но «материал» событий обладают едва уловимым и удивительным сходством: И там, и здесь «в воздухе стояла осень, равная весне». И там, и здесь было «н а с т о я щ е е» и ничего не вызывало «сомнения и стремления дальше». И там, и здесь события развивались на грубо сколоченном «корабле мира, утлой лабье счастья, дирижабле после седьмого стакана».

И ЧИБИС ... ПЕРЕПУТАВ ОСЕНЬ И ВЕСНУ — Обычно чиби́сы сопровождают своими жалостливыми криками весенние токовые полёты.

Чем объяснить его осенний крик? Наверное, каким-то нам неуловимым сходством. И может быть, далеко не случайно месяц Весов так близок по звучанию к весне.

И ВОСЬМОЙ ЛУНЫ ПЛОТ — В одной старинной китайской легенде рассказывается о том, что в восьмой луне (что приблизительно соответствует сентябрю) некий странник увидел на берегу моря плот. Он отправился на нём в путешествие и достиг самого Млечного пути.

МЫ ЧИТАЕМ СТИХИ ОБЛАКАМ И ДРАКОНАМ — Стихи Эсинского являются контами-нацией строк Николая Гумилёва из стихотворения «Я и ВЬ!»:

*«Я читаю стихи драконам,
водопадам и облакам».*

И строк Ду Фу из цикла «восемь стансов об осени»:

*«Еду посланцем, может быть, зря...
восьмой луны плот».*
(пер. Э.Балашова)

(Эти же строки в переводе А.Гитовича звучат так:

*«Я скиталец на плоту убогом —
Он не приплывёт к родному краю».)*

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЯТОЙ ЛУНЫ НА ИСХОДЕ ЧАСА ДРАКОНА — Разглагольствования Эсинского чем-то напоминают «Дневник путешествия из Тоса в столицу» японского средневекового поэта Ки-Но Цураюки.

Месяц пятой луны приблизительно соответствует июню, час дракона длится с 8 до 10 часов утра.

НЕ ЗНАЯ, ВПРОЧЕМ, КУДА — Не исключена аллюзия на строку Бориса Гребенщикова из песни о стороже Сергееве: «И он, трясаясь, уходит за дверь, не зная ещё, куда...»

ГЛУПОЙ ПИГАЛИЦЕ — Пигалица — это другое название чиби́са.

ВЕДЬ ГЛАВНОЕ СОКРЫТО НЕ В СЛОВАХ, А В ИНТОНАЦИИ — Эсинский не одинок в своих рассуждениях.

Древние друиды верили в исключительную силу интонации и полагали, что одно и то же слово, произнесённое разным тоном, может стать как проклятием, так и благословением.

Сходные мысли высказывает герой моего рассказа «Интервью с январём»:

«— Значит, слова всё-таки обладают той огромной силой, способной влиять на судьбы людей и мира?»

— Слова? Ну, в каком-то смысле. Хотя, конечно, гораздо важнее интонация. Интонация, как ни странно, это не только звуковое наполнение. Это как бы внутренний стержень, некая энергетика текста. И даже при чтении про себя вы задаёте тексту свою внутреннюю интонацию, и именно интонация прочтений накладывает отпечаток на всю вашу жизнь. Вальтасара погубила огненная интонация слов, а не их псевдоперевод».

Очень близко к этому и замечание Андрея Шелудякова в его «Записках о симметрии»:

«Главное не в смысле сказанного, а в интонации, как все соки в дереве по коре идут, — подумаешь: «Надо же — такое толстое дерево, а все соки текут по такой, честное слово, малости». Вот если автор — жизнелюб, и то, что он вспоминает, доставляет ему радость, удовольствие, прибавляет ему сил, — то и вам он поднимет настроение, а, может быть, и еще кое-что, будьте покойны».

Практически о том же писал лет семьдесят назад Борис Поплавский: «... только по интонации узнаётся истинное благородство, она же есть верховная инстанция всякого литературного и жизненного сомнения. Ибо каждое бытие имеет своё тайное, подспудное, подводное звучание, но чаще всего мы совершенно глухи к явственному в небе пению звёзд и довольствуемся лишь их анекдотически мигающей в мраке формой. «Merlin chante si loin que Dieu l'entend a peine. (Мерлин поёт так далеко, что Бог его едва слышит)».

3.7

ДЕНЬ И НОЧЬ НА ВОДЕ... — Эсинский читает стихотворение китайского поэта V века Се Линьюня в переводе Л.Бежина, однако последние три строки — это уже его собственное сотворчество.

КАК НЕОЖИДАННА СОБСТВЕННАЯ ДУША! — Это восклицание принадлежит Константину Бальмонту. «Стоит заглянуть в неё, чтобы увидеть новые дали», — продолжает далее великий солнцепоклонник.

ОНА БРЕДЁТ ПОВЕРХ ПРИЧИН И ЦЕЛЕЙ — В своё время (приблизительно 1992 г.) я написал небольшую заметку, касающуюся причин и целей. Она так и называлась:

ПОВЕРХ ПРИЧИН И ЦЕЛЕЙ

имела подзаголовок: (около постижения)

и выглядела следующим образом:

«Каждое действие в одухотворённом мире определяется двумя вопросами: «Почему?» и «Зачем?» То есть, в каждом действии всегда присутствуют: причина и воля, случайное стечение обстоятельств и определённое намерение, прошлое и будущее, необходимость и желаемость.

Я сажусь писать этот текст, потому что во мне зазвучали какие-то мысли, и пишу его для того, чтобы освободиться от них, оформить их, развить, выговорить, самому до конца понять и выставить их напоказ, на оценку, чтобы услышать о себе лестное мнение, получить признание, удовлетворить честолюбие и т.д. Разумеется, причины не всегда осознаются, а цели далеко не всегда ставятся, но они в той или иной пропорции присутствуют почти всегда.

Ответ на вопрос «Почему?» пытается дать наука. Около вопроса «Зачем?» вращаются философия, религия, мистицизм и искусство.

Цепочка причин всегда конечна, она всегда упирается в факт или в событие и, в конце концов, в Событие всех событий — Начало.

Цепочка намерений бесконечна и неопределённа, поскольку, даже если и существует некий Предел, то неминуемо существует и Намерение выйти за его границы.

Цепочка вопросов «Почему?», постепенно сужаясь, всегда упирается в нечто изначально необъяснимое и потому, в общем-то, всегда рассыпается в прах, хотя и не теряет при этом своей самоценности.

Цепочка вопросов «Зачем?», постепенно расширяясь, также упирается в нечто, в конечном итоге, необъяснимое, теряя при этом определённым образом весь свой смысл.

Некоторые следствия могут быть и равносильны (параллельны) причине. Например, ряд натуральных чисел содержит простые числа. Не было бы натуральных чисел, не было бы и простых, но почему среди натуральных попадаются числа с дополнительным свойством простоты — необъяснимо.

Наука всегда пытается объяснить явление. Философия и искусство, прежде всего, — понять его.

Понять (а точнее — постичь) — это, в общем-то, не значит ответить на вопросы «Зачем?» и «Почему?». Полное постижение приводит к с н я т и ю этих вопросов.

Например, рождение ребёнка связано не только с вопросами «Зачем?» и «Почему?», хотя их в принципе можно поставить и так или иначе на них ответить, но ответы на эти вопросы не исчерпают событие. То есть, это явление выпадает из причинно-целевой связи и происходит независимо от неё. Но это явление ничем принципиально не отличается от других явлений!

Объяснение, как правило, не трудно передать другим. Постигание же вообще невозможно передать, но лишь натолкнуть на приближение к нему, донести его «аромат», подвинуть на путь к нему.

Так, написав эту небольшую заметку, я понял, что причина и цель далеко не самое главное в каждом действии и явлении, но я не знаю, насколько мне удалось передать «аромат» своего постижения».

КОГДА-ТО Я СКОТИНУ ПАС... — Эта строка взята из одноимённого рассказа Юрия Ковалёва. Основной вариант стихотворения был таковым:

*Когда-то я скотину пас,
Сажал в садах фасоль.
Теперь держу в руках компас,
Держу в руках буссоль...*

А для цитируемого Эсинским четверостишья Ю.Коваль предложил лишь первые две строки, надеясь на читательское сотворчество.

НЕЗРИМЫЕ ЗАКОНЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КУХНИ — Семантическая кухня изобретена художником Александром Окунем и поэтом Игорем Губерманом. Семантическая кухня предполагает «изготовление блюд не простых, а видом, запахом и вкусом находящихся в гармонии с названием. Так, например, огненная яшница глазунья с каплями томата — это Кармен, а нечто тусклое и цветом грустное и без лиц — плач Ярославны... Семантическая кухня, восстанавливая связи между смыслом и вкусом, позволяет нам во время еды ощутить себя в слитном и экстатическом единстве с мировой культурой не зря прошедших тысячелетий...

Состав еды незримо связан с разговорами, которые ведутся. Так, например, за пищей грубой и простой (с обильными возлияниями) уместен разговор крестьянский: о погоде, о видах на ближайший урожай, о трудностях с продажей книг и живописи, о непостижимой для ума, но несомненной связи женского характера и зада». (И.Губерман «Пожилые записки»)

ТАК ВЕДЬ ТАКИХ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ, КАК ТЫ, У НАС УЖЕ НЕ СТАЛО — В этой фразе слышны отзвуки 33 главы из книги Пророка Исаии: «Опустели дороги; не стало путешественников».

НИЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В ЦЕНТРЕ РОССИИ — С подобным способом хозяйствования автор столкнулся во Владимирской области в 200-х километрах к востоку от Москвы на небольшой речке Колпь и был поражен этим не меньше Эсинского.

Это было июль 1986 года, по всей России свирепствовал антиалкогольный указ, очереди за водкой выстраивались на полквартала, а в этом удивительном крае люди работали: тархтел по реке колёсный трактор, а на пойменных лугах, где из-за рельефа не справлялись сенокосилки, крестьяне косили косами; работали и стар и млад; стога ставили на какие-то специальные шесты, и они как бы висели над землёй, не боясь заболоченной почвы...

— А вон там, за мостом, на бутре беленького можете прикупить,— проинформировал нас без всякого вопроса спустившийся к воде старичок,— а если по дороге до следующего села пройдёте, там и красное есть.

(В это было невозможно поверить, совсем недавно мы проплывали по тому же междуречью краю и в небольшом городке Спас-Клепики из спиртного было только пиво, за которым стояла огромная очередь, набирая это пиво в молочные сорокалитровые фляги, и вдруг... нате вам: белое, красное...)

— А у нас сейчас покос, не пьют мужики.

И вот тогда, я подобно Эсинскому, взглянул на нашу Россию совершенно другими глазами и понял: никакие социальные катаклизмы, никакие экономические эксперименты не смогут полонить страну, в которой крестьяне косят водоросли на речках и подвешивают стога на шесты.

3.8

И ЕСЛИ ЖИЗНЬ ВСЕГО ЛИШЬ СТРАННЫЙ ЭПИЗОД МАТЕРИИ — Сравни с рассуждением одного из героев Мишеля Рио: «Художественное творчество является одной из областей приложения человеческого сознания, сознание — превратностью жизни, а жизнь — эпизодом материи». (Неверный шаг, пер. С.Никитина) Рассуждение, безусловно, полемичное, но красивое (в равной степени можно считать и материю эпизодом жизни, и жизнь игрой сознания, и сознание всего лишь частью творчества).

ЖИЗНЬ — И ЕСТЬ ТО САМОЕ «БОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ» ДЛЯ ЗАГАДКИ ПО ИМЕНИ ЧЕЛОВЕК — Здесь Эсинский полемизирует не только с уже упомянутым Мишелем Рио, но в первую очередь с отцом антропософии Рудольфом Штейнером, утверждавшим, что «Весь мир, кроме человека, является загадкой, настоящей мировой загадкой, а сам человек является её решением».

ТЁМНЫЕ ПОТОКИ СУМЕРЕЧНОГО БЛАЖЕНСТВА — Под Сумеречным состоянием психологи понимают вид помрачения сознания, длящийся от нескольких минут до многих часов. Сумеречное состояние характеризуется внезапным началом и окончанием, при этом нарушается ориентация в окружающем мире, возникают чувство отрешённости, аффект страха и злобы, галлюцинации и бред.

Сумеречное блаженство состоит в близком родстве с Сумеречным состоянием, но в отличие от последнего характеризуется приступами накатившей радости и доброты, а отнюдь не страхом и злобой.

СПОКОЙНО НА СЕРДЦЕ... — Эсинский снова использует стихи Се Линъюня (пер. Л.Бержина), слегка перекаивая их под обволакивающую его ситуацию.

ТЬМА БЫЛА ТЬМОЙ. И ЕЩЁ БЫЛА ОНА КОШКОЙ — Метафора тьмы-кошки встречается у Бориса Пастернака: «Сумрак крася быстрой кошкой, Кошкой в дымчатых отметах».

ВНУТРЕННЕЕ ЗРЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ОСТРЕЕ — Скрытая цитата из Лиона Фейхтвангера: «Гомерами называли певцов по двум причинам: первая — та, что многие певцы были слабы зрением, а то и просто слепы, что приходилось весьма кстати для их занятия, ибо внутрен-

нее зрение становится острее по мере того, как угасает зрение внешнее». (См. «Одисей и свиньи или о неудобстве цивилизации» пер. С.Ошерова)

МАШИНУ ДЛЯ ПОИСКА ИСТИНЫ — Впервые подобную машину придумал Раймонд Луллий более шестисот лет назад. В концентрически расположенных кругах Луллий писал различные понятия. А сочетания этих понятий, возникающие при повороте кругов, должны были открыть человеку все истины.

ТЬМА ПОСТЕПЕННО УМЕНЬШАЛАСЬ ... ПРЕВРАЩАЯСЬ В ОГОНЁК КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЫ — Возможно, мысли, блуждающие во тьме, слетелись, подобно комарам и ночным бабочкам, на свет огня и разговора?

ПОСТРАДАЛ ИВАН, ПОСТРАДАЛ — Неизвестно, читал ли Иваньков Гайдара, но это, впрочем, и не обязательно, поскольку фраза, придуманная Аркадием Петровичем, уже давно стала крылатой. Кстати, сам Гайдар очень радовался, когда сочинил эту фразу, и считал, что тот день прошёл далеко не впустую. (Об этом дне довольно подробно рассказал Константин Паустовский.)

3.9

ОГРОМНАЯ ПЯТНИСТАЯ ЩУКА — *Esox lucius L.*, а по-нашему говоря, щука зубастая — самый крупный, после сома, хищник, обитающий в средней полосе России. А.П.Сабанеев пишет, что щука может достигать огромной величины и глубокой старости. «В Каме и в глубоких бочагах многих уральских рек изредка попадаетея трёхпудовая щука. Четырёхпудовые щуки, по свидетельству профессора Кесслера, встречаются в Онежском озере, тогда как в Ладожском эти хищники редко бывают более пуда весом. Самые огромные щуки водятся, по-видимому, в Вычегде и других северных реках. По свидетельству Арсеньева, монахом Ульяновского монастыря поймана здесь на дорожку, т.е. на ходовую блесну, щука в 5 пудов...

Самая крупная щука из когда-либо пойманных — это историческая щука императора Фридриха II Барбароссы, пущенная им, как значилось на кольце, в 1230 году в одно озеро близ Хейльбронна и вытащенная неводом в 1497 году, т.е. через 267 лет. От старости рыба совершенно побелела. Величина её была 19 футов, т.е. с лишком 8 аршин, а весила она 8 пудов 30 фунтов. Портрет этой щуки сохраняется до сих пор в замке Лаутерн, а скелет и кольцо — в Мангейме».

ЭВОЛЬВЕНТУ ОКРУЖНОСТИ ОТ КОНТУРОВ СВЕТА — Эвольвента — это кривая, для которой данная кривая является эволютой. Т.е. траектория щуки проходила сквозь темноту по ступенькам разбегающихся окружностей, центры которых находились на границе тьмы и света.

ЗНАЛ Я ВСЕГДА, ЧТО СВОЙСТВЕННО ТЕЛУ... — Первые шесть строк этого стихотворения всплыли в памяти Эсинского из читанного когда-то давным-давно завещания Гунавармана (в переводе М.Ермакова).

ОСЕНЬ! ОСЕНЬ НАСТАЛА! — Эсинскому в звуках дудочки слышались стихи Симадзакиса Тосона в переводе Н.Шефтелевич.

ЗОДЧИЕ МУЗЫКИ — Как сообщает Милорад Павич в «Хазарском словаре», зодчие музыки существовали на хазарской земле испокон веков. Они обтёсывали огромные глыбы соли и из них воздвигали валы на путях ветров. «На пути каждого из сорока хазарских ветров (половина из них были солёными, а половина сладкими) стояли грядой утёсы из соляного мрамора, и каждый год, когда наступало время обновления ветров, на таких местах собирались люди и слушали, у кого из зодчих получилась самая лучшая песня. Дело в том, что ветры, сталкиваясь с соляными валами, протискивались между глыбами, глядя их по макушкам, исполняли всякий раз новую песню до тех пор, пока эти сооружения не исчезали навсегда вместе с теми, кто их воздвиг...»

Разумеется, уловить музыку, написанную заскорузлыми руками непохмелившегося егеря, дано далеко не каждому. Необходимо её не просто услышать, но практически воссоздать заново, практически сложить её в своём сердце на пустом, но слегка подсолённом месте.

О СОЛНЦЕ! НА СОСУД СКУДЕЛЬНЫЙ МИРА — Четверостишие Симадзаки Тосона из Песни осеннего ветра (пер. Н.Шефтелевич).

VIVIPARUS VIVIPARUS — Лужанка однопредсердная, или живородок, — пресноводный брюхоногий моллюск, молодёжь которого развивается в материнском теле и выходит в мир вполне способная к одинокому существованию.

4.1

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГИПЕРПРОСТРАНСТВ — Греческая приставка гипер... (hyper — над, сверх) обозначает превышение нормы или нахождение наверху. В данном случае в обычное трёхмерное пространство влетает четвёртая координата. Координата памяти.

ОН ВХОДИЛ ХОЛОДНЫМ НОЯБРЬСКИМ ВЕЧЕРОМ В СВОЙ ГОРОД — В этих строках слышится противостояние описанию города в «62. Модель для сборки» Хулио Кортасара: «Вхожу я вечером в мой город, я спускаюсь в мой город, где кто-то ждёт меня, а кто-то избегает и где надо уйти от страшного свиданья, от чего-то, чему нет имени...» (пер. Е.Лысенко)

СРЕДИ ВЫЩЕРБЛЕННЫХ ПЕЩЕР — Эсинский использует сравнение Бориса Пастернака из «Записок Спекторского»: «Никаких небоскрёбов, а наоборот, Снизу доверху выщербленные пещеры».

ЭСИНСКИЙ РАЗГЛЯДЕЛ НА СВОИХ ЛАДОНЯХ СЛЕДЫ ПРЕДПРАЗДНИЧНОЙ ПОБЕЛКИ — То, что на руках могут оставаться следы от нематериальных прикосновений, подметил ещё Джером Д. Сэлинджер в повести «Выше стропила, плотники». Вот два фрагмента из этой повести:

«Он (комментатор) сказал, что ей, наверное, *п р и с н и л о с ь*, как она летала. Но наша кроха с ангельским терпением стояла на своём. Она сказала, что *з н а е т* точно, что умеет летать, потому, что, когда она спускалась, пальцы у неё всегда были в пыли от электрических лампочек».

«Но если я когда-нибудь и обращусь к психоаналитику, так дай Бог, чтобы он заранее пригласил на консультацию дерматолога. Специалиста по болезням рук. У меня на руках остаются следы от прикосновения к некоторым людям. Однажды в парке, когда мы ещё возили Фрэнни в колясочке, я положил руку на её пушистое темячко и, видно, продержал слишком долго. И ещё раз, когда я сидел с Зуи в кино на Семьдесят второй улице и там шёл страшный фильм. Зуи было лет семь, и он спрятался под стул, чтобы не видеть какую-то жуткую сцену. Я положил руку ему на голову. От некоторых голов, от волос определённого цвета, определённой фактуры у меня навсегда остаются следы. И не только от волос. Один раз Шарлотта убежала от меня — это было около студии, — и я схватил её за платице, чтобы она не убегала, не уходила от меня. Платице было светло-жёлтое, ситцевое, мне оно понравилось, потому что было ей сшито на вырост. И до сих пор у меня на правой ладони осталось светло-жёлтое пятно». (пер. Р.Райт-Ковалёвой)

НО ВОВСЕ НЕ ДУРНУЮ БЕСКОНЕЧНОСТЬ — Георг Гегель разделил бесконечности на истинную (качественную) и «дурную» (безграничное увеличение количественного). В данном случае речь идёт, конечно, об истинной, хотя и отсутствующей бесконечности.

4.2

В ТАКИХ ДОМАХ ПОЧТИ ВСЕГДА БЫВАЮТ КОНЬЯКИ — Бывать-то, бывают, но находят их только настоящие поэты. Например, Евгений Рейн, отыскавший коньяк в «Муравьёво»:

...— за нею саквояж.
Попробуем — не поддаётся!
Что ж, подсунем ключ.
И повернём, как фомкой, Ух!
Открывается. Ну, разве я не прав?!
Четырнадцать бутылок «Еревана» —
всё куплено давно, когда бутылка
такого коньяка ещё была доступна,
теперь цена ей — сорок пять рублей!

КАК ИСТЫЕ ПЛОВЦЫ ...— Эсинский импровизирует со стихотворением Бодлера-Цветаевой «Плавание», которое в оригинале звучит так:

*«Но истые пловцы — те, кто плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час ещё твердят: — вперёд!»*

ДОЛЖНО БЫТЬ, ЕГО ДЕЛАА ПОИСТИНЕ ВАЮБАЁННЫЙ ВИНОДЕЛ — Как известно из фильма Андрея Черных, «Секрет виноделия» состоит в следующем: «Вино должно обладать не только тонким ароматом и вкусом, но быть волнительно для сердца. Этот романтический букет вина нельзя отследить лабораторным способом, и только влюблённый винодел способен изготовить такое вино».

4.3

УТКНУТЬСЯ В МЯГКИЙ ВОРОХ СНЕГА...— Стихотворенье Исикава Токубоку.

ПО ПРОСЬБЕ ДАМ, ХВОСТОМ ПОМАЗАВ ГУБЫ — Уже цитировавшиеся в 2.5 стихотворение Алексея Кручёных. Однако если в яви Эсинский эти строки трансформировал под птичий язык, то во сне (грёзе) он цитирует его чисто.

СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ — Название гравюры Франсиско Гойя.

ЧИСЛА СЫПЛЮТСЯ В КОЛОДЕЦ ПРОРОКОВ — Колодец пророков создан во французском городе Дижоне около 1395-1406 гг. бургундским скульптором Клаусом Слютером.

ПОЭТЫ НАЧИНАЮТ ИНОГДА ПУТАТЬСЯ В ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ — Вспомним хотя бы строку Бориса Пастернака: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

ЛУННЫЙ ДИРИЖАБЛЬ — Так называется одно из стихотворений Бориса Поплавского, которое также развивает тему сна и планетарной музыки:

....
*«Строит ангел дворец на луне,
Дирижабль отходит во сне.
Запевают кресты винтов,
Опадают листья цветов.*

....
*Верь мне, ангел, луна высока,
Музыкальные облака
Окружают её, огни
Там звучат и сияют дни».*

4.4

КОВРИГА ХЛЕБА ДА КАПЛЯ МОЛОКА — Строка из стихотворенья Велимира Хлебникова:

*Мне много ль надо? Коврига хлеба
И капля молока,
Да это небо,
Да эти облака!*

4.6

Я ВЕДЬ, КАК И ТОТ УТОМЛЁННЫЙ АРГЕНТИНЕЦ — Речь идёт о герое Хулио Кортасара. Диалог Эсинского и Оксаны начинается с цитат из «Игры в классики» (в пер. Л.Синянской).

Nous ne sommes pas au monde — «Нас в этом мире нет» (фр.) цитата из А.Рембо.

4.7

НЕДАВНО Я ПРОЧЛА ОДНУ ИСТОРИЮ — Речь, по всей видимости, идёт о повести Милорада Павича «Шляпа из рыбьей чешуи».

4.8

ЧТО ХОРОШО ДЛЯ ЮПИТЕРА, ТО НЕ СЪЕДОБНО ДЛЯ БЫКА — Вольный перевод латинской пословицы: «Quod licet Jovi, non licet bovi» (буквально: «Что дозволено Юпитеру (богу), то не дозволено быку»). Происхождение этой пословицы восходит к древнему мифу, по которому Юпитер (Зевс), превратившись в быка, похитил дочь финикийского царя Европу.

В КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ ЖИВЁТ СВОЙ ГЕНИЙ — Нечто подобное говорил Генри Торо: «Следуйте вплотную за вашим гением, и он каждый час будет открывать вам всё новые и новые перспективы». (пер. Ильи Накашидзе)

ПОДОБНО СВОЕМУ ЛЮБИМОМУ УРБИНО ВАНОСКИ — Герой повести Андрея Битова «Преподаватель симметрии».

4.9

ВДУВАНИЕ И ВЫРАВНИВАНИЕ — Название последней главы восходит к Корану:

«Я сотворю человека из звучащей, из глины, облечённой в форму. А когда я выравню и вдуну от Моего духа, то падите, ему поклоняясь». (пер. И.Ю.Крачковского)

Отметим, что подобное название дал своей книге около тысячи лет назад мусульманский богослов и философ Абу Хамид аль-Газали (1058-1111).

СОГЛАСНО ХАЗАРСКОМУ СЛОВАРЮ МИЛОРАДА ПАВИЧА — Далее следует цитата из этого словаря в переводе Ларисы Савельевой.

КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ

ИЛИ

ВЕКСЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

КОММЕНТАРИИ — В последнее время авторские комментарии набирают силу самостоятельного жанра. Лучшим образцом этого жанра для меня являются комментарии к «Пушкинскому дому» Андрея Битова, а также к поэме «Бледное пламя» Владимира Набокова. Весьма любопытен и недавно вышедший «Иллюзион» Владимира Зюева, имеющий подзаголовок: «роман-сон с учёными комментариями тайного магистра Z». Отчасти тяготеет к этому жанру и знаменитый «Хазарский словарь» Милорада Павича.

НА ПРАВАХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ — В структуру романа переносится Принцип дополненности, сформулированный Нильсом Бором для квантовой механики. Согласно этому принципу, при экспериментальном исследовании микрообъекта точные данные могут быть получены либо о его энергиях и импульсах, либо о поведении в пространстве и времени. Эти две взаимоисключающие картины энергетически-импульсная и пространственно-временная — «дополняют» друг друга. Подобный же Принцип действует на наш взгляд и в чувственно-аналитическом восприятии мира. Человек либо отдаётся своим чувствам, либо предаётся их анализу. Чем полнее чувства, тем слабее анализ, и наоборот, чем глубже анализ, тем тусклее чувства. Эстетическое и критическое восприятие романа можно рассматривать как частный случай этого Принципа.

«А» ЗАГНУЛА В ПОРЫВЕ РЕВНОСТИ ВЕЛИКИЙ Б-ПЕРПЕНДИКУЛЯР — Для пушей важности и понимания приведём отрывки из «Истории буквы», касающиеся звучащих знаков «А» и «Б»:

«В криках и корчах зарождалась мысль человеческая. Глубинный страх прародитель её. Это он вырвал с корнем из человека застенчивость. Он поднял голос из донной мути. Он привёл Его к последнему шагу... И пришло время треснувших слов и расколотых снов. Со всех сторон бросились на Него нарисованные чудовища. И тогда кинулся Он в свою сонную расселину, огласив поднебесную первородным звуком, перекинув на два луча, уходящие в пропасть, срединный мостик. Хрупкую перекладину, сотканную из страха и крика. Отложив до вечности нисхождение к вершине... И перевернулся образ в сознании Его. И содрогнулся мир в основании тверди, ибо пришла в него перворождённая буква, намертво вплетённая в пропасть и страх, в падение, в крик, в светлое пробуждение, в озвучание чувства, в замыкание пространства и завершение боли. Буква луча и отрезка. Буква угла и начала. Буква стиха и победной песни... Таинственная, открытая, бесконечная и торжествующая буква А».

* * *

«В чём же принципиальное отличие Второй Буквы?

КРУГ...

В ней появляется круг. Спираль возвращения с выходом на конце. С выходом, уводящим в обрыв... С выходом в свободный полёт и плавным приземлением на тот же самый Круг.

Но самое главное в этой Букве — всё-таки ПОЛЁТ. Короткое мгновение свободного падения.

Именно Свободе и Полёту посвящена превосходно исполненная, краткосвучащая и головокружительная Вторая Буква.

Неистощимый источник. Мало ли... Всяко бывает. Сколько букв, столько и мыслей. Да ещё и бесчисленные вариации к ним.

Претворение Окружности. Невразумительная касательная. Открытый перпендикуляр. Но если присмотреться: тут тебе и окружное пространство, и касательное невразумение, и перпендикулярная открытость.

(от перемены мест и местоимений меняются суммы и разности мнений)

Шпаргалка не в силах предсказать результат ошибки. Протокол неверных суждений никогда ещё не был написан.

А ведь есть уже две буквы! Сколько пугливых шагов было на пути к ним! И как украсили они короны Их Величеств! Короля и Королевы буквомерного мира. Извилистое сияние исходит от королевского нимба. Пусть светит, как сказал бы поэт. Пусть запутывает, как говорю я.

Искривление луча — светлый подарок обочине светового потока.

Храм запутан в архитектуре.

Слово затеряно в долгом романе.

Свет направлен куда-то во тьму.

Так было! Так стало! И так станет ещё лучше!

Внимание всем постам мечты!

В мире возникла новая точка! Точка не такая, как все! Точка, имеющая измерение! Точка, опрокинувшая ноль! Точка, ставшая поистине безмерной. Точка, поставившая продолжение над Ми..., продлившая мир, умножившая его на двоянный ноль или тихую бесконечность, что в этом случае, впрочем, одно и то же.

Бедный Мир почти что сошёл с ума, позабыв все законы и правила сохранения. Он родился заново. И стал обновлённым. И никто не смог разглядеть эту метаморфозу. Все посчитали это шуткой. И так и остались жить в непрерывной шутке.

Браво! Браво! Паства моя подведена к краю пропасти! Ещё слово, и она бросится вниз, как панургово стадо. Слепо веря в плавное приземление.

Я — вершитель и вдохновитель этого единственного в своём роде полёта. С перпендикуляра на круг. С риском для памяти и возвращения.

Они потеряют память, но они обретут полёт!

Они вернуться, но никогда не поймут, что вернулись.

Я придумал всё это и позвал их в придуманный шаг!

Но что это?.. Как и сам-то я здесь очутился!? Неужели же мне удалось провести самого себя? Неужели и мне суждено беспмятство?

Забывание пути и обретение цели...

Нет! Нет! Я не хочу!

Верните мне мои крылья!

Я поднимусь туда, на открытый, как линия, край...

И пусть не воздастся мне лакомство цели.

Останусь голодным.

Лишь верните мне формулы дальних понятий...

А взамен я дарю вам свободу.

Парите и разбивайтесь!

Насыщайте букву!

Ведь в ней всегда найдётся пустое место. В ней ещё спрятана вторая, до сих пор не открытая, вечность.

Укроем её новогодним салютом!

Алфавит продолжается, господа!

И в нём есть вероятность благополучного исхода!»

ШУТКИ ЦЕЛЬСИЯ ВЫЗЫВАЮТ МЕТЕЛИ — Помнится, когда я написал эту фразу, у меня тут же всплыло в памяти откуда-то из Пастернака: «В ту ночь с ума свихнулся Цельсий, всё наземь побросав с нуля».

ДОРОГА В СТРАНЕ АРПИНСКОЙ — Арпино — город в Италии, родина Мария и Цицерона.

«ПЕСЧАНЫЙ БЕРЕГ» ПОЛЯ СИНЬЯКА — Удивительная по силе воздействия на меня картина.

Это был 1988 год. По средам я слушал лекции в Институте философии, что рядом с Пушкинским музеем, который в те времена именно в среду раскрывал свои двери, не требуя платы за вход.

Перед закрытием музеев был тих и пуст. И лишь с полотен доносился шорох красок. Я уходил в любимые залы импрессионистов и отдыхал от суеты московских улиц. Меня встречали там знакомые полотна. Тропический Гоген и жизнерадостный Моне, лиричный Писсаро, вальяжный Ренуар, Дега в своём порыве нежной страсти, Сезан со светлой грустью на холсте, Ван Гог с безумным напряжением нервов... Я помнил брызги на морских полотнах и взгляды вечно-улыбающихся женщин, я помнил розовые тени от деревьев и отсветы на стенах и заборах, и поворачивающиеся арки радужного Матисса... Я знал и помнил каждую картину, но каждый раз ей вновь удивлялся...

И вот однажды что-то поменялось. В какой-то вечер вдруг приоткрылись запасники. И среди прочего неожиданного переполоха вдруг появился тот «Песчаный берег». Признаться честно, я был поражён... Песок и море. Синьяк, вечер, я... Диагональ. Два треугольника. В них синь и желтизна. Невыразимое искусство сочетаний...

«Песчаный берег» прожил в музее, наверное, с полгода и опять вернулся в его запасники, но впечатление, оставленное у меня в душе, сохраняется и поныне — два пятнышка света и цвета уже который год согревают и радуют моё сердце.

ПОСТРОИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВАВИЛОН — ХРАМ ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБА — ЭТО ЛИ НЕ МЕЧТА ЛЮБОГО ПИСАТЕЛЯ? — Примером сему могут послужить слова Стефана Малларме: «Я неизменно мечтал о некоей книге, во многих томах, книге, которая была бы книгой, выстроенной, как здание, и продуманной, а не собранием случайных плодов вдохновения, пусть сколь угодно блистательных... Скажу больше; о Книге единственной, ибо в глубине души я уверен, что она только одна, та, какую безотчетно стремится сотворить каждый, кто когда-либо брал в руки перо, даже и Гении. Об орфическом истолковании Земли — единственном долге поэта и высшей литературной игре: ибо тогда самый ритм книги, безличный и живой, вплоть до нумерации страниц, включён в уравниения этой грёзы — или Оды».

ВИРТУАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ РОМАНА — Вселенная, находящаяся в промежуточном состоянии и существующая очень короткое (в рамках физической Вселенной) время Dt , которое связано с энергией текста E соотношением неопределённостей $Dt \cdot h / E$, где h — непостоянная М.Погарского, равная времени, затраченному читателем на постижении одной буквы или межбуквия.

ТРАКТАТЫ О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ В СТИХАХ — Намёк на поэму Тита Лукреция Кара (ок. 99 — 55 до Р.Х.). Поэма «О природе вещей» (*De rerum natura*) продолжает по своему жанру традицию древнегреческого философского эпоса, по содержанию же примыкает к взглядам Эпикура. Во вступлении к 1-й книге Лукреций воздаёт восторженную хвалу Эпикуру и его учению, которое избавляет человечество от веры в богов, управляющих миром и от страха смерти — первоисточника раздоров, стяжаний и бедствий. Поразительно то, что, опровергая божественное управление миром, Лукреций и Эпикур поселяют богов, состоящих из тончайших атомов, в междумировые пространства, где они пребывают в состоянии блаженного покоя и самодовления. (Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.)

ТЫ КОГДА РОДИЛСЯ? — Я родился в день осеннего равноденствия за 10 минут до астрономической полночи 24 сентября 1963 года.

КРОВЬ СКАНДИНАВСКОГО БОГА КВАСИРА — Квасир (древне-исландское Kvasir) — скандинавский полубог. Согласно «Младшей Эдде», Квасир наделён высочайшей мудростью, и даже тогда, когда он был убит злыми карликами (цвергами), кровь его сохраняла чудодейственную силу. Каждый, кто вкушал её, становился мудрым и получал способность к высшему божественному дару — поэзии. Карлики тщательно скрывали этот чудодейственный напиток от смертных и распространяли слух о том, что Квасир задохнулся от избытка собственной мудрости. Впоследствии они были вынуждены отдать эту кровь грозному великану Стунгу, который прятал её в звучащей горе. Бог поэзии Один нашёл кровь Квасира, выпил её, и оборотившись орлом, улетел. Но увидев его, великан Стунг так же превращается в орла и бросается в погоню. Тогда люди выставили для Одина сосуды на дворах, и он выплюнул туда кровь Квасира, когда великан стал его догонять. Таким образом была сохранена божественная влага, которая в честь Квасира называется квас.

2.4

Я УЖ НЕ ГОВОРЮ О ТУСКАЛОСТИ, СЕРОСТИ И НЕЭСТЕТИЧНОСТИ, СОПРОВОЖДАЮЩИХ ПОДОБНОЕ БЕССМЕРТИЕ — Здесь уместно привести строки из последнего письма Акутагавы Рюноске: «Меня преследует мысль о самоубийстве. Только вот никогда раньше природа не казалась мне такой прекрасной! Вам, наверное, покажется смешным: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моём последнем взоре». (пер. Т.Григорьевой)

АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ФОМЕНКО — Легендарный математик и художник, известный своими трудами по топологии, а также удивительными иллюстрациями абстрактных топологических понятий. Начиная с 1981 года, А.Т.Фоменко работает над проблемами хронологии, и его труды полностью переворачивают устоявшиеся взгляды на датировку многих исторических событий.

ПРОСТРАНСТВО МАНОЙИ — Для описания Манойи воспользуемся уже цитировавшимся рассказом «Интервью с Январём»:

«— Шаровая молния — это клубок нераспустившихся сверканий... Вот так же и стихи. Можно создать тысячу бликов и гроз, но лишь в одном одиноком Слове сокрыт универсум. Туда можно прийти по-разному.

Говорят, что если обычная молния каким-то чудом удержится в капле дождя, то она сможет продолжить своё путешествие светящимся шаром, обладающим тайной трёх стихий: воздуха, воды, и огня.

— А Вам удалось удержаться в капле?

— В том-то и дело, что **МНЕ**... Если бы я смог тогда перестать быть продолжением строки... Обычной строки ещё куда ни шло, но строки, ставшей шаровой молнией... Столкновение с ней почти всегда чревато смертью, и никогда любовью...

— Продолжение строки — это метафора или...

— Или... Видите ли, подобно тому, как материальное пространство состоит из квантов, кварков, мезонов, клеток, вирусов, бактерий, звёзд и людей, то есть неких физических объектов, поддающихся описанию, наблюдению и вмешательству в их существование, точно так же и пространство языка обладает не менее сложной структурой, проникнуть в которую можно при помощи мистического опыта и специально подготовленного сознания. Это пространство населено существами, обладающими рефлексией и волей. Проникшие в него называют этот языковой или языческий мир **МАНОЙИ**. Не в языке, а именно в манойе живут квазикванты словесности, языковые духи, афиолы, илы, дехи, слова-призраки, а также Стро и Саверичеф.

— Простите, но...

— Для Вас это всего лишь ничего не значащие слова, я понимаю., описать манойю достаточно нелегко, впрочем... раз уж вы здесь, то попробуем: в центре манойи находится АСТЕРИКС, сюда по его лучевым линиям стекаются все возможные и невозможные слова, сочетания и вычитания, здесь возникают новые смыслы и строки, здесь же хранится неприкосновенный запас, неизрасходованных звуков — тайный фонд развития языка. Мир манойи бесконечномерный, и путешествовать по его направлениям можно лишь через астерикс, хотя, возможно, высшие языковые духи умеют перемещаться как-то иначе. Лучи, ведущие к центру, далеко не прямолинейны, на них расположены БИЁ и СНИ. Биё — это точки бифуркации слов. Слабые слова часто рассыпаются, попадая в биё, трансформируются в языковые огрызки и иногда даже умирают. Сильные слова, наоборот, набирают дополнительную силу и полноводность. Сни — это точки поворота или запрета. Далеко не каждый обитатель манойи способен проходить сквозь эти точки.

Манойя населена множеством живых существ: во-первых, это АФИОЛИ, они обладают признаками слова и живой клетки. Афиоли самозарождаются в мозгу поэтов и писателей. Они могут путешествовать по различным сознаниям, вызывать поэтическое расстройство мозга и иногда доводить до полной эйфории. Афиоли передаются половым путём при настоящей любви. Иногда (правда, это случается очень редко) афиоли транспортируются посредством взгляда. Афиоли не имеют названий и не состоят из звуков, это скорее дыхание слов, их потаённая музыка, не слышимый обычному уху голос.

Далее ДЕХИ. Это — языковые вампиры, сосущие из слов световые и музыкальные соки. Дехи, как правило, превращают словосочетания в штампы, навешивают на слова ярлыки, убивают внутреннее достоинство слова. Дехи обожают буквы «а», «п», «н», «с», «т», «о» и приставку «архи», а вот буквы «ю» и «щ» они терпеть не могут. Поэтому самое эффективное средство против дехов — использование суффикса «ющ».

Потом ИЛЫ. Илы — это тёмные силы словесности. Работа Илов направлена на убирание языковых излишеств, упрощение грамматики, стирание фонетических тонкостей, убийство букв и буквообразований.

Теперь САВЕРИЧЕФ. Совершенно замечательное существо — добрый дух гласной буквы. Саверичеф способен менять звуковую окраску букв, и под его дыханием природная красная окраска буквы «а», например, может доходить до нежно-фиолетовой, а изначально зелёное «о» способно стать ярко-розовым. Помимо цвета, Саверичеф влияет и на аромат гласных букв, и на их шершавость, и на теплоту, и даже на полётность. Антипод и в то же время большой друг Саверичефа — это СТРО. Тихий дух согласия, Стро отвечает за слияние, казалось бы, нестыкуемых звуков, благодаря Стро, Русский язык, например, обладает множеством слов с четырёхмерным согласием «встр», а также словами, имеющими 6 и даже 9 согласных подряд.

Кроме того манойю населяют СЛОВА-ПРИЗРАКИ. Эти слова не поддаются записанию, они мелькают в грёзах поэтов, но не оставляют материально-знакового осадка на страницах.

2.5

НЕИЗВЕСТНОЕ НЕИЗВЕСТНОМУ — РОЗНЬ — переключка с вещью Владимира Шинкарёва «Максим и Фёдор», последний из которых написал в своей записной книжке: «Одинаковое одинаковому рознь».

РЕЧЬ ИДЁТ О КНИГЕ АНДРЕЯ БИТОВА — Битов Андрей Георгиевич (р. 1937 в Ленинграде) — один из самых любимых мною писателей.

И если Борхес хотел стать книгой, то Битов ставил себе менее скромную, но, возможно, более Великую задачу — стать Словом. И это ему удалось вполне. Дело не в том, что Слово Битов вошло в поговорки: «За одного Битова, двух не Битовых дают», «Битов, не Битова ведёт» и в палиндромы «Вот и Битов». Дело в том, что вселенский Бит информации или откровения был прочувствован им, пережит, передан и воплощён. Битов, оставаясь литературным человеком до мозга костей, перестаёт быть просто писателем, но перерастает в разряд явления. Ему удалось выиграть эту странную битву с самим собой и не рассыпаться при этом на части.

2.6

С ДОКЛАДОИ И.ГИРИНА — Иван Гирин — герой романа И.Ефремова «Лезвие бритвы».

2.7

ФУ О КРАСНЫХ СКАЛАХ — «Фу обычно переводится на русский язык словом «ода» или «поэма». Для произведений Су Ши и его современников больше подходит второе, ибо в их фу уже отсутствует витиеватость и пышность слога, нарочитая гиперболизация образов, возвышенность стиля, характерные для древних од... Красные скалы (Чиби — буквально «Красные стены») — название ущелья недалеко от Ханькоу в нынешней провинции Хубэй». (комм. И.С.Лисевича)

КРОМЕ АЗБУКИ, ИЗОБРЕТЁННОЙ КАДМОМ — Маловероятно, что речь здесь идёт об Адаме Кадмоне, но уже само созвучие требует рассказа, который в более полной форме можно найти в Хазарском словаре Милорада Павича.

«Для хазар человеческие сны были буквами, они пытались найти в них прачеловека, предвечного Адама Кадмона, который был и мужчиной и женщиной. По вере хазар, каждому человеку отведено по одной букве азбуки, причём каждая из этих букв — это частица тела Адама Кадмона на земле, а в человеческих снах они в разных сочетаниях оживают в нём. Но эти буквы и язык, который они запечатлевают, отличаются от тех, которыми пользуемся мы. Хазарам будто бы была известна граница между двумя языками и двумя письменностями, между речью божественной — *давар* — и человеческой. Граница, утверждали они, пролегает между глаголом и именем...

Бог смотрел в Тору, когда создавал мир, поэтому слово, которым начинается мир, это глагол. Посему в нашем языке два слоя — один божественный, а другой — сама недостоверность, язык падший, связанный, судя по всему, с Геенной, с тем, что к северу от Господа. Так ад и рай, прошлое и будущее, как зародыш, таятся уже в языке и в его письменах.

Уже здесь виднеется дно тени. Земная азбука — зеркало небесной, и она разделяет судьбу языка». (пер. Ларисы Васильевой)

ТОЙ САМКИ-ЛЕОПАРДА, О КОТОРОЙ Я УЖЕ ГОВОРИЛ — Выше у Торо встречается следующий фрагмент: «Вот она, дикая, могучая, необъятная наша мать-природа, распростёртая вокруг нас, грозная и прекрасная, нежно любящая своих детей, как любит их самка-леопард! И мы так рано отняты от её груди и отданы обществу, культуре, исключительному воздействию человека на человека, цивилизации, дни которой сочтены!» (пер. с англ. Ильи Накашидзе)

2.8

А В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ, НАОБОРОТ, НАЧАЛО АБСУРДА — Невероятное количество абсурда, присущее самой природе вещей, удивляло в своё время одного из создателей квантовой механики Вернера Гейзенберга: «Разве может быть в природе столько абсурда, сколько мы видим в результатах атомных экспериментов?» — вопрошал он в своих записках.

IN PUER VERITAS! DIXI: — Истина у детей! (Устами младенца глаголет истина!) Я сказал: (лат.)

2.12

СУТЬ ПЕСКА — Песок — мелкообмолоченная рыхлая осадочная горная порода, состоящая не менее чем на 50% из зёрен кварца, полевых шпатов и других минералов и обломков горных пород размером от 0,1-1 мм; содержит примесь алевроитовых и глинистых частиц. Применяется в строительстве, главным образом при производстве бетона, раствора и создании песочных замков; в стекольной промышленности; на пляжах, в детских песочницах, а также в песочных часах, философских рассуждениях и поэтических метафорах. Кроме всего прочего, существует ещё и песочный человек.

ИЛИ У МИШЕЛЯ НЕТТА — Мишель Нетт (р. 1961) — английский поэт французского происхождения. Российскому читателю малоизвестен, за полным отсутствием переводов.

СРАВНИ У Д.М.ПАНИНА — Дмитрий Михайлович Панин (1911 — 1987). Окончил Московский институт химического машиностроения и аспирантуру. В 1940 году был арестован по ложному доносу и провёл в тюрьмах лагерях и ссылке более 16 лет. По возвращении в Москву работал главным конструктором в НИИ «Стройдормаш». В 1972 году, выйдя на пенсию, эмигрировал во Францию, где смог закончить свои труды, задуманные ещё в заключении. В вышеприведённом отрывке цитируется книга Панина «Теория густот» (Опыт христианской философии конца XX века). В этой работе доказывается, что Вселенная могла быть создана только Творцом, по замыслу которого исходное сгущение определило миры и их дальнейшее развитие. Густота — первооснова всех вещей, и любое явление происходит вследствие разности густот.

2.13

АЛЬМАНАХ «ДИРИЖАБЛЬ» — Дабы хоть как-то осветить тему «Дирижабля», я в качестве комментария предлагаю вашему вниманию текст своей речи, произнесённой 25 апреля 1996 года на презентации 6-го выпуска альманаха в Российском ПЕН-центре:

СИНИЙ ВЕКТОР ИСКУССТВА

(аэропоэтическая аналогия)

*О дайте крылья мне,
чтоб улететь с земли!
(Вольфганг Гёте, Фауст)*

Что много, что мало? И где? Математически ответить пока ещё невозможно... Нерасставлены соответствующие коэффициенты в несуществующей формуле... Да и сами кванторы Θ (существует) и $!$ (единствен) вызывают подозрение на стадии литературного проекта... А тем более многоточие... Однако уже есть готовый математический аппарат, и не нужно заново открывать Элладу. Хорошо известно, что эллипсоид это — $x^2+y^2+z^2=c^2$

(x квадрат плюс y квадрат плюс z квадрат равняется c квадрат). Осталось выяснить, кто эти таинственные x, y, z , если за эллипсоидом скрывается «ДИРИЖАБЛЬ». Допустим, что x — ось литературы, y — ось искусства, z — ось мифологии, а c — константа материала. И вот однажды некий физик ЕС и механик МП задумали поместить этот достаточно странный эллипсоид творчества в аэродинамическую трубу читательского интереса... Получился весьма симпатичный эксперимент...

И что характерно, в начале эксперимента z , естественно, равнялась нулю, эллипсоид был всего-навсего плоским эллипсом. Но чем дальше, чем сильнее был поток интереса, тем больше раздувался «ДИРИЖАБЛЬ», и чем больше он раздувался, тем сильнее был поток. Понеслась цепная реакция... Существует довольно авторитетное мнение, что в недалёком будущем эта воздушная субмарина может превратиться в мифологическую летающую тарелку...

Вполне допустима и совершенно иная трактовка, скажем так, не с точки зрения точных наук. Рассмотрим

один из поэтических аспектов.

строка-название: «ПЬЯНЫЙ НАВИГАТОР».

Случилось так, что в поэтический лоцатор попало нечто из летающих объектов, ну, предположим, некий индикатор того, куда направлен синий вектор искусства

или, скажем, мира...

какая-то неведомая лира,

на тонких струнах ветра и дождя...

А музыкант, должно быть, был нетрезв,

и он сыграл осенний полонез...

а небо как бы вышло из себя

и опрокинулось на жаждущие души,

которые, скитаясь по морям,

уже почти забыли запах суши необходимый звёздным кораблям.

Вариантов множество, поскольку что такое воздухоплавание в пространстве сознания, знать нельзя, а тем более объяснить... Если ты никогда не парил над плоской обыденностью, то язык аналогий покажется тебе письменами, которые остаются на речном песке от хвостов бестолковых чаек. Тем не менее, эти письмена поддаются прочтению, даже если одной из чаек был Джонатан Ливингстон...

Но вернёмся к истокам и, как нас учили мудрые, сделаем проверку вычитанием: То есть, представим, что в и так уже перенасыщенном пространстве культуры никогда не появлялся «ДИРИЖАБЛЬ». Или попытаемся представить... Или попробуем попытаться представить... Или постараемся попробовать попытаться представить...

Нет, ничего не получается: то есть, конечно, что-то там такое всё же остаётся, но в основном лишь литературные облака и околхудожественные туманы, а в них ни одного не то что там «ДИРИЖАБЛЯ», но даже и детского воздушного шарика...

Стало быть, не напрасно было это самое надувательство... И следы в потоках ветра, как сие ни покажется странным, остаются.

Получается, что мы вовсе даже не зря открывали синеву неба и глубину ветра.

Нельзя, разумеется, утверждать, что нам принадлежит открытие неба, как такового (напоминая рассеянному читателю, что сей текст есть метафорическая фантазия слегка поддатого навигатора, и поэтому, когда речь идёт о небе, ветре, дожде и других атмосферных явлениях, то необходимо помнить, что действие разворачивается в пространстве культуры). Итак, мы открыли всего-навсего новый с п о с о б передвижения. И если до нас большинство журналов и альманахов уподоблялись реактивным самолётам и космическим кораблям, совершающим регулярные рейсы из пункта А до пункта Б, то наш ДИРИЖАБЛЬ поднялся в воздух исключительно из любви к свободному полёту. Да иначе просто и быть не могло. Представьте себе такую картину: среди облаков парит весёлый дирижабль, на его борту сидят какие-то полупьяные люди, размахивают разноцветными флажками, пьют коньяк и шампанское, объясняются в любви и устраивают вполне настоящие дуэли, рисуют смешные картинки и читают расхристанные стихи, поют добрые детские песенки

*(Два маленьких ежа, бя,
Упали с дирижабля.
Представьте себе,
Представьте себе,
Упали с дирижабля.
Представьте себе,
Представьте себе,
Два маленьких ежа.)*

и совершают множество других несуразных и высоконебезумительных поступков. Ну разве можно допустить их к управлению самолётом, а тем паче космическим кораблём? Разобьются к чёртовой матери. Другое дело ДИРИЖАБЛЬ — ну, подумаешь, летели в Индию, а приземлились в Америке, эка невидаль, как говорится: тоже нехерово. Проведём коррекцию текста, сделаем корректуру полёта и двинемся дальше к притаившемуся в тумановой обочине горизонту...

Впрочем, от несерьёзной болтовни перейдём к несерьёзным выводам и не менее серьёзным определениям:

1. ДИРИЖАБЛЬ — это небольшое государство вполне ненормальных художников и поэтов. Эдакая Лапута в современном исполнении, на которой обитают ля-минор-путные жители.
2. Эти жители очень иронично относятся к самым что ни на есть «вечным» вопросам и очень серьёзно рассматривают все наиболее сумасшедшие идеи.
3. Они безумно любят жизнь, полёт, творчество и поэзию.

Можно было бы перечислить ещё с десяток характерных черт воздухоплавателя, но из любви к соображениям надлежит остановиться на знаменитой цифре 3. А чтобы иллюзия завершенности была окончательно полной, добавим к нашему исследованию свежесочинённый

МАНИФЕСТ:

«Призрак бродит по искусству — призрак волеизма. Все наиболее ненормальные и безрассудномыслящие художники и поэты не хотят больше жить приземлённо. Они спешат подняться в поднебесье., пусть неуверенно, на модельных крыльях, воздушных шариках и полугирушечных цепелинах. Пускай они не знают формулу подъёма, но их ведёт великая интуиция и любовь к заоблачным высям.

На смену практичному и даже серьёзному Человеку Земли (homo terrae) приходит безалаберный, весёлый и беспечный homo volaticus (человек летающий).

Высокохудожественные живописцы уже не хотят, чтобы их корабли таскали по выставочным залам измочаленные бурлаки, но доверяют эту миссию воздушным шарам и ветру».

И, подводя окончательные итоги нашего антинаучного исследования, возвестим всему миру

НОВЫЙ МАРШ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ:

*Наш ДИРИЖАБЛЬ вперёд летит,
Приняв на грудь поллитра,
Иного нет у нас пути —
В руках у нас палитра.
В кюветочку, по маленькой,
Налей, налей, налей.
В кюветочку, по маленькой,
Чем пишут журавлей.
Мы дети тех, кто заполнял
Воздушные страницы.
И ДИРИЖАБЛЬ отпуская
На волю синей птицей.
В чернильницу, по маленькой
Налей, налей, налей.
В чернильницу, по маленькой,
Чем пишут журавлей...*

ДРОЖАЛА В СТРАННОЙ ВИБРАЦИИ СУПЕРСТРУН — Суперструны -гипотетические одномерные объекты, имеющие линейные размеры порядка планковской длины (10^{-33} см). Непротиворечивую теорию суперструны можно построить только в десятимерном пространстве. (1— временная координата и 9 — пространственных).

«С теорией суперструн связаны ожидания, что она явится «теорией всего»,— пишет Л.Окунь,— всех частиц и взаимодействий, включая гравитацию».

ВЕЛИКИЙ РАМА — Рама — главный герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата». Индусы считают его аватарой бога «Вишну».

ВЛАДИМИР АВДЕЕВ — Современный писатель и философ. В книге «Преодоление христианства», во всех отношениях замечательной, он дал критический обзор всех основных современных религий и провозвестил о возвращении человеческих устремлений к языческим корням. Я со всей душой присоединяюсь к его языческой проповеди и полностью разделяю его основные идеи.

2.14

Я — ИНДРА — Индра — в древнеиндийской мифологии бог грома и молнии, глава богов.

ЗАГЛЯНУТЬ В ПОПЫТКУ ГЕРМАНА ГЕССЕ — Речь идёт о повести Гессе «Паломничество на Восток»

2.15

ФИЛАВТИЯ — В переводе с греческого — себялюбие.

3.1

САМПАН — (буквально «три доски») — утлое судёнышко, которым до сих пор пользуются китайские рыбаки.

3.2

И ЕСЛИ ДА, ТО ТОГДА ИЗ КАКОГО АСПИДА — АСПИД — 1. ядовитая змея; баснословный змей; 2. яшма; «Аспид камень многими цветами бывает, а из них лучше и сильнее светло-зелёный, и чтоб в нём струи черлёные проходили скрозь весь камень. А если кто из такого камня крест на себе носит, того он от потопа на воде спасёт, трясовичное биение уймёт... и от соблазнения сохраняет» (Старинный Лечебник) NB: *от потопа на воде спасёт.*

3.3

ОСЕННИЙ ВИХРЬ «ПРОЧЁСЫВАЮЩИЙ ТРАВЫ НА ПОЛЯХ» — «новаки». Для ветра в разные времена года в Японии существует много различных названий.

3.6

КОНТАМИНАЦИЯ — Использование этого термина здесь достаточно нетрадиционно, поскольку он применяется обычно для обозначения взаимодействия близких по значению или по звучанию языковых единиц, которое приводит к появлению новых единиц (зачастую неправильных), например: «играть роль» + «иметь значение» = «играть значение». Однако этот же термин стали употреблять для возникшего не так давно жанра, смешивающего различные устойчивые выражения, например: «Не плауй в колодезь — вылетит, не поймашь» (В.Маяковский), «Не пойман — не кайф» (А.Битов), «Любишь кататься — полезай в кузов» (неизв.), «Выпил рюмку, выпил две — стала истина во мне» и т.д.

«ПОЧЕМУ?» И «ЗАЧЕМ?» — Несколько позже или, наоборот, раньше заметки «Поверх причин и целей» мною была написана вот такая заметка:

ВОПРОС «ЗАЧЕМ?»

(штрихи к ответу)

Любой вопрос при выяснении отношений с Богом не может быть до конца исчерпан. И каждый ответ на этот (любой) вопрос приоткрывает лишь новую грань этих принципиально непознаваемых отношений. Один из Вопросов, искони волнующий человека, это Вопрос «Зачем?».

Зачем, Для чего, С какою целью Всевышний создал человека?

Одна из составляющих глобального Ответа на этот Вопрос — ответ: «просто так», «так уж случилось», «не задаваясь никакой целью». Просто сотворил и «увидел, что это весьма хорошо». Этот ответ по своим следствиям равносителен пустопорожности Вопроса «Зачем?» и допущению параллельного, независимого существования человека и Бога.

Другой ответ — не имея прямых целей. Аналогией этому ответу может служить, например, животный инстинкт продолжения рода. Очевидной критикой этой аналогии является следующее возражение: «о каком продолжении рода может идти речь в бессмертном мире?» Но, во-первых, мы ничего не знаем о бессмертии. Во-вторых, в приведённой аналогии основной упор всё-таки сделан на инстинкт (зачем-то это надо, а вот зачем — неизвестно и необъяснимо). И, в-третьих, аналогия — не есть прямое перенесение, и при желании это слово можно заменить, например, вот таким выражением: «некто позже на...»

Следующая группа ответов на Вопрос «Зачем?» — ответы, предполагающие цели создания.

Одна из возможных целей — это само Творение и человек, как венец его. («Искусство ради искусства»)

Другая возможная цель — «инструмент». Музыканту и даже композитору необходим инструмент. Режиссёру необходимы актёры. И т.д. и т.п.

И, может быть, жизненные пути святых, пророков, гениев или даже целых народов — это просто шедевры великого Романиста и Постановщика.

Третья возможная цель — это освоение мирового Духа. Вполне возможно, что некоторые грани мирового духа доступны лишь плотским, смертным существам. Равно тому, как некоторые грани света и звука может постичь лишь слепоглухой человек.

Отметим, что все изложенные и не изложенные здесь гипотезы не исчерпывают, но входят взаимодополняемыми частями в единый заглавный Ответ.

3.8

С ОЦДОМ АНТРОПОСОФИИ РУДОЛЬФОМ ШТЕЙНЕРОМ — Антропософия — оккультно-мистическое учение о человеке как носителе «тайных» духовных сил, развитое в начале XX века Рудольфом Штейнером. Антропософия получила достаточно широкое распространение в ряде стран Европы и оказала сильное воздействие на творческую интеллигенцию, она была чрезвычайно популярна в кругу поэтов-символистов, под её влиянием находились такие художники и мыслители, как В.Кандинский, Х. Моргенштерн, Бруно Вальтер, Андрей Белый, Марина Цветаева. Но в то же время у многих писателей антропософия вызывала определённое недоверие и настороженность

Э.К. Метнер увидел в Штейнере «теософского пастора, выкрикивающего глубокие пошлости», а Франц Кафка высказался о нём следующим образом: «Что касается доктора, то у меня нет ясности на его счёт. Это чрезвычайно искусный в словах человек, но это же качество относится и к мошеннику, а я ведь не хочу этим сказать, что Штейнер мошенник. Однако это также могло бы быть. Мошенник всегда пытается дешёвыми средствами решать трудные проблемы. Проблема, которой занимается Штейнер, наитруднейшая из всех, которые вообще существуют. Это тёмная пропасть между сознанием и существом, это напряжённость между ограниченной каплей воды и бесконечным морем... Штейнер мне слишком далёк. Я не смог к нему приблизиться. Я слишком зажат сам в себе». (пер. Т.Кузнецовой).

В советское время занятие антропософией почиталось у интеллигенции за неслыханную роскошь, о чём говорит, в частности, один из персонажей вещи В.Шинкарёва «Максим и Фёдор»: «Вон Андрей Белый пишет, что, мол, Блок, хотя и не был с ним в приятельских отношениях, прислал тысячу рублей, и он мог полгода без нужды заниматься антропософией. Антропософией, а? Вот, гады, жили! Да избавьте меня на полгода от этой каторги, я вам такую антропософию покажу!...»

РАЙМОНД ЛУЛЛИЙ — (ок. 1235 — ок. 1315) философ и теолог, основоположник и классик каталонской литературы, лирический поэт, занимавший при дворе Арагона должность королевского стольника.

В 32 года, при сочинении эротической песни, Раймонду явилось видение распятого Христа, которое повторилось четырежды и полностью перевернуло его жизнь. Куртуазный вельможа покинул свет и поселился на горе Мирамар, где позднее был основан монастырь. Луллий написал в своём отшельничестве около 300 теософских трактатов, в одном из которых «Ars Magna» (Великое искусство) он и описал свою знаменитую логическую машину, так называемые «круги Луллия».

3.9

ЯВЛЯЕТСЯ ЭВОЛЮТОЙ — Эволюта — это линия, состоящая из центров кривизны данной кривой (эвольвенты); касательные к эволюте являются нормальными к эвольвенте.

ЗАВЕЩАНИЕ ГУНАВАРМАНА — Цюнабамо (Гунаварман), что означает «Доспехи благоденствия», происходил из касты кшатриев. Предки Гунавармана были царского рода и правили в своё время Кашмиром. Его дед Харибхадра, что означает «Мудрец, подобный льву», был предан изгнанию за строгость и прямоту. Его отец Сангхананда, что означает «Радость сангхи», искал уединения у гор и озёр.

Кто знает, может быть, и в Эсинском протекла кровь далёких правителей Кашмира? Ведь и он, подобно им, искал своё уединение. И он искал законы мира, начинающиеся в сердце. И он, подобно им, пытался раствориться в глубинах космоса...

4.1

ДЖЕРОМ Д. СЭЛИНДЖЕР — Великий американский писатель, который, на мой взгляд, сумел опередить не только время, но и само пространство. Безусловно популярный среди американской интеллигенции, Сэлинджер гораздо глубже и существеннее потряс духовную элиту России. Это был, пожалуй, единственный из американцев, который говорил с нами на одном языке. Все остальные, начиная с Германа Мелвилла и кончая Солом Беллоу (Т. Вулф, Ф. Фицджеральд, Э. Хемингуэй, И. Вашингтон, Д. Чивер), завораживали своей экзотичностью, непохожестью, иномирностью, но оставались для нас далёкими капиталистическими аборигенами, грызущими пустые кости от стеклянных проблем.

Жизнь Сэлинджера во многом сходна с автором рукописи, которую нашёл Эсинский в заброшенной хижине. Достигнув вершин успеха, Сэлинджер купил усадьбу вблизи местечка Корниш и, оставив литературное поприще, стал жить там, подобно настоящему отшельнику.

КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ КОММЕНТАРИЕВ, ИЛИ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ВАЖНОСТИ

ПУСТЬ СВЕТИТ — так называется один из рассказов Аркадия Гайдара.

ПАРИТЕ И РАЗБИВАЙТЕСЬ — НАСЫЩАЙТЕ БУКВУ — аллюзия на слова из первой книги Пророка Моисея: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю».

ВЗГЛЯД, КОНЕЧНО, ОЧЕНЬ ВАРВАРСКИЙ — Строка из стихотворения Иосифа Бродского «Письма римскому другу»:

*Вот и прожили мы большие половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.*

В ДЕНЬ ОСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ — Согласно астрологии друидов, равноденствие представляет спиральную проекцию скрытых желаний и импульсов, а также внутреннее восприятие дуальности души. Считалось, что осеннее равноденствие было временем великих озарений и наставлений.

Европейская эзотерическая традиция связывала ночь осеннего равноденствия с разгулом демонических сил. Считается, что в эту ночь демонические силы набирают мощь и властвуют над миром. Ночь эта приходится в зависимости от года на 23-е или на 24-е сентября.

Вот как описывает ночь осеннего равноденствия Гофман: «Когда они вышли в поле, дождь перестал, но буря была ещё сильнее; тысячи голосов завывали в воздухе. Страшный раздирающий сердце вопль раздавался из чёрных облаков, которые сливались в быстром течении и покрывали всё густым мраком».

Ночь моего рождения, напротив, была тиха и безоблачна. И свежий иней выпал в первый раз и на ветвях деревьях серебрился. И лишь в далёком штате Ансоатеги метался гигантский пожар от взорванного венесуэльскими патриотами нефтепровода. А в туманном Лондоне народный артист РСФСР Яков Флиэр исполнил в сопровождении оркестра Третий фортепьянный концерт Рахманинова.

ЕСЛИ БЫ Я СМОГ ТОГДА ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ ПРОДОЛЖЕНИЕМ СТРОКИ — В отличие от христианской традиции, где «плоть, не потеряв того, чем обладала, стала Словом, отождествившись со Словом по Истине» (св. Иоанн Дамаскин), здесь происходит слияние Плоти и Слова.

СЛОВАМИ, ИМЕЮЩИМИ 6 И 9 СОГЛАСНЫХ ПОДРЯД — В русском языке не так-то уж и мало слов, имеющих подряд 6 согласных, например: свержхвстревоженность, свержхвстряска, свержхвстреча, контрвспышка, контрвсход и др., но, разумеется, самое замечательное слово — это глагол «взбзднуть», который с приставкой контр превращается в слово, имеющее 9 согласных подряд! Дабы узаконить литературность этих словечек мы включили их вот в такие шуточные стихи:

*Заиёл я в гости к дяде
И взбзднул ему под нос.*

*А дядя, контрвзбзднувши,
Задал такой вопрос:
«Зачем? Зачем вы взбздули
Под мой невинный нос?
В ответ вы получили
Вонючий контрвзбздёшь!»*

БОРХЕС ХОТЕЛ СТАТЬ КНИГОЙ — Однажды Хорхе Луису Борхесу явился во сне Кольридж и предсказал, что, умерев, Борхес превратится в книгу. Великий слепой, как известно, с невероятным почтением относился ко всем снам и пророчествам. И по многочисленным свидетельствам, свято верил в то, что так оно и случится. «В последние годы жизни,— пишет Вячеслав Курицын,— он даже бравировал этой верой; твердил с убеждением обладателя последнего знания, что станет по смерти книгой и никем и ничем иным. Он любил об этом порассуждать. Советовался с близкими, какой цвет корешка предпочесть (давно, впрочем, забыв, что такое цвета, говорил о них в терминах музыки). Горевал, что никогда не сможет узнать, о чём он-книга: этим же, впрочем, и гордился». Однако, опасаясь всевозможных случайностей и помех на пути естественной метаморфозы, Борхес решил подстраховаться и в завещании своём указал, что «в том случае, если он по смерти не станет книгой,— следует сделать из него книгу искусственно».

Естественная метаморфоза, как известно, не произошла, но завещание Борхеса было исполнено. «Мировая общественность протестовала, — пишет всё тот же Курицын,— но авторитет Умберто Эко, Фреди Меркюри и Пьера Клоссовски сделал своё дело — Борхеса в книгу превратили. В две книги: тела мастера Бо хватило именно на такой тираж. Из кожи автора (?) были выполнены переплёты, жилы и волокна пошли на капталы и нитки, лобная кость (в другом случае берцовая) стала накладным корешком...»

Страницы книги после долгих споров оставили пустыми, а на переплёте краской, полученной из набальзамированного сердца, начертали крупными буквами «БОРХЕС». По изготовлении обе книги были тщательно перемешаны, после чего одна из них была отправлена на хранение в Национальную библиотеку Буэнос-Айреса, в которой Борхес работал при жизни, а другая помещена в Александрийскую библиотеку. Вскоре во время пожара эта книга то ли сгорела, то ли была похищена, в подтверждение последнего, пишет далее Курицын, есть: «Сообщение террористической организации, взявшей на себя ответственность за поджог, пара-тройка снов трёх-четырёх жрецов Храма Воздуха, а также периодически поступающие из разных стран света сведения о появлении странной книги, являющейся одновременно томом, человеком и его трупом».

Не исключено, (а скорее всего, так оно и есть) что всю эту историю Курицын просто-напросто выдумал, но от этого она ничуть не стала хуже.

ПРЕДВЕЧНОГО АДАМА КАДМОНА — Согласно Каббале, неопределимый и беспредельный Бог приходит к определённости в десяти «Сефирот» (стадиях своего смыслового саморазвёртывания.) В своей совокупности «Сефирот» образует космическое тело совершенного существа, сосредоточившего в себе все потенции мирового бытия. Это существо и есть первочеловек — Адам Кадмон.

СУЩЕСТВУЕТ ЕЩЁ И ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК — Песочного человека описал в своё время Эрнст Гофман: «Ах, маменька, кто ж этот злой Песочник, что всегда прогоняет нас от папы? Каков он с виду?» «Дитя моё, нет никакого Песочника. Когда я говорю, что идёт Песочный человек, это лишь значит, что у вас спипаются веки и вы не можете раскрыть глаз, словно вам их запорошили песком». В той же новелле старая нянюшка описывает Песочного человека более толково: «Это такой злой человек, который приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, он швыряет им в глаза пригорошно песку, так что они заливаются кровью и лезут на лоб, а потом кладёт ребят в мешок и относит на луну, на прокорм своим детушкам, что сидят там в гнезде, а клювы-то у них кривые, как у сов, и они выклёвывают глаза непослушным человеческим детям».

Любопытно, что Песочный человек ассоциируется у Гофмана некоторым образом с птицей. Комментируя этот отрывок, я бы, наверное, сказал, что для меня Песочный человек — это птица Вечности.

О ДАЙТЕ КРЫЛЬЯ МНЕ — Гёте, Фауст, перевод Н. Холодковского.

НЕКИЙ ФИЗИК ЕС — имеется в виду главный редактор «Дирижабля» художник Евгений Стрелков, который, прочитав комментарий к его любимому детищу (Дирижаблю), раскритиковал меня в пух и прах и предложил переписать комментарий заново или вообще убрать. Однако переписывать я не люблю, а убирать, честно говоря, жалко. И поэтому я решил пойти по любимому пути дополнительности.

Е. Стрелков вполне справедливо указал на то, что «Дирижабль» — явление более широкое, не сводящееся к «пьяному навигатору», и это, безусловно, справедливо. Второе его замечание касается определений — в том смысле, что плохи. Ещё раз подчёркиваю: мои определения не претендуют на серьёзность, а тем паче на истинность, и тем, кому хочется глубже понять, что такое «Дирижабль», лучше всего обратиться к самому альманаху. Третье замечание касается картины первого запуска, в которой упомянуты лишь МП и ЕС, что, разумеется, никоим образом не отражает реальной истории проекта. Всех, кто участвовал в работе альманаха, и перечислить-то трудно. Но тем не менее необходимо отметить: стоявших у истоков Инну Готскую и Игоря Эйдмана, нашего литературного редактора Елену Спирину, редактора в Санкт-Петербурге Вячеслава Мазурова, бессменного верстальщика Дмитрия Хазана, координатора Андрея Дорошенко, непременного участника Леонида Тишкова и, разумеется, нашего «крёстного отца» — Андрея Битова.

МЕХАНИК МП — Ваш покорный слуга.

ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН — Чайка, постигшая суть полёта, из философской притчи Ричарда Баха.

ДВА МАЛЕНЬКИХ ЕЖА, БЛЯ — Подлинный текст и Автор этого прелестного стихотворения мне достоверно неизвестны. Оно дошло до меня из уст в уста как произведение Бонифация.

НОМО VOLATICUS — Человек летающий. Это название, с моей помощью, выбрал для названия своих художественных выставок великий энтузиаст воздухоплавания Виктор Таран.

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ О БЕССМЕРТИИ — Бессмертие — это одно из непостижимых понятий. Мы даже не имеем определённого «параметра» бессмертия. Что это? Форма? Очевидно, нет. Память? И если память, то возможна ли её передача от одной формы к другой? Может быть, «параметром» или, в этом случае, уже критерием — является осознание бессмертия? И ко всему прочему, если существует бессмертие, то возможен ли добровольный отказ от него? (подробнее см. выше в заметке о Бессмертии)

ЦЕНТР КРИВИЗНЫ — центр соприкасающейся окружности в данной точке кривой.

КАСАТЕЛЬНАЯ — это предельное положение секущей, проходящей через данную точку кривой и другую, стремящуюся к ней, точку кривой.

НОРМАЛЬ — это перпендикуляр к касательной в данной точке.

КОММЕНТАРИИ К ВТОРОСТЕПЕННЫМ ВАЖНОСТЯМ, ИЛИ ВТОРАЯ ВЕЧНОСТЬ

ВОТ И ПРОЖИЛИ МЫ БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ — Аллюзия на первую строфу Божественной комедии Данта Алигьери, которая в переводе Лозинского звучит так:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

Эти «божественные» строки вполне могли бы послужить эпиграфом к приключениям Эсинского, если бы к «лесу» стоял более светлый эпитет.

КОГДА ОНИ ВЫШЛИ В ПОЛЕ — Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776 — 1822), «Золотой горшок», перевод В. Соловьёва

И СВЕЖИЙ ИНЕЙ ВЫПАЛ В ПЕРВЫЙ РАЗ — Сравни со стихотворением китайского поэта X века Оуян Сю:

*На небе облака, в душе тоска.
Густые осень разбросала тени.
Лежу и слышу — ветер о карниз
Ударился и воем в испугенье.
И разом он пресёк покой и тишь,
И взмыли, испугавшись, в небо птицы.
А ночью иней выпал в первый раз
И на ветвях деревьев серебрится.
(Перевод И.С. Голубева)*

АХ, МАМЕНЬКА, КТО Ж ЭТОТ ЗЛОЙ ПЕСОЧНИК — Эрнст Гофман, «Песочный человек», перевод А. Морозова.

КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ БОНИФАЦИЯ — 1962-1994(?) поэт, мастер короткого парадоксального стихотворения.

КРИВИЗНА — это мера уклонения какого-либо геометрического объекта (кривой, поверхности, пространства) от однородного ему объекта (прямой, плоскости, евклидова пространства), считающегося простейшим. Кривизна кривой — это локальная характеристика, равная обратной величине радиуса соприкасающейся окружности; кривизна прямой считается равной нулю.

СЕКУЩАЯ — это прямая, имеющая с данной кривой по меньшей мере две общие точки.

КОММЕНТАРИИ К ВТОРОЙ ВЕЧНОСТИ, ИЛИ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ВАЖНОСТИ

ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОИДЯ ДО ПОЛОВИНЫ — Как отмечает в примечаниях к Божественной комедии Михаил Лозинский, «Срединой человеческой жизни, вершиной её дуги, Данте считает тридцатипятилетний возраст. Его он достиг в 1300 году и к этому времени приурочивает своё путешествие в загробный мир. Такая хронология позволяет поэту прибегнуть к приёму «предсказания» событий, совершившихся позже этой даты».

События нашего романа, хотя это и ниоткуда не следует, начинаются в 2000 году, ибо как раз к этому времени Эсинский достигнет тридцатипятилетия. Подобная хронология позволяет нам сделать смелое предположение, что все они и впрямь произойдут, ибо если возникнет в сердце бога Мысль, а язык озвучит сию Мысль Словом, то и родится мир из первозданного хаоса.

ЕВКЛИДОВО ПРОСТРАНСТВО — это конечномерное действительное векторное пространство, в котором определено скалярное произведение для любых двух векторов, причём скалярный квадрат ненулевого вектора положителен.

КОММЕНТАРИИ К ВТОРОСТЕПЕННЫМ ВАЖНОСТЯМ, ИЛИ ВЕКТОРЫ ВЫСОТЫ

ЕСЛИ ВОЗНИКНЕТ В СЕРДЦЕ БОГА МЫСЛЬ — Мотив творения Словом присущ многим древним верованиям, и, по всей видимости, не без оснований. Вот всем известное Евангелие от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Всё через Него начало быть, что начало быть. В нём была жизнь, и жизнь была свет человеков».

А вот как возникла жизнь, согласно космогонии Мемфиса: «Вначале, когда повсюду простирался безжизненный Океан Нун, Птах, который сам был землёй, решил воплотиться в божество. Усилием воли он создал из земли свою плоть — тело и стал богом». Творение же совершилось так: «В сердце бога возникла Мысль об Атуме, а на языке — Слово «Атум»; бог произнёс это имя — и в тот же миг Атум родился из Первозданного Хаоса».

ВЕКТОРНОЕ ПРОСТРАНСТВО — это аддитивно записанная абелева группа, в которой определено умножение на элементы некоторого поля P (поэтому и говорят о пространстве над полем P), причём соблюдаются условия: 1) $k(x+y) = kx+ky$; 2) $(k+h)x = kx+hx$; 3) $k(hx) = (kh)x$; 4) $1x = x$; где x, y — элементы векторного пространства, а $k, h, 1$ — элементы поля P .

СКАЛЯРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ — это численнозначная функция двух векторов a и b , обозначаемая (a, b) и обладающая следующими свойствами: 1) $(a, b) = (b, a)$; 2) $(a, b+c) = (a, b) + (a, c)$; 3) $(ka, b) = k(a, b)$, где a, b, c — векторы, k — элемент выбранного поля (скалярного).

КОММЕНТАРИИ К ВЕКТОРАМ ВЫСОТЫ, ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗВРАТА

Пожалуй, имеет смысл наконец-то и остановиться, поскольку комментирование уже вышло на порочную спираль размытого пространства, и если не оборвать эту спираль преднамеренно, то мы рискуем захлебнуться в водопаде комментариев к вновь возникающим словам, именам и понятиям.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕМ КОММЕНТАРИЯМ

Составляя эти комментарии, я отнюдь не претендовал на то, что именно этот смысл вкладывался в те или иные фразы и фрагменты при написании. В момент письма рука водила, слух выбирал, подсознание сливалось с сознанием, строчки складывались и буквы появлялись.

Став же впоследствии читателем и комментатором, я порою сам удивлялся длинным цепочкам взаимосвязей, которые протянулись из моего романа в культурный слой.

Сии комментарии никоим образом не претендуют на абсолютность и полноту толкований. Это всего-навсего один из вариантов прочтения, причём исключительно предвзятый. Я надеюсь, что все остальные читатели не будут относиться к прочтению моего детища столь серьёзно. Более того, я мечтаю хотя бы об одном читателе, который воспринял бы мой роман как произведение пейзажной лирики и не забивал себе голову проведением замысловатых параллелей.

Красногорск 1993-98 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ N 1

стихи, написанные Олегом Эсинским (при помощи его прототипа Владимира) за несколько лет до начала его странствий

88 ВЕРЛИБРОВ

1. ПУТЬ

1. Я в путь неведомый
Отправился сегодня.
Взял котелок,
Да сухарей немного.
2. Сидел на берегу реки, рыбачил.
И стрекоза на поплавок
Присела
Прозрачная,
С лазоревым отливом.
3. Развёл костёр
Из буковых деревьев,
Знакомый запах ощутил,
Из детства.
4. Построю плот.
Куда мне торопиться?
Река не может
Завтра пересохнуть.
5. Всю ночь играли
Рядом горностаи.
Быть может, чьи-то
Души не вернулись?
6. Я сделал лук
Из можжевельника.
И стрелы.
А после все их
Выпустил на Север.
Пусть они наметят мне
Дорогу.
7. Над тихим озером
Кружились чайки.
Я с ними был
Незримым Ливингстоном.
9. Однажды к моему костру
Пришёл угрюмый леший...
Молча посидели.
Да и не надо было говорить.

10. Я целый год провёл
В своих скитаньях.
А когда вернулся,
В концертный зал
Чайковского пошёл.
Там кресла белые
И музыку играют.

2. ВЕЧЕРНЕЕ

1. После впустую прожитого дня
Осадок остаётся.
2. Ходил по улицам,
Искал, где выпить кофе.
Плохие времена.
3. Китайское перо достал
И синие чернила.
Потом так долго
Подбирал слова.
4. Выпил стакан вина.
Яблоком закусил.
Наступает вечер.
5. Квадрат окна.
Светлячок сигареты.
Лица не видно
И человека.

3. МАЗКИ НА МОЛЬБЕРТЕ

1. Художник красок себе купил.
Такое дело.
2. Художник рисовал ночное небо.
А все его считали сумасшедшим.
3. В бессилья миг перемешал все краски.
И долго после возвращал их на места.
4. Такие черные весной мостовые.
Как хорошо, что прикупил я туши.
5. Ложиться в восемь
И вставать в четыре,
Под карандашный утренний туман.
6. Молитву воздавать мольберту.
7. Сегодня кисти я купил из колонка,
Чего там вроде?
Но на сердце праздник.

8. Неужто правда были кроманьонцы?
9. Впервые в жизни, все рисуют
Солнце!

4. ФОРМУЛЫ НАУКИ

1. Четырнадцать законов он открыл.
Четырнадцать бредовых положений.
Четырнадцать бутылок коньяка
Он выпил за открытия с друзьями.
2. А вот учёный, для чего он Богу?
3. А в Мире ничего не изменилось.
Всё так же хаотичны электроны.
4. Такая штука, комплексные числа,
Учитывает даже нереальность.
5. Симфонию и в алгебре услышать.
Вот для чего явился в Мир Учёный!
6. Всё те же очарованные кванты!
И странные донельзя электроны.
Когда вас только кончат изучать?
7. И даже свет пустили по кривой.
Куда до этих физиков факирам!

5. АРХИВ АРХИТЕКТОРА

1. Построить Дом
От цоколя до крыши
Не так-то просто.
2. На рынке продавались кирпичи,
Стропила липовые, даже черепица!
Но денег лишь на Архитектора хватило.
3. Зодчий Росси жил когда-то,
Улицей себя запомнил.
Так —
Немного жёлтых двоек.
4. Как Растрелли ни старался,
Расстреляли бедолагу,
В голубой дворец убили.
5. Архитектор Казаков
Был классический строитель.
Очень красное любил.
Да и белое немного.

6. Архитектор Весны,
Проект неверен!
Большая глупость пропущена.

7. Застывший звук виолончели,
Какой он из себя?

8. Купол — вот последняя точка.

6. КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

1. Учитель двойку в журнал поставил.
И долго думал о смысле жизни.

2. Указкой в головы вбивал их знания.
А надо было делать по-другому.
Купить в аптеке буковый костыль!

3. На школьной парте вырезал стихи.
Учителя читали — удивлялись.
И даже сам директор приходил!
Ну, а потом заставили закрасить.

4. Косичку к стулу привязал.
Старался,
Чтобы был красивым бантик.
А после взял в сердцах
И развязал.

5. Доска и мел.
Такие вот предметы.

7. ТРОПА ПОЭТА

1. Тропа поэта —
Диагональ комнаты.
А он уходит с неё
К законному шуму.

2. Жёны поэтов
Редко улыбаются
Почему-то.

3. Так вот она какая
Вышла-то —
Вторая строчка.

4. ...И парить,
Как старые ястреба,
В осеннем нахмуренном небе.

5. Поэзия — вряд ли добыча радия.
Вряд ли добыча и вряд ли труды.

6. Шутковать с поэтами опасно,
Эпиграмму могут подарить,
День рожденья Вам испортят.
7. Кто сказал: «Поэта к стенке?»
Может, просто не подумал?
Или жизнь злодеем прожил?
Ведь поэтам нужен воздух!
Любят с краю спать поэты!
8. Не везло ему, бедняге,
Всё не те являлись строки.
Но однажды, очень пьяный,
Написал лихую песню.
Так и спился, бедолага.
Думал, может, повторится!
9. Разве может что сравниться
С этим привкусом поэмы?
Терпким и немного звёздным.
10. Хороший стих
Подобен коньяку.
В обоих последствие важно.
11. Сколько слов избитых,
Стёртых.
Лечат, лечат их поэты,
И залечат в одночасье.
12. Так, однажды, ранним утром,
Он проснулся вдруг поэтом.
Жалко только, умер в полдень.
13. Не бывает там ни буден,
Ни ночей, ни воскресений.
Каждый день они всё пишут,
Всё зачёркивают строчки.
Или выпьют банку водки,
И пошло оно всё к чёрту.
14. Таланту мало человека,
Ему поэта подавай!
15. Чего их, деньги-то, искать,
Ограбил банк, и дело в шляпе.
А после скажешь — гонорары
За несложённые стихи.
16. Такая штука — вдохновенье.
Пришло — никак не увернёшься.

17. На великой пьянке
Всех времён и поэтов
Не состоялись тысячи шедевров.
18. Поэт звонил в колокол
И оглох.
Так странно —
Оглохший поэт.
19. Мотылёк уснул на листе поэта,
И поэт не стал его будить.
А мир так и не узнал окончания стиха.
20. Он проник в самую суть слова.
И слово оглушило его
Своим смыслом.
Так и ходил — оглушённый.
21. Взгляд поэта упал на камень,
И объявились, наконец-то,
Каменные стихи.
22. Был он в улёте.
А его искали.
— Пропал, — говорили, —
Человек пропал.
А он и так
Всё время был пропащим.
23. Нумеровал свои стихи
И суеверно пропустил тринадцатый.
А это был поистине шедевр.
24. Поэт заплакал над великой строчкой.
И слёзы жаркие строку размыви.
С тех пор он стал писать карандашом.
25. Соседи почему-то удивлялись:
Кто по ночам за стенкою рыдает?
А там за стенкою рыдал сам воздух!
26. И не смешино он как-то улыбался.
И плакал тоже как-то несерьёзно.
А все его считали за придурка.
27. Перехватило от строки дыханье,
И не заметил, как стянулась петля.
28. Такое несолидное занятие,
И вот поди ж ты.
29. Уж банку полную чернил
Он выплеснул в бумагу

*И долго-долго после удивлялся:
Неуж вся жизнь ушла на эту банку?*

30. *Тихое утро.
Автобус шумит куда-то.
Голуби воркуют за окном.
Часы.
Поэт проснулся.
Закурил.
Откушал кофе.
А там, что делать,
Сел писать стихи.*

31. *И строчку никакую не сминал. И не ломал
перо о букву.
А обыватели подумали — гордец.*

32. *О, бестолковщина!
Зачем ты лезешь в мысли?!
Попробуй, запиши тебя такую.*

33. *Забросил невод
С крупной ячеей,
И утекли все маленькие мысли.*

8. САДОВЫЙ ДОМИК

1. *Яблоню посадил.
Полил водой из колодца.
Долгие облака.*

2. *На берегу пруда сидел.
Там так потешно
Тявкали лягушки.*

3. *Воробушки в мой садик прилетели.
Не стал пугать их чучелом дурацким.*

4. *Сегодня мастерил себе беседку.
Придут друзья.
Их приведу в неё.
Рябиновой настойки принесу,
Десяток яблок.
А остальное пусть возьмут они.*

5. *Июньский вечер.
Дождик перестал.
И просто обезумели левкои.*

6. *Курил на своём крыльчке,
Летний негромкий вечер встречал.*

7. *Старую медную лампу зажжёт.
Томик Басё достал.*

*Ветер шумел за окном.
Стало немного страшно.*

9. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

1. Ну, это те стихи, что с Эсинским пришли.
Вот так и скажут.

2. — А чем он, — спросят, —
Так писал умело?
— Да ручкой раненой
С повязкой-изолейтой.

3. — А чем, скажите,
Жил тот странный писарь?
— А чем вообще живут
Стихи? Поэмы?

4. — А чем дышал?
Скажите, чем дышал он?
— Да тем же самым:
Чистым перегаром

ПРИЛОЖЕНИЕ N 2

стихи, написанные Олегом Эсинским по прошествии событий, описанных в романе «ВВ» ВЕЩЕСТВО ВРЕМЕНИ (музыкальные диалоги)

ВЕЩЕСТВО ВРЕМЕНИ

Рецептура временной смеси

1. Карнавальный дождь
2. Весенний танец любви
3. Перламутровый вальс ракушек
4. Список литературы
5. Рифмы для розы
6. Ледяные одуванчики
7. Голоса Вселенной
8. Одичавшие строки
9. Стихи на солёном песке
10. Уроки полёта
11. Неправильная снежинка
12. Огни на асфальте
13. Парад планет
14. Синекожи в шампанском
15. Колыбельная для облака
16. Страница-странница
17. Премьера для калейдоскопа
18. Контаминация
19. Кентавры и зайчики
20. Светопредставление
21. Грёзы курьёзов
22. Поэмы-призраки
23. Колесо сансары
24. Игра в бисер
25. Коней пленительная статья
26. Ультразвуковая песня
27. Банные хлопоты
28. Интегральное сжатие
29. Неакадемический кошмар
30. Цвет времени
31. Лебединые строки

1. Карнавальный дождь

джаз

— Если перемешать все краски, то получится чёрное, но если перемешать все цвета, то объявится белое.

В чём тут дело, и где протекает различие?

— Ты гениальный поэт,— сказала она,— но этого никто не понимает. Потому что слёзы текут не только от боли, но и от смеха.

— Слёзы текут ещё и от ветра. И если ты не боишься заплакать, я научу тебя улетать...

— Хорошо, — сказала она, — я возьму с собой промокательную бумагу.

И они улетели к морю.

А на улице

наступил карнавальный дождь.

2. Весенний танец любви

тамбурин

— Ого,
да ведь у меня в душе настоящая проливная радость!
Разноцветные лужицы радости растекаются по стенкам души.
А в них отражаются зеркальные стихи.
Подыграй мне на саксофоне! Мы сочиним с тобой весеннюю оперу для облаков.
— Ты знаешь, в последней перестрелке мой саксофон прохудился и мне не хочется выдывать из него худую музыку.
— Тогда возьми гаечный ключ и бей в бензобак.
Я буду тацевать призывную пляску любви.
И...
На 612-м ударе произошёл взрыв. Комиссия по расследованию катастроф так и не выяснила причину...
А дело было в том, что на весенний танец любви слетелись бабочки вечности.

3. Перламутровый вальс ракушек

клавесин

Пить...
Дайте хотя бы глоток родниковой поэзии.
Незабудки засохли в канавах души моей.
И вся душа потрескалась от жажды.
Пить...
Я хочу напиться до беспамятства...
Любви и музыки — по полной!
Послушайте, хозяин:
Кошельки моих полушарий на сегодня пусты...
У меня не осталось ни одной, даже самой мелкой, метафоры.
Если хотите, я заплачу Вам — жизнью.
В этот осенний вечер они долго кружились в перламутровом вальсе ракушек. И лунная дорожка дрожала у ног влюблённых.

4. Список литературы

блюз

— Давай составим список литературы в помощь изучающим наши души, — сказала она.
— Но ведь доступ в нашу библиотеку не так-то прост.
— Это не важно! Ты же знаешь: эти книги не имеют языка прочтения.
Они запечатали его в бутылку из-под пива и доверили океану.
Говорят, после этого некоторые рыбы научились летать.

5. Рифмы для розы

семиструнная гитара

— И почему я должен соблюдать какие-то рамки?
Продам своё лучшее стихотворение. Куплю парусную шхуну. Уеду в Исландию. И стану исландским скальдом.
— Самое интересное, что как раз вчера приходил богатый покупатель. Ему нужна была неизбитая рифма для чайной розы.
— А цвет? Неужели ты не спросила его о цвете?!

Если она голубая, то к ней подошла бы светло-жёлтая шимоза. А если бордовая, тогда следует обнести её букетиком из тубероз. К белой идут водяные стрекозы. А к бирюзовой можно добавить немного мальтозы...

— А что же делать, если она блондинка с ореховыми глазами?

— Тогда нужно достать Овидия! Прочесть метаморфозы! И раствориться в мареве ресниц...

* * *

Как хороши, как свежи были рифмы.

В моих стихах. Как слух ласкали мой...

6. Ледяные одуванчики

флейта

— Я выдохну растерянное небо... И хрупкое созвездие зимы бесшумно ляжет родниковым снегом на акварельные холмы.

— Нарисуй на этих холмах зайчика, по-жа-луй-ста...

— Раз, два, три, четыре, пять... 3-3-3-3 — зайчики превратились в белых шмелей и улетели в Гренландию — опылять обледевшие айсберги.

* * *

Потом учёные долго бились над разгадкой арктических одуванчиков. И никому не пришло в голову, что это была всего-навсего шутка художника.

7. Голоса вселенной

орган

— Хорошо, допустим, что снег — это действительно состояние воды, что гусеница — это нераспустившаяся бабочка, что семечко — это ещё невыросший подсолнух и сперматозоид — тоже человек. Допустим, что в кусочке бронзы замурована скульптура, в чернильнице затонули поэмы, а в красках покоятся нераскрытые картины.

Очень хорошо.

— А в человеке притаился Бог. А в каждой женщине запрятана Любовь!

— А в каждом Боге сложена Вселенная. И в каждой Любви зарождаются жизни.

— А в каждой Вселенной есть электроны и атомы, вода и снег, бабочки и подсолнухи, стихи и картины, Люди и Боги, Любовь и Жизнь...

* * *

Голоса Вселенной сквозили в лучах отдалённых звёзд. Космические корабли поднимали паруса и флаги.

8. Одичавшие строки

ксилофон

— Расскажи про одичавшие строки, про взбесившиеся стихи и обезумевшие заголовки,— попросила она.

— Когда они всплывают в моей памяти, то происходит возгорание души...

— У меня есть немного портвейна, быть может, его хватит, чтобы потушить твой внутренний пожар?

— Видишь ли, портвейн не горит только в огне. Ну, а душа его сжигает без следа!

Но, впрочем, это будет моё 34-е самосожжение.

И он завыл, подобно февральскому волку, так, что серебряные колокольчики зазвенели в её крошечных серёжках.

9. Стихи на солёном песке

кларнет

— Солнечная влага струится в твоих волосах. Неужели ты не боишься сгореть или промокнуть?!

— Я растаю в лучах восходящего солнца. Ты напишешь об этом стихи на песке!

— Об этот сюжет спотыкаются рифмы. И долгие слоги хромают в пути.

— Но чайки! Взгляни, как волнуются чайки!

И ветер, и волны, и синий дельфин...

Они отпустили на волю осеннего цвета мустангов. И он написал своим стеком стихи на солёном песке.

Волны вылизали это редкое лакомство, до самой маленькой запятой.

10. Уроки полёта

труба

— Ты же знаешь, мы были тогда пьяны, и, по обыкновению, дурачились словами и фразами. А Мотя, он просто изучал в то время стенографию. И набивал свою руку на записи нашего трёпа. Откуда взялся этот матримонах Пафнунтий, я понятия не имею. Конечно, мы отдали ему эти тексты, ведь он же угостил нас пивом... Вся эта катавасия наступила потом... Нашим ангелам досталось за разглашение... Да нет же, они не такие идиоты, чтобы откровенничать с нами... Просто не только высшим сущностям доступны тайны мироздания. А потом возможны и простые совпадения...

— Согрей меня своим дыханием. Я очень замёрзла. Какое дело мне до молящихся, ведь я всего-навсего птица...

* * *

Они стояли на скалистом утёсе: человек и птица.

Он читал ей свои стихи.

А она преподносила ему уроки полёта.

11. Неправильная снежинка

духовой оркестр

— Конечно же, у снежинки шесть лучей! Об этом знает каждый ребёнок. А мсье Кеплер подкрепил это житейское наблюдение математическим обоснованием... Кристаллы, бля... НО вчера (да нет, вчера я был относительно трезв, и все твои намёки неуместны). Так вот, вчера мне на руку упала семиугольная снежинка... Я тоже об этом подумал! И даже решил отнести её в бюро находок, но по дороге она растаяла...

Теперь в семиугольную снежинку можно только верить...

— А давай устроим комнатный снегопад! Включим вентилятор и будем сыпать на него снег из сугроба!

— Это весьма опасно... Ведь может произойти обледенение души! Представляешь: тёплая расхристанная душа под толстым слоем семикрылого снега...

— Божественно...

В тот год внегалактическая кунсткамера пополнилась довольно редким экспонатом заснеженных и звонких души.

12. Огни на асфальте

шарманка

— Ты посмотри, какие лужи на асфальте! И в них дрожанье разноглазых светофоров, автомобильных фар, дорожных фонарей...

А если хочешь посмотреть на многоцветье округлых волн от брошенной монеты, отдай в уплату золотой динарий... Поистине, цена не велика.

— А может, лучше купим лунный глассер. Умчимся, оставляя стайки брызг, в маренго полуденных горизонтов., где трубачи на водосточных флейтах играют серебристые ноктюрны... и звёздные прозрачные стрекозы кружатся в вальсе метеорных слёз...

— Я буду капельмейстером дождя, а ты его живительной капелью., и музыка тумановых рассветов прольётся на обугленную ночь...

* * *

Историки музыки уверяют, что именно тогда Людвиг Бетховен слышал, как из вечернего горизонта далёкого будущего доносятся звуки его знаменитой сонаты.

13. Парад планет

трембиты, бубны, трещотки

— Сегодня мы отправимся в полёт., сорвёмся с крыши недостроенного храма, в густое марево вечернего тумана, на провода посеребрённых строк. Мы будем петь старинные баллады, мы будем пить столетнее вино, заглядывать в окошки детских снов и сочинять ручьи и водопады...

— Мы подожжём бенгальские огни, устроим фейерверки из снежинок, сойдём с ума, закружимся в любви, смешаем нити орбитальных паутинок...

* * *

Почему-то астрономы отнеслись с недоверием к сообщению крымской обсерватории о том, что планеты в ту ночь устроили незапланированный парад.

Как будто Солнечная система обязана подчиняться законам Кеплера и полностью игнорировать сумасбродство поэтов!

14. Синекдохи в шампанском

симфонический оркестр

— Давай устроим стихотворный бурелом! Смешаем в кучу ямбы и хореи, анапесты и дактили смешаем! Потом польём всё соусом метафор. Для аромату бросим синекдоху, щепоть гротеску, пару аллегорий. И всё присыпем крепким «Улю-лю-лю!»

— Ты знаешь, это просто гениально! Пусть критики ломают свои перья об этот поэтический завал. А мы уйдём в шампанское брожение и вместе с пеной выйдем через край неведомых доселе измерений!

— Брависсимо! Аллегро! Наливай!

И они поднялись в прозрачное небо на пузырьках от шампанского газа.

В метафизическом прахе культуры после них осталась невообразимо праздничная свалка.

15. Колыбельная для облака

английский рожок

— Слышишь звон ледяных колокольчиков? Это снеговые облака задевают о скалы*****

— Да. Но это скорее не звон, а многоголосое пение*****

— Ого! Да у тебя просто кошачий слух, если ты разбираешь этот заснеженный хор*****

В каждой снежинке живёт кусочек обледеневшего эха; осколки стихов и песен, оставшихся от пастухов и бродячих поэтов*****

— Может быть, и нам стоит внести свой напев в эту полифонию заснежной капеллы?

* * *

*Они напели колыбельную для холодного снежного облака. Чтобы в каждой снежинке отложился кусочек покоя******

16. Страница-странница

скрипка

— Добавим «Эн» в печатную страницу и соберём её в бумажный самолёт,
пускай летает в небесах прочтений...

пускай она покалывает мозг бумажным клювом...

и будит тайную мечту о красоте

в уснувших душах...

совсем неважно, что в неё внести:

стихи, рисунки, расписание поездов, рецепты опьяняющих отваров, рекламу чая или табака, коллекцию почтовых анекдотов, возможно, просто детские каляки, или, допустим, птички на полях...

Здесь главное — присутствие полёта; воздушный бред сверкающей души...

По просторам всеобщих прочтений пролетела бумажная чайка. И остались в разбуженных душах серебристые пёрышки фраз.

17. Премьера для калейдоскопа

электропианола

— Нарядим мысли в карнавальные костюмы:

запрячем мудрость в застарелый анекдот, а пошлость скроем маской авангарда; стихи оденем в формулы и цифры, законы физики укутаем в поэмы; трактат теософа набьём в калейдоскоп, где будет заповедь среди стёклышек кружиться и радовать нечаянным соцветьем; роман сожмём до слова или точки, а в запятую упакуем мир...

— А сами будем жить, как режиссёры — распорядители густого карнавала...

— Потянем ниточки у кукол-предложений, чтоб распустились бабочки мистерий... и феерия разноцветных откровений опустится на белые листы...

* * *

В калейдоскопе, давеча, была премьера — цветные стёклышки рассматривали глаз, огромный глаз лазеревого тона.

18. Контаминация

виолончель

— Контаминация — слово, вполне подходящее для стихов, правда, не очень ясно, что оно такое обозначает???

— Я думаю., что это маленькая ящерка в пустынях обезвоженного текста, которая меняет свой окрас, скрываясь в однотонных идиомах.

— Нет, нет. Скорее, это разнокрылый мотылёк, перелетающий по лилиям сравнений и пьющий сок цветочной буффонады.

— А может, это воспаривший бегемот, плывущий в облаках, как дирижабль, который вызывает светлый дождь из детских перепутанных рассказов?

* * *

Букет восторгов в мусорном ведре остался после шумного французского банкета в провинциальном тихом городке.

19. Кентавры и зайчики

пионерский горн и барабан

— При посещении зоопарка: сначала подолгу стоишь у клетки с зайчиком, а потом тебя не очень-то интересуют даже танцующие слоны, и лишь у стойла кентавров ты замедляешь своё познавательное путешествие, удивлённый.

— Сборник стихотворений — ведь это тоже некий зоопарк...

— Кентавры созданы для войн и развлечений, а зайчики и воробушки — для отдохновения сердца.

— Твои стихи — это зайчики или кентавры?

— Мои стихи — вселенский карнавал, где зайчик уместяется в созвездье, ну, а кентавр пощипывает травку в урочище мистических сюжетов...

— Прочти мне зайчика, который ест морковку...

— Коль у зайчика морковка —

Не поднимется винтовка

Зайчика убить.

И когда из чепухи

Проявляются стихи,

Как их не любить?

Они любили стихи, они любили друг друга, они любили зайчиков и кентавров.

20. Светопредставление

альт

— Пьяный художник не может творить — руки дрожат.

Пьяный поэт продолжает жить и иногда, наугад

Попадает в десятку,

Ибо

Дрожащие строки в стихах

Прекрасны...

— Я люблю тебя, люблю твои трепещущие строки, твою такую незащищённую поэзию, твою младенчески-растрёпанную душу...

* * *

Так получилось, что солнце в тот вечер не ушло за горизонт. Свершилось световое представление.

21. Грёзы курьёзов

арфа

— Вчера со мной осуществилось вот что: я изобрёл два знака препинания, один — для сжатия (допустим, вот такой #), ну, а другой, естественно, для раздвижения (к примеру, вот сякой |||). Я их назвал пыльца и лепесток. Пыльца (|||) обозначает, что весь текст читать положено в разбросанном порядке и все перетасованные смыслы имеют место. А лепесток (#) приказывает сжать всю круговерть эпитетов на центр, на бархатно-живую глубину.

— Моя невинность тает в тишине |||

— Твоя невинность растворяется во чреве #

Так родился препинажный парадокс

в тени раскидистого текста.

22. Поэмы-призраки

звнящая тишина

— По ночам ко мне стали являться тени умерших поэм: фантомы слов и привиденья предложений кружатся в воздухе осенними листьями и оседают в ложбинках души...

— Ты просто много куришь перед сном, наверно это никотиновые глюки.

— Пускай и так, не всё ли мне равно? В них столько нежности и серебристого мороза и благородный груз густых веков лежит на каждой поседевшей рифме...

— Переведи мне что-нибудь из них...

Поэмы-фениксы, восставшие из пепла, заполнили души двух безумцев, и в это утро начался распад Вселенной на тысячи сверкающих миров.

23. Колесо сансары

колокола

— Я построил колесо безумия. Закрутишь такое колесо, согласишься на него 14 секунд и сходишь с ума.

— Скорее закручивай, мне не терпится испытать твою идею.

— РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ, СЕМЬ, ВОСЕМЬ, ДЕВЯТЬ, ДЕСЯТЬ, ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ: старт!

* * *

Это странное колесо до сих пор продолжает движение и сводит с ума своей необъяснимостью весь мир.

24. Игра в бисер

цинь

— Пойдём метать бисер перед свиньями.

— Мы сядем перед ними в позу «лотос» и будем петь ведические гимны.

— И слёзы неподдельного восторга северным жемчугом будут стекать на чумазные пятачки.

— А поросычие хвостики станут вилять в умиление...

Так началось великое движение за покорение свинячего сознания.

25. Коней пленительная статья

свист

— Гуталин — это губная помада для лошадей. Когда они идут на новогодний бал, то их носы блестят, как сапоги солдат на праздничном параде.

— Мне бы хотелось превратиться в лошадь и вскачь пуститься по новогодним степям, чтобы ветер запутался в шёлковой гриве, чтобы нос блестел от гуталина и чтобы арабские жеребцы становились передо мной на колени.

— Я подарю тебе нидерландскую ваксу, авось пригодится.

Словно новогоднее видение в ночную степь умчались призрачные кони: караковая арабских кровей кобылица и муругий воронежский жеребец.

26. Ультразвуковая песня

гаитянская раковина

— Хочешь, я спою для тебя на языке летучих мышей и дельфинов?

— О, моя золотоокая Лея, похоже, я начинаю в тебя влюбляться!

И она спела ему песню.

Песню, не слышную для человеческого уха...

Ультразвуковые снежинки слетались к фонарику тёплой души

И таяли.

*Родниковые слёзы мелодий растворяли вселенскую грусть.
Мотив любви сквозил живительной метелью.
Сугробы нежности ложились на сознание.
И затвердело-посеребривший мир
Вдруг содрогнулся в пароксизме песни.*

27. Банные хлопоты

гармонь

— Если дым поднимается кверху, значит дыму нравится небо!
Ну, а если в макитре перхоть, значит в бане давно ты не был!
— Слушай, а не сходить ли нам в баню?
— О, баня, баня! Как в тебя без пива?
— У меня есть заначка, на чёрный день, но я могу, вполне, пустить её на чистый!

* * *

В тот день стояла баня на ушах: в окно летели песни и бутылки, ушаты превращались в барабаны, пар выходил из души и из щелей.

28. Интегральное сжатие

свирель

— Я устал, бесконечно устал, по развалам Вселенной скитаться, и скитаний моих интеграл, начинает в восьмёрку сжиматься...
— Я свяжу тебе шарф из астрального света и сыграю на флейте космический блюз, и в мелодиях лунных захлебнётся планета и уйдёт за пределы кармических уз...

* * *

Волны планетарных притяжений вышли из-под контроля законов гравитации... наступала эра непредсказуемых движений...

29. Неакадемический кошмар

синтезатор

— Сегодня я классифицировал кошмары. И лишь один не уложился в рамки моих раскладов.
Приснилось мне, что чёрная дыра не что иное, как божественное око. Вселенский глаз, вбирающий потоки всех галактических событий и сознаний. Межзвёздная космическая свалка... И где-то вперемежку с облаками от водородных бомб и от пожаров клубятся тихим мезозойским эхом мои четверостишья и поэмы...
— И наши ночи, полные любви...
— И твои дивные неслышимые песни...
— Поистине чудовишный кошмар. Нам нужно как-то всё вернуть обратно! Иначе я растаю от тоски...

* * *

Именно тогда произошла ревизия чёрной дыры. Именно тогда в ней разделили свет и тьму. Именно тогда под крылом у созвездия Лебедя вспыхнула сверхновая звезда.

30. Цвет времени

*дождь, ударяющий в
барабан*

— Электронное время зелёного цвета. Почему? Быть может, оно позеленело от времени?

— Ну что ты. Электронное время совсем, совсем ещё юное. Потому и зелёное. Механическое, то, например, постарше со ржавыми разводами на стрелках. А песочное, водяное и солнечное те и совсем старички — из них, как говорится, уже течёт и песок сыплется.

— А дальше? Какое время будет, или было, дальше?

— На утренней заре и на вечерней о нём судили по количеству фотонов, стучащихся в сетчатку наших глаз.

* * *

Какая прелесть радужное время скользящее по краешку души.

31. Лебединые строки

капелла

— Тихий вечер в лабиринтах переулков... Тихий вечер в сумерках души... Я уйду на долгую прогулку... Ты меня не жди и не ищи...

— Я останусь поседевшим эхом; нежным отзвуком нечаянных стихов; васильковым колокольчиковым смехом; снежным следом от твоих шагов...

* * *

Поэт и муза растворились во вселенной, в пространстве нерастаявшей любви...

ПРИЛОЖЕНИЕ N 3

Всевозможные невыдуманные сведения об авторе к моменту завершения работы над романом «ВВ».

ВЕХИ ВАЯТЕЛЯ

ПОГАРСКИЙ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ

1. Анкетные сведения.

Родился 24 сентября 1963 года, в городе Муроме Владимирской области.

Отец — Погарский Валентин Васильевич (1926-1994 гг.) работал регулировщиком радиопаратутуры.

Мать — Погарская Ираида Михайловна род. в 1929 г., работала учителем биологии.

Брат — Погарский Владимир Валентинович род. в 1958 г., монтажник металлоёмких конструкций.

Жена — Погарская Маргарита Евгеньевна род. в 1962 г., инженер-программист

Дочь — Погарская Мария Михайловна род. в 1987 г.

Сын — Погарский Евгений Михайлович род. в 1989 г.

2. Трудовая деятельность.

С 1980 по 1985 учёба на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. В это же время работал: каменщиком, бетонщиком и плотником на строительстве и ремонте коровников, механических мастерских, жилых домов; на лесоповале; ремонтировал трамвайные пути; был дворником; уборщиком; грузчиком; ночным дежурным.

С 1985 по 1987 инженер-программист Красногорского Механического завода. В это же время работал сторожем и дворником детского сада.

С 1987 по 1990 аспирант Института машиноведения им. А.А.Благонравова АН СССР.

А с 1991 по 1992 младший научный сотрудник этого Института. В то же время преподавал высшую математику на 1-ом и 2-ом курсах Московского института радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА)

С 1992 по март 1998 начальник Издательского отдела концерна «Вечерняя Москва».

С 1991 по настоящее время член редакции литературно-художественного альманаха «Диржабль»

В 1995 был литературным редактором журнала «Воздухоплаватель России».

С апреля по июль 1998 — главный редактор издательства «Интербук».

С июля 1998 по настоящее время — свободный художник.

3. Библиография.

3.1 Книги и брошюры.

Для детей:

1. Азбука для малышей. Стихи, Москва, 1992 г., 32 стр., тираж 150000 экз.

2. Книжка чисел. Стихи. Москва, 1993 г., 16 стр., тираж 150000. Второе издание 1995 г., тираж 15000 экз.

3. Королевство минуток. Стихи. Москва, 1993 г., 16 стр., тираж 150000 экз.

4. Настоящее путешествие. Стихи. Москва, 1993 г., 16 стр., тираж 150000 экз.

5. Между Небом и Землёй. Сказка. Москва, 1993 г., 48 стр., тираж 150000 экз.

6. Лекарство от глупости. Шарады. Москва, 1993 г., 32 стр., тираж 150000 экз.

7. Азбука. Стихи. Москва, 1994 г., переплёт, 96 стр., тир. 20000, второе издание 1997 г., тир. 17000.

8. Азбука. Стихи. Москва, 1995 г., склейная на картоне, 12 стр., тираж 30000 экз. Второе издание 1996 г., тираж 30000 экз. Третье издание 1997 г., тираж 10000, четвертое издание 1997 г., тираж 10000, пятое издание 1998 г. тираж 10000 экз.

9. Страна чисел. Стихи, Москва, 1995 г., склейная на картоне, 12 стр., тираж 20000 экз., Второе издание 1997, тираж 10000 экз., третье издание 1997, тираж 10000.

10. Королевство минуток. Стихи, 1997 г., склейная на картоне, 12 стр., тираж 10000.

11. Пластилиновая баранка. Стихи. 1996 г., книжка-малышка, 12 стр., тираж 20000 экз.

12. Плот для бегемота. Стихи. 1996 г., книжка-малышка, 12 стр., тираж 20000 экз.

13. Прописи (Английский язык). Стихи. 1997 г., брошюра, 32 стр., тираж 10000 экз.

14. Солнечный зайчик. Сказка. 1997 г., брошюра, 16 стр., тираж 10000 экз.

15. Волшебные картинки. В лесу и во дворе. Книжка-игрушка со стихами. 1997 г., брошюра, 8 стр., тираж 5000 экз.

16. Волшебные картинки. В небесах и под водой. Книжка-игрушка со стихами. 1997 г., брошюра, 8 стр., тираж 5000 экз.

17. Завтрак на траве. Стихи. Книжка-игрушка. Склеивная на картоне с разрезами. 1997 г., 12 стр., тираж 11000.

18. Налетайка. Игра. 1997. тираж 10000 экз.

Для взрослых

1. Анализ механизмов разрушения композитных элементов для описания масштабного эффекта прочности. Автореферат диссертации. Москва. 1991 г., 22 стр., тираж 100 экз.

2. Камера хранения. Стихи и проза. Нижний Новгород, 1993 г., 48 стр., тираж 2000 экз.

3. Излишняя жизнь. Проза. Нижний Новгород, 1994 г., 42 стр., тираж 1000 экз.

4. Яти про деда Пехоркина. Проза. Нижний Новгород, 1994 г., 8 стр., тираж 1000 экз.

5. Краткий словарь алкогольных терминов. Москва, 1994 г., 96 стр., тираж 5000 экз.

6. Черновик Михаила Погарского. Проза. 1995 г., 64 стр., миниатюра, тираж 95 экз.

7. Зодиак. Стихи. 1996 г., 32 стр., тираж 365 экз.

8. Философия пьяного ёжика. 1997 г., 64 стр., тираж 500 экз.

Общий тираж: 1 193 060 экз.

Книги-объекты:

1. Серия листов: «Стихи на почтовых марках», коллажи, 1995

2. Серия листов: «Стихи на фракталах», коллажи, 1995

3. Разоблачение структур. Компьютерная графика. 3 работы (дизайн В.Мазурова), 1995

4. Голоса квадратов. Компьютерная графика. 1995

5. Постигание треугольников. Компьютерная графика. 1995

6. Языческий крест поэзии. Компьютерная графика. 1995

7. Явь и навь. Компьютерная графика. 1995

8. Восемь небесных сфер. (фольга, картон), 1995

9. Зодиак. (картон, проволока) Рис. А.Стрелкова. 1995

10. Дорога в небо. (бумага, дерево) 1995

11. Вавилонская башня. (сигаретные пачки) 1995

12. Стихолье. (оргалит, металл), 1995

13. Осколок зеркальной галактики. (дерево, картон, зеркало) ,1996

14. Стихи на стекле. (дерево, стекло), 1996

15. Лабиринт сновидений. (оргалит, дерево), 1996

16. Квадратура неба. (оргалит, дерево, ракушки), 1996

17. Роза и крест. (оргалит, дерево, металл), 1996

18. Крути Лулия. (дерево), 1997

19. Книга воздуха. (картон), 1997

20. Горючее навигаторов. (вино, стекло, дерево, металл, бумага) совместно с Е. Стрелковым, 1997

21. Закрытая книга. (дерево, бумага), 1997
22. Чёрное и белое. (шахматы, бумага), 1996
23. Стихийиветр. (оргалит, дерево, металл, пластмасса, фольга), 1996
24. Окно на север. (бумага, парящие существа), 1997
25. Слова на ветер. (бумага, бамбук), 1997
26. Крепость Ал-Коголь. (бетон, камень, стекло, вино, дерево, металл), 1997
27. Водконапорная башня. (бетон, камень, металл, стекло, водка), 1997
28. Распятие распития. (стекло, металл, дерево, водка) совместно с В. Крупским 1997
29. Книга дыр. (дерево), 1997
30. Жизнь и бессмертие одинокого стула. (бумага, дерево), 1997
31. Механизмы времени. (2-е книги) (яблоневые срезы, бронза, механизмы времени), 1998
32. Мера моря. (бамбук, бумага, дары моря), 1998

3.2 Публикации в журналах и газетах:

Наука:

1. Polilov A.N., Pogarsky M.V. Rational geometry of unidirectional fiber-reinforced multi-link tubes// Interdisciplinary Symmetry Symposium.— Budapest, 1989, v. 2, p. 427-432.
2. Полилов А.Н., Погарский М.В. Параметры повреждаемости и повреждённости, характеризующие чувствительность композитов к отверстиям// Проблемы машиностроения и надёжности машин.— 1990.-N 1. — с. 71-76.
3. Полилов А.Н., Погарский М.В. Равнопрочная геометрия многозвенных трубчатых конструкций из однонаправленного композита // Механика композитных материалов. — 1990.— N 5.— с. 884-890
4. Погарский М.В. Выбор формы профиля трубчатой конструкции из однонаправленного композита // Механика композитных материалов. — 1991.— N 1.— с. 113-118
5. Полилов А.Н., Погарский М.В. Особенности разрушения однонаправленных композитных элементов при кручении // Проблемы машиностроения и надёжности машин.— 1991.— N 2. — с. 48-55
6. Полилов А.Н., Погарский М.В. Оценка прочности и жёсткости композитных элементов переменной толщины // Проблемы машиностроения и надёжности машин.— 1992.— N 1.— с. 54-58
7. Полилов А.Н., Погарский М.В. Оценка опасности продольных трещин при сжатии композитных элементов // Проблемы машиностроения и надёжности машин.— 1992.— N 4.— с. 87-93
8. Полилов А.Н., Погарский М.В. Испытания профилированных образцов с переменными размерами // В сборнике: Современные методы испытаний композитных материалов. Москва. 1992.— с. 156-175
9. Polilov A.N., Pogarsky M.V. Assessment of technological defects in composites taking account of specific dimensions of failure // Composites: fracture mechanics and technology.— Chernogolovka 1992.— p. 209-216

Литература:

Для взрослых:

1. Роман, которого не было // Дирижабль.— N 1.-1991.— с. 22-24
2. Фрагменты излишней жизни // Дирижабль.— N 2.— 1992.— с. 10-11
3. Путевые заметки // Дирижабль.— N 3.— 1993.— с. 14-17
4. Стихи // Дирижабль.— N 4.— 1994.— с. 24
5. Метаморфозы нормы (повесть, мощённая ритмом) // Дирижабль.— N5.— 1995.— с. 30-41
6. Пехоркин, Боратынский и другие // Дирижабль.— N 5.— 1995.— с.62-63
7. Белый шум головного мозга // Дирижабль.— N 6.— 1996.— с. 33

8. Страна шпилей и звёзд // Вечерняя Москва, 22.10.93
9. Вино-водочные лимерики // Чёртова дюжина N 18, 1995
10. Путешествие в шамбалу // Соло N 18, 1997
11. Тополиный стих // Дирижабль N 7, 1997
12. Интервью с январём // Дирижабль N 8, 1998

Для детей:

1. Медсестрёнка. Дяденька Брякс. Дайка, Нейка и Серый волк, а также все остальные тексты // БО-БО, 1997.
2. Рыбалочка // Весёлые картинки, N 6 1997.
3. Стихи // Миша, N2 1998
4. Тай-тай налетай // Куча мала, N5, 1998
5. Задачи про цветы // Куча мала, N7, 1998

Публицистика:

1. Homo bibentis — человек пьющий // Эхо планеты.— N 1.— 1995.— с. 18-22
 2. Пятая стихия // Новое время.— N 19-20.— 1995.— с. 46-48
 3. Интеллектуальное воздухоплавание // Воздухоплаватель России. 1995.— с.10
 4. Полёт над гнездом художника // Чудеса и приключения.— N 11.-1995.— с. 51-55
 5. Аэро-Арт // Бизнес Матч.— N 12. с. 40
 6. Русский Дисней // Вечерняя Москва, 16.07.96
 7. Многостраничные существа // Каталог выставки «Книга художника и поэта» 1998
- Интервью:
1. Погостите в алфавите // Вечерняя Москва, 17.11.92
 2. Мне нужно немного: бумага, карандаш и одиночество // Вечерняя Москва, 18.08.93
 3. Своей собственной головой // Вечерняя Москва, 27.12.94
 4. Если вы хотите найти истину, то... // Книжное обозрение N 8, 21.02.95
 5. Послушайте: если книга без страниц, значит, это кому-нибудь нужно // Книжное обозрение N45, 07.11.95
 6. Оглавление к несуществующему сборнику // Вечерняя Москва, 24.01.96
 7. Наши книги трудно зачитать до дыр // Вечерняя Москва, 09.07.96
 8. Орфический знак // Вечерняя Москва, 15.10.95
 9. Книги — это изделия духа // Книжное обозрение N 1, 1997
 10. В гостях у сказочника // Семья N 8, 1998

Телеинтервью:

1. Программе Там-Там новости // 1993
2. Программе Намедни // 1995
3. Кабельное телевидение // 1996
4. Канал Столица // 1998

Радиоинтервью

1. Радио России (серия материалов с Еленой Упоровой)
2. Маяк
3. Радио 101
4. Радио 1, и др.

Краткие заметки:

1. Воздушное плавание // Вечерняя Москва, 26.05.93
2. «Дирижабль» на литературном небосклоне // Вечерняя Москва, 04.02.94
3. Тень от выставки // Вечерняя Москва, 13.04.94
4. Навигаторы приходят в ЦДЖ // Вечерняя Москва, 10.05.94
5. Арсенал неформалов // Вечерняя Москва, 27.12.94

6. К последнему гвоздю // Вечерняя Москва, 29.04.95
7. Ното volaticus — человек летающий // Вечерняя Москва, 13.05.95
8. Художник таранного типа // Вечерняя Москва, 08.09.95
9. Я — издатель // Вечерняя Москва, 05.05.96

Интервью с деятелями культуры:

1. С Андреем Битовым. Шёл и подумал // Дирижабль N 1.— 1991.— с. 6-11 (Совместно с Е. Стрелковым)
2. С Леонидом Бежиным. Александр Первый и Старец Фёдор Кузьмич // Дирижабль N 1.— 1991 с. 26-29 (совместно с Е. Стрелковым)
3. С Владимиром Малявиным. Восток-Запад // Дирижабль N 2. - 1992.— с. 32-39 (совместно с А. Стрелковым)
4. С Василием Кторовым. Путь России — путь поиска // Дирижабль N2.— 1992.— с. 40-41
5. С Андреем Битовым. Театр книги Багаж // Дирижабль N 2. с. 45
6. С Владимиром Джанибековым. Вирус воздухоплавания // Воздухоплаватель России.— 1995.— с. 11

3.3 Рецензии

1. Малышкины книжки // Вечерняя Москва, 4.08.93
2. Учиться., рисуя // Среда, 15.09.93
3. В королевстве знаний // Среда, 24.11.93
4. Особый звук // Вечерняя Москва, 15.12.93 (Е.Садур)
5. Малышкины книжки // Среда, 22.12.93
6. Лекарство от глупости // Вечерняя Москва, 25.01.94
7. Сорокаградусный словарь // Московский комсомолец, декабрь 1994
7. От детской песочницы до заоблачной элиты // Вечерняя Москва, 24.06.94 (В. Эсинский)
8. Не пьянства окаянного ради... // Новое время N 50, 1994.— с. 48 (А. Винокуров)
9. Из «Краткого словаря алкогольных терминов» // Клубный пиджак, 03.02.96
10. «Не читайте, будучи нормальным...» // Книжное обозрение N 18, 30.04.96
11. Тай-тай, налетай.(С. Карнеев)// Семья N 5, 1998.
12. Зачем вороне кошащая голова (А. Одинцова)// Семья N6, 1998
13. Осторожно волшебное (С. Карнеев)//Семья N7, 1998

4. Участие в выставках:

1. «Ф'арт»// ЦДХ, Москва. 5-24 апреля 1994 г.
2. «Ното volaticus» // Звёздный городок, август 1995; Долгопрудный, сентябрь 1995; Краснотуровск, ноябрь 1995; Москва, музей экслибриса, февраль 1996.
3. «32 с половиной» // персональная выставка в галерее «Арх-Арт», Москва, март 1996
4. «Дирижабль» // Дом актёра, Нижний Новгород, май 1996
5. Фестиваль реального авангарда «Полоса» // Дом архитектора; Полоса мокрого песка на берегу Волги, август-сентябрь, 1996
6. ЭКСПО-ПАРК// Москва, ЦДХ, Крымский вал 10, ноябрь 1996
7. АРТ-САЛОН // Москва, Центральный выставочный зал Манеж, апрель 1997
8. Проекция неба // д. Дракино, берег реки Протвы. 1 мая 1997
9. Книжный салон// Н. Новгород, Ярмарочный комплекс, август 1997
10. London Book Fair// Лондон, Олимпия, март 1998
11. Игра в неожиданную философию// (выставка-встреча) Москва, ЦДХ, Крымский вал 10, апрель 1998
12. Книга художника и поэта// Н. Новгород, Дом архитектора, 28.04-31.05.98
13. Переправа через пойму времени// д. Дракино, река Протва, 1 мая 1998 г.
14. Свет книги// Прага, 21-24 мая 1998
15. Проекция неба// Москва, Малый манеж, Московский международный форум художественных инициатив «Контрольная станция чувств», 3-10 июля 1998 г.

5. Путешествия:

5.1 Города и веси:

5.1.1 Россия:

1. Москва и Подмосковье:

Красногорск, Сергиев Посад, Волоколамск, Истра, Дедовск, Архангельское, Новоникольское, Нахабино, Опалиха, Мытищи, Пушкино, Реутов, Балашиха, Долгопрудный, Звёздный, Ап-релевка, Чехов, Серпухов, Жуковский, Куровская, Черусти, Люберцы, Раменское, Солнечногорск, Клин, Подольск, Можайск, Черноголовка, Голицыно, Гжель, Кузьево, Дракино, Таганьково, Ни-коло-Урюпино, Отрадное, Кратово, Быково и др.

2. Санкт-Петербург и окрестности:

Петергоф, Царское Село, Павловск, Пенаты.

3. Владимир и область:

Муром (Вербовский, Крачарово, Панфилово, Ковардицы, Благовещенск, Борис-Глеб, Але-шунино, Селиваново, Польцо, Заколпье, Вековка, Булатниково, Кондаково, Зимёнки, Чадаево, Ратово), Ковров, Суздаль, Меленки, Судогда, Вязники, Петушки, Гороховец.

4. Нижний Новгород и область:

Арзамас, Черемас, Навашино, Чудь, Ефаново, Монастырёк, Родяково, Сонино, Дедово, Ма-лышево, Дзержинск.

5. Липецк и область:

Елец, Задонск, Становая.

6. Смоленск и область:

Сыр-Липки, Аполье, Солошино, Талашкино, Каспля

7. Тверь и область:

Вышний Волочёк, Торжок, Выдропужск, Камушки.

8. Свердловск — 1980

9. Оренбург — 1980

10. Псков — Пушкинские горы — Михайловское — 1995

11. Новгород — Старая Русса — 1995

12. Ярославль — 1996, Переяславль-Залесский — 1982

13. Кострома — 1996

14. Иваново — 1996

15. Казань — 1996

16. Чебоксары — 1994

17. Ростов-на-Дону — Таганрог — 1995

18. Балаково — 1982

19. Брянск — 1984

20. Тула — 1996, Ефремов — 1981

21. Рязань — 1997

Касимов, Спас-Клепики, Гусь-Железный.

22. Калуга — 1996, Обнинск, Боровск, Таруса, Беницы

23. Курск — 1997

24. Орёл -1997

5.1.2 Украина

1. Крым:

Симферополь, Севастополь, Бахчисарай, Ялта, Феодосия, Судак, Старый Крым, Алушка, Алушта, Симеиз, Гурзуф, Евпатория, Мисхор, Песчаное, Курортное, Соколиное, Рыбацкое, Гене-ральское, Коктебель, Джанкой, Солнечная долина, Щебетовка, Новый Свет, Лисья бухта, Эчки-Даг, Кара-Даг, Большой каньон, Совхоз им. Чкалова.

2. Одесса и Белгород-Днестровский — 1983

3. Киев — 1985

4. Житомир — 1984

5.1.3 Белоруссия

1. Минск — 1997

5.1.4 Латвия

1. Рига и окрестности: 1978, 1984, 1990.

Юрмала, Сигудда, Пабожи, Адажи.

5.1.5 Эстония

1. Таллинн — 1982

5.1.6 Казахстан

1. Алма-Ата — 1983

2. Актюбинск — 1980

5.1.7 Италия

1. Болонья — 1997

2. Венеция — 1997

3. Флоренция — 1997

4. Гвате-маре — 1997

5. Римини — 1997

5.1.8 Турция

1. Стамбул — 1997

5.1.9 Англия

1. Лондон — март 1998

2. Дувр — март 1998

3. Фолкстоун — март 1998

4. Манчестер — март 1998

5. Гринвич — март 1998

5.1.10 Чехия

1. Прага — май 1998

5.1.11 Польша

1. Варшава — май 1998

5.2 Реки и озёра

1. Ока (от устья Пры до Нижнего Новгорода)

2. Волга (от Ярославля до Казани)

3. Бужа (от Тасино до устья)

4. Цепь междуречных озёр (Святое, Ивановское, Великое, Сокорево)

5. Пра (от истока до устья)

6. Тверца (от истока до устья) 1990

7. Истра (от истока до устья)

8. Волгуша

9. Березайка и Мста

10. Поля (от Кривандино до устья, и от Кривандино вверх)

11. Нерская

12. Москва (от Можайска до Тучково, а также район Москвы)

13. Керженец

14. Ушна (район устья)

15. Мотра (район устья)

16. Тёша (район устья)

17. Велетьма (район устья)

18. Серёжа (Район устья)

19. Дон (район Задонска, а также район устья)

20. Клязьма

21. Колпь и Гусь (Владимирская обл.)

22. Лопасня

23. Лух

- 24. Святое оз. (Нижегородская обл. д. Дедово)
- 25. Моцкое оз., оз. Мичкар, оз. Вишу, Кривое оз., Кудрявое оз.,
Урвановское оз., Колтуки, (Муромский р-н)
- 26. Гжелка
- 27. Протва (район Боровска и район устья)

5.3 Моря и проливы

- 1. Чёрное
- 2. Азовское
- 3. Балтийское
- 4. Средиземное
- 5. Адриатическое
- 6. Мраморное
- 7. Пролив Босфор
- 8. Пролив Ла-Манш

*На обложке рисунок Стаса Светоченкова,
на титульных рисунки Евгения Стрелкова,
портрет работы Андрея Стрелкова*

Михаил Валентинович Погарский

ВВ

роман-стих

приложение № 8 к альманаху «Дирижабль»

художник Евгений Стрелков

редактор Елена Спирина

компьютерная вёрстка Дмитрия Хазана

*издание подготовлено при участии
издательства и дизайн-студии «Дирижабль»*

альманах «Дирижабль»,
лицензия №016100 от 14.05.97

603106, Нижний Новгород, а/я 17
Тел./факс: (8312) 33-60-49, Тел: (095) 564-51-45.

отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия»,
428019 г.Чебоксары, пр. И.Яковлева,13.

формат 75х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ

— МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ —